Василий Мурзинцев

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО СОВЕТНИКА В ЕГИПТЕ

Калуга , 1995

Светлой памяти боевой подруги
Любови Александровне Мурзинцевой
посвящаю.

Лицензия № ЛР 010141 от 23.12.91

Сдано в набор 13.09.94. Подписано в печать 17.11.94. Формат 60x84 1/16.
Тираж 2000 экз. Зак. 67к.

МРИП, г.Калуга, пл. Старый Торг, 4

ГП "Полиграфист", 248640, г.Калуга, пл. Старый Торг, 5

ОТ АВТОРА

Знаю я, что дело наше свято.
Не к лицу нам горе горевать.
Но настанет час и мы, солдаты,
Это время будем вспоминать.
И тогда своим расскажем внукам
О друзьях, что пали здесь в песках,
И о том, как русская наука
Победила у арабов страх.
А еще мы скажем нашим внукам,
Чтоб любили бабушек своих,
Потому что с нами ту науку
Всю прошли и все сахих!*

Предлагаемые читателям «Записки...» подготовлены на основе дневника, который я вел в 1970-1972 гг., находясь в Египте в качестве военного советника командира зенитно-артиллерийского полка. Заново перечитывая написанное более двадцати лет назад, я не только вспомнил и пережил былое, но увидел и по-новому оценил те события, в которых мне довелось участвовать. В основе своей все правильно. Но, положа руку на сердце, признаюсь, что очень хотелось кое-что исправить, что-то дополнить или вычеркнуть.

Не буду указывать те места «Записок...», которые я считаю слабыми или ошибочными. Они не носят принципиального характера. Думаю, что подобного рода исправления задним числом не улучшат содержания «Записок...», но лишат их того неуловимого аромата, которым всегда веет от первоисточника.

Все мои действия, рассуждения и оценки соответствуют реальностям тех лет. Да, я так думал, так говорил и был убежден в правильности своих слов и действий. В свете сегодняшней информированности некоторые мои рассуждения покажутся наивными и упрощенными, но я не хочу ничего изменять в тексте, потому что не в силах изменить прошедшей жизни.

«Записки...» начинаются без какого-либо пояснения предыстории описываемых событий. Между тем для лучшего понимания их это сделать необходимо.

До 30 мая 1970 года я проходил службу в Дальневосточном военном округе в должности командира зенитно-артиллерийского полка. До этого, в январе, я впервые в жизни отдыхал в санатории. Однажды меня пригласили к телефону. Звонили из отдела кадров военного округа. Так я узнал, что рассматривается вопрос о моей командировке «в одну из жарких стран». Я попытался узнать что-нибудь поконкретнее, но мне сказали: «Это не телефонный разговор». От меня хотели только

* сахих - правильно.

одного: нет ли с моей стороны существенных препятствий или возражений. Если нет, то надо на неделю сократить отдых и возвратиться в часть.

Только при оформлении документов я узнал, что командировка намечается в Египет. На военном совете армии меня снова спросили о моем отношении к службе в Египет. Что я мог ответить?

Сегодня не все мне поверят, что еще в школьные годы я хотел быть военным. Вероятно, это желание возникло под влиянием рассказов отца. Он в юные годы вступил в партизанский отряд и участвовал в боях с колчаковцами. Вслед за мной воинской службе посвятили себя два моих младших брата. Сейчас они оба полковники.

В годы войны у меня было стремление попасть на фронт. Поэтому, узнав о появлении у нас на Алтае 4-й Московской социальной артиллерийской школы, я поступил туда. Но оказалось, что школа готовит к поступлению в военное училище и только после окончания его можно было попасть на фронт. Хотя мы носили военную форму, даже погоны, мы не были военнослужащими. Школа относилась к Наркомпросу. Было это в 1943 году. Аттестат зрелости, только что введенный, я получил в Москве в июне 1945 года. После окончания училища началась обычная офицерская служба в разных округах и гарнизонах от реки Одер на западе до озера Ханка на востоке.

Не писал я рапортов с просьбой направить меня в какую-нибудь горячую точку. В те годы на границе с Китаем обстановка была очень напряженной. Доходило до вооруженных столкновений и разного рода нарушений. Работы у командира полка в этих условиях было невпроворот. Впервые за двадцать лет службы у меня был хорошо устроен быт. Приличная квартира в центре города Благовещенска, жена работает в поликлинике, сын учится в десятом классе. А тут предлагают поменять Дальний Восток на Ближний. И все благополучие летит кувырком. Для военного человека это не могло быть серьезной причиной отказа от ответственного задания. Главным было то, что я был убежден тогда и убежден сегодня в правильности политики помощи Египту, в том числе и военной. Не всегда она правильно проводилась в некоторых деталях, но это уже другая тема.

Короче говоря, 2 июня рано утром с группой товарищей и туристами из Магадана я был в Шереметьеве. Утро выдалось прохладным, и мы натянули на себя непривычные гражданские плащи. В карманах у нас лежали заграничные паспорта.

В утробе ИЛ-18 разместились кому как удобнее. Самолет, видимо, простоял в аэропорту всю ночь. В салоне было свежо. Я занял место у иллюминатора и уселся, не снимая плаща. Маршрут наш пролегал через Крым, Турцию, остров Кипр на Александрию. Конечный пункт международный аэропорт восточнее Каира. До Крыма под самолетом была сплошная облачность и только над Крымом она исчезла. Но сохранилась дымка, размывшая побережье нашего Причерноморья. Турция была видна лучше, но, кроме гор, ничего не запомнилось. Зато остров Кипр и Средиземное море поразили яркостью красок. Голубое небо слилось с голубым морем. Горизонт исчез. Внизу зеленый остров в обрамлении белой рамки прибоя. Маленькие кораблики оставляют за кормой длинный белый след. На горизонте появился африканский берег. Ярко-желтый песок, белая ломаная линия прибоя и различного оттенка морская вода. От светло-голубого до темно-зеленого.

Неожиданно в иллюминаторе я увидел пару истребителей. Зашли они с хвоста. Четко вижу на фюзеляжах звезды Давида. Некоторое время самолеты Израиля идут рядом с ИЛ-18, затем отваливают и скрываются где-то внизу.

Пока я наблюдал за истребителями, наш самолет заметно снизился и сбавил скорость. Летим над границей зеленой зоны дельты Нила, справа пустыня. Но вот и посадка. Перешагнул порог салона. Ощущение такое, словно меня сунули в раскаленную духовку. На ступеньках трапа снимаю плащ, а с первыми шагами по египетской земле освобождаюсь от пиджака и расслабляю галстук. Спешим под крышу аэропорта. Нас никто не встретил. Тычемся, как слепые котята, по углам. То разбредемся, то снова толпимся, на зная что делать. Кто-то из наших на весьма слабом английском начинает выяснять у арабов порядок оформления документов. Нам выдают карточки с образцами заполнения на английском языке. Латинскими буквами записываю фамилию, имя, отчество. Остальное копирую у товарища, с кото-

рым даже не познакомился. Когда мы уже все оформили и прошли таможенный досмотр, появился наш представитель с переводчиком. Извинились за опоздание и пригласили в автобус.

Приехали мы в офис - так назывался штаб главного военного советника и командующего нашими войсками в Египте. Там нас расписали по родам войск и определили место жительства. Мне и подполковнику Геннадию Яворскому, тоже зенитчику, отвели комнаты в десятиэтажном здании в Олимпийской деревне. «Мединат Наср» - или «Городок Победы» - так назвали египтяне комплекс зданий, построенных для участников Олимпийских игр, сорванных нападением Израиля и возникшими в связи с этим трудностями в Египте.

Первые дни мы чувствовали себя неуютно. Казалось, что мы здесь не очень нужны. Возникали проблемы, которые самостоятельно решить нам было невозможно. Например, Г.Яворский и я целую неделю не могли переодеться в форму египетской армии. Каждый день мы на попутных машинах выезжали в «Гюши», так называлось место нахождения старшего советника по ПВО и где было очень много наших советников. Все попытки выяснить, где и как можно получить обмундирование, встречались вопросом: «Вы, что, маленькие? Езжайте на склад и переобмундировывайтесь». Но где и как искать этот склад в огромном городе? На чем ехать, как объясняться? Документов у нас никаких. Даже заграничный паспорт изъяли в офисе. За это же время не могли выяснить, где находятся наши полки. После недавних налетов и связанных с ними потерь, а также с появлением новых формирований была произведена перегруппировка средств ПВО, и «наши» «потерялись». Никто не знал, куда нас направить. Через неделю все как-то выяснилось и утряслось. Мы выехали на фронт. Так началась моя служба в армии Египта.

Автор "Записок" после возвращения
из Египта 1972

Часть первая

НА СУЭЦКОМ КАНАЛЕ

Глава 1. Мистер Усэма и другие

10 июня 1970 года часов в 9 утра мы выехали из Каира на двух машинах в штаб 3-й полевой армии.

Впереди на «Волге» ехали генерал П.Просвиркин и начальник ПВО сухопутных войск бригадир Хельми с манерами и видом учителя. С ними находился переводчик, молодой парень с усиками под араба, но рыжеватого цвета мой тезка, «мистер Василий». Следом на ГАЗ-69 ехали подполковник Геннадий Яворский и я. Часа через два без происшествий и остановок прибыли в штаб, где нас встретил полковник Адам Седлецкий и его шеф, бригадный генерал. Здесь уже были советники и командиры других частей.

С интересом я ждал мистера Усэму, будущего моего подшефного или, как здесь говорят, подсоветного.

Но вместо него приехал начальник штаба накиб* Рэфорд, молодой, но уже полный, скорее округлый человек со спокойными глазами, в которых замечалось не то любопытство, не то настороженность.

После длительного ожидания и обмена любезностями, атрибутом которых явился непременно крепко заваренный чай и прохладительные напитки («кока-кола», «сико»), и короткого совещания мы разъехались по местам.

Впервые я увидел столь бесплодную землю. Справа и слева по шоссе от горизонта до горизонта ни деревца, ни зеленой травинки. Лишь кое-где, чаще почему-то у самой дороги, растут зелено-серые колючки, напоминающие наши степные перекати-поле.

Но это не та пустыня с песчаными барханами, что можно увидеть из окна вагона от Аральского моря до Ташкента.

Прежде всего бросается в глаза обилие гравия. Трудно даже определить песок ли с гравием или гравий с песком покрыли ог-

* Накиб - капитан.

ромные пространства Аравийской пустыни.

Вся страна представляется карьером по добыче гравия. Пожалуй, слово «добыча» не соответствует нашему представлению. Просто гравий можно брать в любом месте, за исключением узкой долины Нила и его дельты.

Огромные площади, так и хочется сказать поля, ровно засыпаны гравием и утрамбованы ветрами, кучки и кучи, бог весть когда и кем насыпанные в беспорядке по обе стороны дороги, холмы и наконец настоящие горы строительного материала высотой 300-500 метров. И все это темно-желтого цвета, порой с коричневым оттенком.

Чем ближе к Суэцу, тем больше признаков войны: группы солдат бродят по пустыне, много военных грузовиков, чаще пустых, движется в обоих направлениях, в большинстве своем они советского производства.

Немало и легковых машин самых разных типов, собранных, кажется, со всего света.

В окопах замаскированы машины, танки.

На отдельных участках шоссе работают катки. Укатывают свежий слой асфальта. Тут же нагромождены бочки с асфальтом, дымят печи.

Проезжаем контрольно-пропускной пункт. Контролеры пропускают нас беспрепятственно.

Рядом с КПП большое двухэтажное здание, мечеть, магазин с прохладительными напитками (это запоминается прежде всего), заправочная станция. Вокруг строений несколько пальм. Живым забором растут запыленные кактусы, с мясистыми, как лепешки, листьями. Все это покрыто слоем желтой пыли.

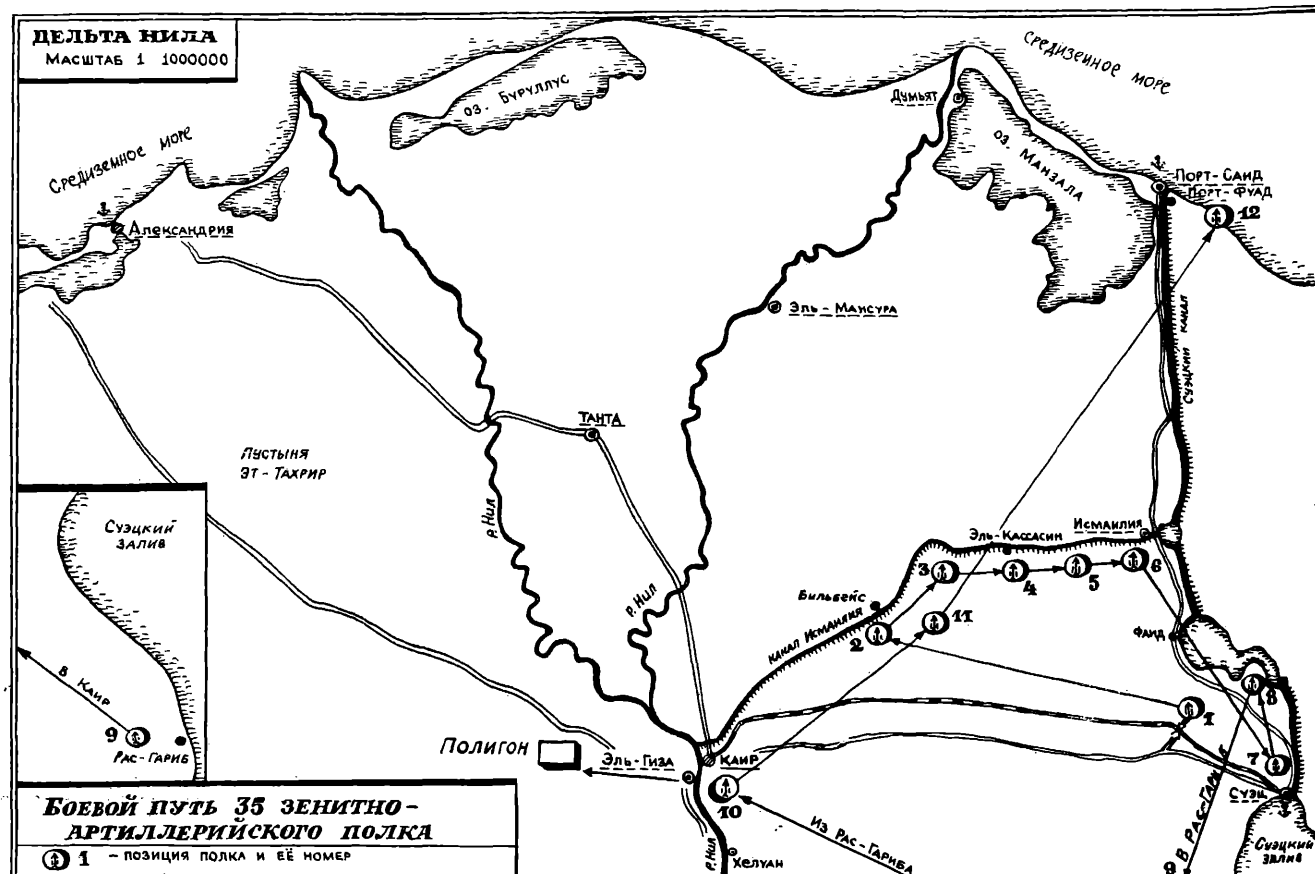
После КПП машины набирают скорость, и снова черная лента асфальта и однообразие пустыни.

На 109-м километре подъезжаем ко второму КПП и поворачиваем налево. Проезжаем небольшой тоннель под железной дорогой Каир Суэц и сразу же вижу: машины в окопах, а за ними стволы пушек. Это одна из батарей полка. Метрах в трехстах от батареи находится Командный пункт полка.

Машина остановилась. Я вышел и увидел ступеньки, ведущие вниз, под маскировочную сеть. Под ней оказался небольшой дворик почти квадратной формы. Дворик ограничивался тремя отвесными стенками. Прямо передо мной темнел вход в убежище - мэльгу, справа узкая щель прохода на КП к соседней мэльге, слева - обитые жестью кабины. В одной душ, в другой - туалет. Над кабинами возвышался большой металлический бак с водой. Накиб Рэфад вежливо тронул меня за руку и молча показал на темневший вход.

Я также молча кивнул и, пригнувшись, вошел в мэльгу.

Под переносной электролампочкой, прикрепленной к потолку, сидел широкоплечий, плотный, среднего роста араб. При моем по-



Боевой путь 35 зенитно-артиллерийского полка

1 – позиция полка и её номер

явлении он поднял голову и встал, через стол протянул руку, улыбаясь, сказал по-русски:

- Здравствуйте, я мистер Усэма.

Пожимая руку мистера Усэмы, я ответил заранее выученным арабским приветствием:

- Ас салям алейкум! Мир вам.

Подготовленный в штабе, тут же представился: «Мистер Василий», хотя и странно было так называться. Но моя длинная фамилия и русскому не сразу запоминается, не говоря о том, что ее довольно трудно произносить. Так я стал мистером Василием на два длинных года.

Указав мне на низкое, широкое кресло с ватным сидением и спинкой, мистер Усэма снова по-русски сказал: «Садитесь» и удобно устроился в своем кресле.

Продолжая приветливо улыбаться, мистер Усэма, разделяя каждое слово, спросил:

- Шай? Кофе? Кока-кола?

Я выбрал чай.

Мистер Усэма что-то крикнул, и скоро солдат на подносе принес чай, крепкий до горечи и сладкий до приторности. Обычно я пью чай довольно быстро, конечно, в зависимости от его температуры. Здесь же, подражая своим новым друзьям, пил маленькими глотками и после каждого глотка ставил стакан на стол.

- Как здоровье, мистер Василий? - почти без акцента спросил мистер Усэма.

- Хорошо, - ответил я, - спасибо.

- Карашо, - повторил он и спросил, - Как дела?

- Хорошо, - снова ответил я.

Карашо. Мадам твой Каир? Как ей здоровье?

Эти фразы мистер Усэма произнес сильно растягивая и с некоторым затруднением. Видимо, запас русских слов иссякал.

Воспользовавшись паузой, я начал задавать ему эти же вопросы и в той же последовательности.

Мистер Усэма на каждый вопрос отвечал:

- Карашо, карашо.

На этом наша беседа закончилась, мы смотрели друг на друга и вежливо улыбались. Глядя на нас, улыбались и присутствовавшие офицеры.

Хотя беседа была коротенькой, она растянулась часа на два. К мистеру Усэма постоянно входили и обращались офицеры, солдаты, сержанты. Входившие офицеры после приветствия протягивали в знак уважения своему командиру руку и тот, слегка поднимаясь, пожимал ее, после чего прибывший протягивал руку остальным, в том числе и мне. После кивка командира офицер садился, и солдат на подносе приносил ему чай. Часто звонил телефон и тогда мистер Усэма долго говорил что-то недовольным

голосом, почти не слушая невидимого собеседника. В такие минуты я с любопытством осматривал мэльгу.

Убежище, мэльга, имеет вид эллиптической трубы со срезанной нижней частью, составленной из металлических секций высотой два метра. Очень похоже на проход, который ставят в цирке на арене, когда выпускают львов и тигров. Сверху мэльга покрыта мешковиной и обложена небольшими мешками с песком. Вполне надежное убежище от 100-килограммовых бомб, если не будет прямого попадания.

Внутри нижняя часть мэльги зацементирована и покрыта коврами из грубой желтоватой, вероятно, верблюжьей шерсти. У задней стенки стоит широкая металлическая койка командира полка, перед ней кресло и складной стол, за которым сидит мистер Усэма. Перед ним письменный прибор с медным орлом - гербом ОАР. Только из-за герба прибор стоит на столе чернильницы пусты. По правую руку на углу стола настольный календарь, по левую руку в подставке Коран в зеленой цвет ислама обложке с золотым тиснением. Правее стола - металлическая тумбочка с радиоприемником и телефоном. Перед столом небольшой деревянный столик с черной лакированной крышкой и изображенной на ней танцовщицей. На него мы ставим свои стаканы. Еще одно кресло, на котором сижу я, и стулья для офицеров. У входа - питьевой бачок, который используется для мытья рук и губ после приема пищи. В проходе стоят два больших аккумулятора для питания переносной лампы над столом мистера Усэмы.

Как я впоследствии убедился, оборудование мэльги является типичным, а детали интерьера зависят скорее от вкуса хозяина, чем от оборудования да от количества жильцов. Офицеры живут по 3-4 человека в мэльге, солдаты - по отделениям,

Для солдат, конечно, кроватей не ставят. Постелью им служат два одеяла, одно из которых стелится на песок, другим укрываются. Простыни офицеры приобретают за свой счет, солдаты обходятся без простыней.

Пытаюсь вслушаться в разговор офицеров, но все слова сливаются, тем более, что говорят сразу два-три, а то и больше человек.

Рассматриваю офицеров. Все молодые, не старше 30 лет. Плотные, обмундирование чистое, лица приветливые, смуглые. Только один почему-то без усиков, наверное, оригинал. У остальных над губой тоненькие, тщательно подбритые, как шнурок с бантиком посредине, усы.

Из задумчивости меня вывел голос мистера Усэмы:

Мистер Васили, кушать?

У меня уже давно сосало под ложечкой, но я смирился с мыслью, что останусь без обеда, поэтому радостно закивал головой. Офицеры вышли. Мы смотрели друг на друга и вежливо улыбались. Наконец мистер Усэма решился:

- Мистер Васили, понимай ви... э, э, - нет, ви понимаете не... э, э, э, мистер Усэма смущенно развел руками. Я сделал то же самое и продолжал улыбаться.

И в последующие дни я улыбался. Это была единственная возможность показать, что я не глухой и не слепой. Не знаю, как выглядит моя улыбка, думаю, что не очень умно. Зато впоследствии узнал, что меня считают очень вежливым человеком. Как говорится, нет худа без добра.

Вскоре аскери (солдат) принес обед. Первое арабы не готовят, и это избавило меня от описания одного из блюд. На второе, которое нам подали первым, была фасоль с соусом, жареная баранина, какие-то жареные овощи типа наших кабачков, салат из помидоров и огурцов, отварной рис. На третье сырая вода. Впрочем, мистер Усэма сырой водой запивал все: и баранину, и рис, и помидоры. Все это, кроме теплой воды, имело какой-то кисловатый, не очень приятный привкус. О каждом блюде мистер Усэма справлялся:

Карашо?

Я кивал и отвечал: «Хорошо», но через два часа после обеда снова захотел есть.

После обеда к мистеру Усэме снова пришли офицеры, и тут я выяснил, что один из них накыб Усэма, тезка командира полка, инженер по радиолокации, знает немецкий язык. Это меня очень обрадовало, так как теперь я мог выяснить хотя бы элементарные вопросы. Накыб Усэма стал моим переводчиком.

Я попросил вызвать солдата, знающего русский язык, о котором меня предупредил мистер Адам. Этот солдат три года работал с нашими специалистами на строительстве Асуанской плотины и мог мне пригодиться. Мистер Усэма куда-то позвонил и сказал, что солдат скоро придет.

Я предложил мистеру Усэме поехать на огневые позиции батарей, но он положил руку на телефон и сказал:

Есть приказ командиру не отлучаться.

Я удивился такому приказу, но уточнять не стал и решил ехать один. Мистер Усэма, услышав мое решение, сказал:

Мистер Васили, с вами поедет мистер Рэфод.

Я согласился.

В это время пришел солдат, знающий русский язык. Я заглянул в словарь и спросил:

Исмак э? Как тебя зовут?

- Саади, - ответил он и добавил: - Я расскажу по-русски.

Это означало, что он говорит по-русски.

Передо мной стоял невысокого роста, похожий чем-то больше на казаха, чем на араба, молодой солдат.

- Хорошо, потом расскажешь. А сейчас едем на батарею. Понял?

Понял, - ответил Саади.

Когда мы вышли из мэльги, солнце уже прошло половину пути от зенита до горизонта, но жара от этого не уменьшилась. С невысокого холма были видны огневые позиции трех батарей. Четвертая стояла в низине и дальше всех и ее не было видно.

Мне хотелось быстрее ознакомиться с боевым порядком полка, осмотреть хотя бы бегло материальную часть, инженерное оборудование, организацию управления огнем батарей, а главное, посмотреть на солдат. Я знал, что еще не прошло и месяца, как 18 «Фантомов» бомбили боевой порядок полка и при этом серьезно пострадали две батареи. Было убито 35 человек, 17 ранено, повреждено 7 орудий, из которых не подлежали восстановлению три, пострадали СОН-9 и ПУАЗО.

Саади оказался, несмотря на его большое желание, плохим помощником, и мне пришлось только смотреть.

Саади хорошо знал названия слесарных инструментов: молоток, напильник и т.д. Впоследствии он рассказал мне, что на Асуанской плотине его учил Виктор Иванович Гончаренко. Видимо, считая, что русские все друг друга знают, Саади спросил:

Ти знает Виктор Иванович?

На мой отрицательный ответ удивился и сказал:

Кароший человек. Почему он мать ругал, я не знай.

Какую мать? - спросил я.

Я не знай. Когда работает, молоток упади - он говорит мать, когда жарко, он говорит мать.

Тут Саади показал, что может говорить почти без акцента.

- Это нехорошие слова, - сказал я ему. - Наверное, Виктор Иванович был сердитый?

- Нет, Виктор Иванович был хороший человек.

Из какого он города? - полюбопытствовал я.

Из Силинграда.

Из Сталинграда? - переспросил я.

- Да, из Силинграда, - ответил Саади.

- А может из Целинограда? - переспросил я. - Это другой город.

Из Силинграда, - утвердительно кивнул Саади.

- А ты знаешь где этот город?

- Руси.

Руси большой, - развел я руки, - городов много.

Я не знай, - ответил Саади.

Я заставил его несколько раз произнести название города, но Саади ухитрялся так его исковеркать, что не было никакой возможности узнать, в какой же город адресовать благодарность Виктору Ивановичу за привитое арабскому парню красноречие.

Видимо, Саади не понимал полного значения слов, которые произносил, так как после моей просьбы охотно обещал больше нехорошие слова не говорить и свое обещание выполнил.

Но все же думаю, что он это сделал скорее от страха перед аллахом, так как Коран запрещает нецензурные и оскорбительные сло-

ва. А Саади пока что верил в аллаха, хотя и не молился, ссылаясь на недостаток времени.

Саади очень тепло вспоминал Виктора Ивановича и, видимо, по нему судил о всех русских, когда говорил:

- Русси - хороший люди.

Наступила война, и Саади попал в армию. Технически грамотный, мастеровой, он оказался хорошим солдатом. Теперь уж мне пришлось учить его новым словам, военным. Во время проверки батарей я прикасался к детали орудия, прибора, к снаряду и говорил:

- Ствол, прицеп, дальномер, снаряд, гильза,.. - и так далее.

Саади усердно записывал русские слова арабскими буквами, а я арабские слова русскими буквами. Так Саади продолжил пополнение запаса русских слов, а я впервые давал уроки русского языка.

Первые две батареи произвели на меня хорошее впечатление. Окопы были хорошо оборудованы, солдаты выглядели бодро. Попытались что-то мне рассказать, но я, к сожалению, ничего не понял. Никаких следов подавленности или растерянности я не заметил. Хотя не все в батарее отвечало требованиям наших уставов, в общем я остался доволен.

Когда мы приехали на ОП третьей батареи, Саади начал что-то мне объяснять, часто повторяя слово «Фантом». Скорее по его жестам и выражению лица я понял, что ожидается налет и нужно ехать на КП.

«Фантом» здесь звучит совсем не так, как у нас на Родине. Все солдаты тревожно смотрели в небо.

Только мы приехали на КП, как была объявлена тревога. Я спустился и увидел, что цель приближается к боевому порядку полка. В это время чуть вздрогнула земля, и затем докатился глухой раскат взрыва. С наблюдательного пункта были видны клубы желтой пыли, повисшей в воздухе. Пыль медленно оседала, редела, словно таяла там же, где и поднялась. Слышен был гул моторов, но самолетов видно не было. В темнеющем небе появились красные точки трассеров. Стрелял соседний полк, в районе которого взорвались бомбы. Звук самолета стал удаляться, но стрельба соседнего полка продолжалась, и я засмотрелся на красные пунктирные линии, бесшумно встававшие в небе. Кто-то дернул меня за рукав, я оглянулся и увидел примерно в километре от КП поднимавшееся от земли темное облако и сразу же донесся звук разрыва. Бомба упала между шоссейной и железной дорогой Каир - Суэц. Это были разрывы боевых бомб, которые я увидел так близко впервые в жизни. Страха не было. Было любопытство и азарт. Полк огонь не открывал из-за большой высоты цели - 7 километров.

К моему приезду не готовились, поэтому меня поместили в мэльгу, где стояли три койки. На одной из них разместился я, на двух других четыре офицера - араба. Простыней и наволочек в армии ОАР не положено. Я под голову постелил полотенце и лег, не раздеваясь. Ночь прошла спокойно.

В мэльге*

(Подражание А.Суркову)

В душной мэльге живу я один
И печурка мне здесь не нужна.
Называют меня «господин»,
Называют жену «госпожа».

Днем меня донимает жара,
Лунной ночью я вовсе не сплю.
Мне поспать не дает мошкара,
А поспать я, признаться, люблю.

Между нами барханы песка,
Как, бывало, снега под Москвой.
И такая ж тупая тоска,
О моей госпоже дорогой.

Не поет здесь гармонь в тишине,
Только ветер песками шуршит,
Где-то «Фантом» гудит в вышине,
Как гудел над Москвой «Мессершмитт».

За спиной опаленный Каир,
Впереди разбомбленный канал.
Затерялся в ООН где-то мир
И Аллах, видно, тоже пропал.

В позабытой Аллахом стране
Много лет не смолкает «пурга».
Здесь служу я родной стороне,
А до смерти четыре шага.

* Мэльга - (араб.) - землянка.

Глава 2. День второй и последующие

Если сказать, что наступило солнечное теплое утро, то здесь это значит не сказать ничего. Месяцами каждое утро солнечное и не просто теплое, а жаркое. Жара начинается сразу же, как только солнце оторвется от горизонта и прохладой подует только после того, как оно скроется за горизонтом. После весьма скромного завтрака мистер Усэма достал карту и, показывая на канал, сказал:

Мистер Васили, нада ехать смотреть, - он карандашом обводил вдоль канала от Суэца до Горького озера нанесенные боевые порядки зенитных полков. Я не понял, зачем и кому нужно смотреть чужие полки, и пожал в недоумении плечами.

- Мы едем, - толкнул в грудь пальцем мистер Усэма сначала себя, а потом меня.

Я кивнул головой: раз надо значит надо. На месте, думаю, разберемся. Этот небольшой разговор занял примерно час. В этот час постоянно кто-нибудь заходил в мэльгу, собиралось по два-три офицера, звонил телефон, солдат постоянно разносил чай. Вообще жизнь била ключом. А вот и пример, как она «била». Около девяти часов раздался один из многочисленных звонков, последовал длинный разговор по телефону мистера Усэмы, после которого он сказал:

- Мистер Васили, ти ждет мистер Адам. Машина. Сейчас. Ехать ти.

Где машина? - спросил я, старательно разделяя слова.

- Машина ждет, - показал рукой на выход мистер Усэма, - ждет. С ти ехать мистер Рефард. Он нужен инженер. Делать позиции.

Не трудно было понять, что мне нужно срочно выезжать в штаб армии и со мной поедет начальник штаба. Но кто кому нужен мистер Рэфард инженеру или инженер мистеру Рэфарду, понять было невозможно. Но я не стал выяснять это, так как решил, что при встрече мистера Рэфарда с инженером все станет яснее. Мистер Усэма вышел из мэльги проводить меня к машине, а вернее, дать инструктаж водителю. Тут выяснилось, что машина не заправлена.

- Бензин нет, - спокойно сказал мистер Усэма, махнул водителю рукой, дескать, езжай, и пригласил меня снова в мэльгу.

Снова разговоры, телефон, чай. Примерно через час прибыла машина и мы снова вышли. Мистер Усэма о чем-то поговорил с водителем и... пригласил меня в мэльгу. Видимо, я весьма выразительно удивился. Мистер Усэма пытался объяснить что-то, но я не понимал. Наверное, вопрос был слишком сложным и слов моему собеседнику не хватало. Тогда он что-то сердито сказал водителю, тот поднял капот и показал мне щуп. Я понял без слов: масла в картере явно было мало.

Шофер уехал, мы зашли в мэльгу пить чай, короче говоря, выехали мы через два часа после того, как мистер Усэма сказал: «Машина ждет».

Мистер Адам удивился моему приезду и на мой доклад сказал, что он собирает советников завтра в 18 часов. Так и передал в части. Сейчас он готовит материал к совещанию, а мне предложил вернуться в полк.

Я с удивлением увидел, что мистер Рэфард тоже идет к машине. Видно, не очень он был нужен инженеру или инженер ему. Поехали обратно. Водитель, стараясь компенсировать всякие задержки, гнал машину, как на гонках. Я еще не запомнил дорогу, не наметил ориентиры, и поэтому спокойно посматривал по сторонам. Не обратил внимания на спидометр. Прямая линия шоссе Каир Суэц просматривалась далеко вперед. На горизонте постоянно стояло марево и казалось, что впереди шоссе полито водой. Через некоторое время я почувствовал, что мы должны уже быть в полку, а машина по-прежнему с большой скоростью мчалась к Суэцу. Я повернулся к мистеру Рэфаду и хотел выяснить, куда мы едем. Но все мои ухищрения не помогли. Пока я сидел спиной к ветровому стеклу и жестикулировал, впереди показалась полоса пальм и строения Суэца. Не доезжая примерно километра до города, мы свернули налево.

Вскоре подъехали к группе убежищ, врытых до уровня земли. В одно из них мы и зашли. Мэльга оказалась довольно просторной, так как состояла из двух рядом вкопанных мэльг и соединенных проходом. В одной из них была спальня, в другой не то столовая, не то кабинет. Скорее всего, и то, и другое вместе. Хозяином мэльги оказался молодой, безусый веселый араб. Молодой офицер был, видимо, большим поклонником женщин, так как все стены были увешаны красавицами в купальных костюмах и без оных, но чем-нибудь прикрытых. В этой мэльге нам два раза подавали чай, офицеры о чем-то весело разговаривали, смотрели картинки в журналах, напичканных рекламой женских купальных костюмов.

Я тоже смотрел, улыбался, пил чай и думал: «Зачем все-таки меня сюда привезли?»

Часа через два разговор стал затухать, и мистер Рэфад поцеловался на прощание с приятелем и вежливо сказал:

Мистер Васили, последовал красноречивый жест рукой к выходу. Я удивился себе, насколько хорошо понимаю по-арабски,

пожал всем руки и вышел к машине. Поехали дальше вдоль канала. Через 7-8 километров снова в мэльгу. Снова разговоры и чай. Здесь встретился офицер, немного говоривший по-немецки.

На немецко-арабско-русском языке я выяснил, что мы ищем какого-то инженера и что нам нужен бульдозер. Я успокоился, значит, ездим по делу. После двух стаканов чаю и бутылки «Кока-колы» поехали от канала в тыл. Проехали километров пять, остановили машину у мэльги и пешком по глубокому песку куда-то к барханам. Путь наш пролегал по неглубокой лощине. Неподвижный раскаленный воздух высушил все во рту. Я вспотел. Но пройдя около километра, почувствовал себя совершенно сухим, словно из меня выжали не только воду, но и все соки. Нашли нужную мэльгу, но нужного инженера там не оказалось. Зато нашлась вода со льдом. Залив воду в себя по самую горловину, слово «пить» здесь неуместно, отправились обратно.

Теперь наш путь лежал к шоссе Каир-Суэц, за которым возвышалась гора Атака. Эта гора - настоящее чудо природы. Представьте себе ровную, ровнее стола, площадь, а на ней возвышается гора известняка со своими ущельями, обрывами. От подножия до вершины ни травинки, ни кустика. Высота ее примерно пятьсот метров, длина - несколько километров. Словно кто-то взял эту гору, как лишнюю, в другом месте и поставил сюда для разнообразия. Пересекли шоссе и вскоре были почти у подножия горы. Слева синел Суэцкий залив.

На этот раз я остался в машине. От залива тянул относительно прохладный ветерок, под брезентом солнце не доставало, пить не хотелось.

Вернулись к вечеру. С помощью майора Усэмы и капитана Усэмы я узнал, что бульдозера нет и нужно завтра ехать в армию.

Вскоре прилетел «Фантом», повесил два «фонаря». Батареи, наверное, на всякий случай, немного постреляли. На горизонте взорвались две бомбы, и до утра было тихо.

На следующее утро мистер Рэфад уехал в армию добывать бульдозер и вернулся к обеду. Он сообщил, что бульдозер можно получить в саперном батальоне в районе Суэца. Пока не было мистера Рэфада, мне с большими потугами удалось установить, что полк должен оборудовать пять позиций вдоль канала, а потом поочередно занимать их, то есть «кочевать», что должно было ввести противника в заблуждение в отношении группировки средств ПВО в зоне канала. Предполагалось, что на пустых позициях будут выставлены макеты орудий и приборов.

Мистер Усэма предложил мне поехать с ним, но я отказался, считая, что пользы от меня там не будет. Он уехал, обещав вернуться к 17 часам с тем, чтобы я успел к назначенному времени прибыть на КП армии.

Но вернулся мистер Усэма на час позже.

2 Зак. 67к

в это время появились два «Фантома». Самолеты уже были на параметре, то есть поравнялись с боевым порядком полка, когда одна батарея открыла огонь, хотя было уже поздно. Потом открыли огонь другие батареи. Стрельба явно не имела смысла. Все это мне пришлось только наблюдать. Что оставалось делать? Я был в бессильной роли немого наблюдателя.

Из-за налета я задержался еще минут на тридцать и когда прибыл в мистеру Адаму, то никого из советников у него уже не было. Мистер Адам пожурил слегка за опоздание, но учел мое положение безлошадного и безъязыкого.

Много полезных советов я выслушал в тот вечер. Получил форму отчетности, узнал о существующих недостатках в полку. Получил конкретное задание: изучить и разобраться с укомплектованностью полка личным составом и боевой техникой. Доложить через неделю. Должен признаться, что задание мне удалось выполнить через месяц, когда я на два часа выпросил переводчика у летчиков.

Но об этом впереди.

На мою просьбу дать мне переводчика и машину мистер Адам ответил:

- Не ты один в таком положении. Другие обходятся и ты обойдешься. Через месяц будешь знать арабский язык. А на батареи ходи пешком. Жиром не обрастешь, фигуру сохранишь. О здоровье заботиться нужно.

С этим благим пожеланием я и вышел из мэльги своего шефа. Стемнело. Полумесяц висел над землей вверх рожками. Водитель сидел у мэльги. Увидев меня, он скрылся в темноте и вскоре подъехал на машине. По черному асфальту шоссе с выключенными фарами газик мчался со скоростью 80-90 километров в час. Внезапно из темноты возникали, как тени, встречные машины и с воем проносились мимо. Опасность столкновения была реальной, но как об этом сказать водителю? Я показал на спидометре цифру 60, водитель покивал головой, но скорость не снизил. Иногда встречные машины вдруг на мгновение включали фары и, ослепленный ими, я ждал, что мы свалимся в лучшем случае в песок. Кюветов, слава Аллаху, вдоль дорог нет.

Подъезжаем к КПП. Водитель снизил скорость, и я перевел дух. Но тут же услышал крики «Таяра, таяра!» и увидел, как забегали солдаты, всегда скапливавшиеся на КПП.

Водитель резко свернул в сторону, я схватился обеими руками за ручку и втянул голову в плечи, готовясь кувыркаться вместе с машиной. Отъехав метров 30, водитель выключил мотор и выскочил из машины. Я последовал за ним. И только тут над головой я услышал рев реактивных двигателей «Фантома».

Увидеть самолет мне не удалось. Звук моторов самолета удалился в сторону канала. И снова сумасшедшая гонка, словно водитель хотел догнать улетевший «Фантом». Вскоре подъехали к железной

дороге. Небольшой туннель под ней оказался забитым машинами так, что проехать было невозможно. Водители и их пассажиры или начальники осторожно выглядывали из укрытия. Я вышел из машины и прислушался. Где-то далеко послышался гул моторов, и вдруг земля вздрогнула, с откоса посыпался гравий, и над нами мелькнуло черной тенью тело «Фантома». Взрыв осветил на мгновение дорогу, насыпь и кузова машин, торчавших из туннеля.

Я с запоздалым опасением посмотрел на железобетонное перекрытие туннеля. Уж лучше быть в поле. К счастью, бомба попала в откос высокой насыпи и пострадавших не было. Через несколько минут мы были на КП полка.

В эту ночь «Фантомы» долго кружили западнее канала, изредка бросали светящиеся авиабомбы, и так же редко раздавались взрывы бомб то в одной, то в другой стороне. В той стороне, откуда слышался взрыв бомбы, тянулись вверх красные огоньки трасс, но как-то вяло, вразнобой, неуверенно.

Спать ночью не пришлось. А утром, во время завтрака, близкий взрыв заставил нас выскочить из мэльги с такой скоростью, что кое-кто не успел бросить ложку. Но небо было спокойным. Взорвалась бомба замедленного действия. Противник набросал их ночью, и они рвались двое суток. Бомбы замедленного действия были сброшены скорее для запугивания, чем для поражения, так как от них никто не пострадал.

Так начались дни, похожие друг на друга: жара, налеты, стрельба. А в промежутках мы вежливо улыбались друг другу.

Из последующих дней запомнился случай. Налет начался в момент, когда мистер Усэма принимал душ. Я выскочил на наблюдательный пункт и увидел приближавшийся самолет. Батареи молчали, зато телефон буквально разрывался от гортанных голосов. Наверное, командиры батарей просили разрешения на открытие огня, хотя до этого у меня было впечатление, что огонь они открывают по собственному разумению. Я молча посмотрел на телефон и стал наблюдать за самолетом с азартом охотника, у которого нет ни одного патрона. Полуодетый, на НП ворвался мистер Усэма, что-то крикнул в телефон, батареи открыли огонь вдогон. Секунды были потеряны. А секунды у зенитчиков порой решают все.

Чувствуя себя бездельником, однажды решился, помня совет мистера Адама, сходить пешком на ближайшую батарею. Идти нужно было метров 300-400. Придя на батарею, начал проверять готовность материальной части. Пока ходил от орудия к орудию, к СОН, ПУАЗО, дальномеру, прошло часа два. Все приходилось делать самому. Хотя проверял я элементарные вещи, но времени ушло много, и устал я изрядно. От сильной жары разболелась голова, по телу разлилась слабость. В голове гудело. Решил вернуться на КП. Пришел совсем больным. Больше таких вылазок не делал, тем более, что в дальнейшем КП полка по моему настоянию располага-

лось не ближе одного километра от батареи, остальные батареи находились в трех-четырех километрах.

Через два-три дня мистер Усэма сказал мне:

Мистер Васили. Бульдозер работать. Надо посмотреть...

Договорились ехать в 8 часов утра, выехали в 10. Сначала меня раздражали подобные задержки, но потом я привык. Приехали на первую позицию, она была почти готова. Осмотрев окопы, двинулись дальше. Проехали от Суэца до Горького озера и выбрали еще четыре позиции. Заехали в штаб пехотной бригады. Здесь я встретился с одним из наших советников, фамилию которого, к сожалению, не помню. Он пожаловался, что от самолетов нет ни днем, ни ночью покоя, хотя ущерба от них тоже нет. Обрадовался, когда я сообщил, что скоро мы приедем к ним поближе. Но я невольно обманул своего коллегу, так как через несколько дней я уехал из этих мест навсегда.

Во время нашей беседы раздались взрывы в той стороне, где мы должны были выбирать последнюю позицию. Мы выскочили, но самолеты уже ушли. Немного переждав, поехали выбирать пози-

Командир 35 зенап, подполковник Усэма Хусейни

цию, которую и наметили возле свежих воронок. Пока мы намечали боевой порядок полка, послышались взрывы в стороне штаба бригады, где нас гостеприимно угощали чаем. На обратном пути снова заехали в штаб пехотной бригады. Оказалось, что бомба взорвалась примерно в одном километре от штаба, не причинив никому вреда.

Тоска

Если горы песка,
То рифмуется слово «тоска».
Трудно к слову «песок»
Пристегнуть «туесок».
Если нет под рукой туеска,
Что же будет? Тоска.

Глава 3. Поездка в Александрию

Во второй половине июня меня неожиданно вызвал к телефону мистер Адам и сказал:

- Выезжай сегодня же в Каир. Завтра выезд в Александрию на учебные сборы. Сбор в гостинице.

У меня нет машины, - доложил я, - как же мне выехать?

На любой машине доберись на шоссе Суэц Каир на 101-й километр. Там КПП. Жди автобуса в 14 часов. Будут ехать наши на отдых. С ними и доедешь, - разъяснил мне мистер Адам.

101-й километр находился примерно в пяти километрах от КП. Мистер Усэма дал мне машину, и я со спортивной сумкой в руке в 13 часов был на месте. Не прошло и часа, как я увидел мчавшийся автобус. Надо сказать, что все машины, независимо от грузоподъемности и типа, здесь только мчатся. Водители умеют «нажимать на железку». В результате на каждую сотню километров две-три разбитых машины. Правда, этому способствует и отсутствие четких правил движения транспорта.

Лихо крутят баранки водители, но если ослаб ремень вентилятора, то без механика не обойтись. Любую даже пустяковую неисправность устраняет механик.

Я прошел немного вперед и поднял руку - международный жест путешествующего на перекладных.

Автобус затормозил, оставив на асфальте жирный след, открылись двери и я вскочил на подножку. Автобус сразу же, до конца не остановившись, стал набирать скорость.

Только теперь я увидел, что попал в автобус, битком набитый арабами - солдатами и гражданскими.

Каир? - спросил я ближайшего араба.

Кайро, Кайро, - закивал тот в ответ и так радостно улыбался, словно встретил ближайшего родственника. Все места были заняты. На сиденьях для детей сидели по трое, плотно был забит и проход. Ко мне пробился кондуктор с кожаной сумкой и знаками показал, что я должен купить билет за 30 пиастров. Я остался доволен своей догадливостью и с готовностью вынул деньги. Место

мое оказалось удобным. Я мог опираться на спинку кресла, а так как я стоял на подножке, то через окно меня обдувал ветер и было не очень жарко. Поэтому когда мне освободили место и предложили сесть, я сказал: «Шукран» (спасибо) и отказался. Ко мне пробился араб в белой рубашке и стал что-то говорить. Среди потока слов я уловил слова «паспорт» и «шпион». У меня никаких документов не было и я ответил одним из немногих известных мне английских слов.

- Ноу, - подумав, добавил: - Ана эксперт руси, - и постарался вежливо улыбнуться, хотя чувствовал себя не очень уютно под взглядом десятков глаз. После моих слов в автобусе поднялся такой гвалт, что мне стало совсем не по себе. Но, к моему удивлению, кто-то встал, кто-то потеснился и мне предложили место у окна. Я снова сказал «Шукран», оставил скромность у дверей и с удовольствием сел. Все успокоились, и автобус благополучно прибыл в Каир.

В назначенном месте и в назначенное время сбора никого не было. Я прождал два часа и собирался уже уходить, как увидел генерала Просвиркина.

- Ты что здесь, отдыхать приехал? - не очень приветливо спросил он.

- Сегодня сбор, а завтра в Александрию ехать, - ответил я.

- Я же передал, что не завтра, а через неделю. В Александрии холера. Чем у вас там думают? - уже совсем сердито спросил генерал, - нечего здесь делать. Езжай обратно.

Генерал сел в «Волгу» и уехал.

Легко сказать - «езжай обратно».

А как это сделать? Машины у меня нет, знакомых тоже. На попутных без знания арабского языка мне не добраться. Бесцельно проболтавшись до вечера, пошел в столовую ужинать. В столовой случайно встретил переводчика генерала Просвиркина - Василия или, как его попросту звали, Васю. Поведал ему о своих злоключениях.

- Не надо никуда ехать, - ответил Вася, - в части передали телеграмму, что сбор советников завтра на том же месте и в то же время.

Поблагодарив Васю за сообщение, избавлявшее меня от новых приключений и неприятностей, я взял стул и вышел на большую террасу перед столовой, где уже начали демонстрировать кинофильм.

На другой день после обеда я наконец встретился о своими коллегами: И. М. Лымарем, В. З. Косиковым, Г. И. Гринченко, В. В. Егоровым, С. Н. Феофановым. Некоторые участвовали в Великой Отечественной войне, многие, так же, как и я, послужили и за границей, и в отдаленных местах нашей Родины. Со многими мои пути перекрещивались от Эльбы до Тихого океана, но встречаться не приходилось.

Решили выехать на вокзал пораньше, чтобы успеть разобраться с билетами, найти нужную платформу и прочее. Поезд отходил в 16 часов. За час до отхода поезда мы были на вокзале. Тут выяснилось, что в 16 часов отходит поезд третьего класса, а у нас билеты на поезд первого класса. Решили ждать, так как в поезде первого класса вагоны представляют собой металлические коробки, нечто вроде больших прямоугольных цистерн с вырезанными окнами и дверями, и битком набитыми египтянами.

Поскольку прибавилось еще примерно полтора часа, я начал осматривать вокзал. По местным масштабам вокзал огромен. Два длинных, но невысоких здания со служебными помещениями, залами ожидания, кафе стояли параллельно. Пространство между ними перекрыто стеклянной крышей. Под крышу подведены три железнодорожные колеи. Все это очень похоже на Московский вокзал в Ленинграде. На весь вокзал один киоск с газетами и журналами. За все время пребывания на вокзале и в пути я не видел читающего египтянина. Вообще в Египте очень мало читают, видимо, потому, что большая часть населения неграмотна. Обойдя вокзал, вышел на площадь. Огражденная высоким металлическим забором, с постоянно открытыми воротами, площадь имела вид буквы «Г», причем ее верхняя перекладина находилась у главного входа, где подолгу стояли машины, большей частью легковые.

С другой, длинной стороны вокзала непрерывно сновали такси и фаэтоны с откидным верхом.

Фаэтоны запряжены стройными от худобы лошадками. Площадь захламлена мусором, над которым вьются тучи мух. Резкий запах конюшни и бензина толкает меня обратно, но любопытство пересиливает и я обхожу площадь. За забором возвышается каменное изваяние фараона Рамзеса II. Перед массивной фигурой фараона небольшой бассейн, окаймленный низкой, жестковатой, но зеленой травой, густо усыпанной обрывками бумаги. Из-под ног фараона наклонно бьют несколько струй воды.

Величественный памятник в окружении громкоголосых египтян, снующих машин, каждая из которых гудит в меру своих сил, мусора, мух и тяжелого запаха как-то потускнел. Измельчал, что ли. Не веет от памятника древностью, не ощущаешь глубину времени. Такие памятники нужно ставить в тихих местах парков и набережных.

Подали поезд, и мы с помощью араба нашли свой вагон. За услугу заплатили бакшиш. Вошли в пустой вагон и расселись кто как хотел, но пришел проводник, взял наши билеты и рассадил нас по местам. За это мы тоже заплатили бакшиш.

Цельнометаллический вагон внутри напоминал салон самолета. Такие же мягкие откидывающиеся кресла, пепельницы, ковер. Кресла расположены в три ряда. От солнца окна закрывались подвижными шторками между двух стекол. Стоило повернуть ручку,

и пластинки принимали горизонтальное положение. Окно казалось разлинеенным тонкими линиями. Поезд мягко тронулся, и я прильнул к окну.

Мне не приходилось видеть трущобы и я не знаю, можно ли назвать трущобами то, что открылось почти сразу после начала движения поезда. К тому же все это довольно быстро промелькнуло. Но все же после нарядных центральных улиц меня поразило полное отсутствие зелени: ни деревьев, ни цветов, ни газонов. Нагромождение разваливающихся многоэтажных зданий, узкие, только на осле проехать, улицы, кучи гниющего мусора, полуголые грязные ребятишки, играющие тут же, на проезжей части улицы. Грязные, изможденные женщины в черном с головы до пят одеянии, нахохлившись, сидят у входа своих жилищ. Все это так же, как и мост над мутными водами Нила, промелькнуло перед глазами и открыло хорошо возделанные и политые водой поля. Каждый квадратный метр земли ухожен, как любимая клумба цветовода. Ровные квадраты, разделенные арыками, засажены, засеяны и политы водой. Непрерывно чередуются кукуруза, рис, картофель, бобовые и другие неизвестные мне культуры.

Поезд мчится по узкой насыпи, зажатой с одной стороны каналом, с другой асфальтированным шоссе. Иногда железная дорога пересекает то канал, то шоссе. Вдоль канала по обеим берегам дамбы. В некоторых местах уровень воды в канале значительно выше близлежащих полей. Видны трубы, по которым вода самотеком идет на поля. Трубы имеют заслонки, с помощью которых регулируется сток воды. Там, где поля оказываются выше канала, воду перекачивают простейшими, изобретенными тысячи лет назад водоподъемными колесами. По кругу, как и при фараонах, ходит никем не понукаемый вол и вращает незапатентованное изобретение колесо с ковшами. Много, очень много таких круглых площадок встречается на пути из Каира в Александрию. Это, конечно, любопытно. Тем более, что за всю дорогу длиной более 300 километров я увидел только один трактор, наш «Беларусь». Но совсем другие чувства испытываешь, когда на рисовых полях видишь длинные шеренги детей от 5 до 10 лет, которые под наблюдением надсмотрщика в палящий зной очищают поля от сорняков. Детский труд объясняется тем, что у детей маленькие ноги, а значит, они меньше вытопчут риса. Между тем толпы богатых бездельников всех возрастов заполняют улицы и ночные клубы городов Египта. Ими заполнен тридцатикилометровый пляж в Александрии. Словно пауки сидят у своих лавчонок тысячи мелких торговцев в ожидании покупателей. Магазины полны товаров, но покупателей нет. Не потому ли так вежливы продавцы с покупателями? Ведь для них покупатель - как долгожданный гость, перед которым они готовы перевернуть свою лавчонку от пола до потолка и не выпустить его без покупки.

За окном мелькали убогие, тесно составленные жилища феллахов, напоминающие сараи для скота. Низенькие глинобитные избушки с отверстиями вместо окон, как отдушины в наших деревенских банях. Эти отдушины скорее служат для доступа воздуха, чем для света. Окруженные каналами и поливными полями деревушки не имеют даже маленьких площадок для детских игр или собраний взрослых. Видимо, в этом пока нет потребности, надо просто прожить. У каждого дома небольшой, по площади равный дому, дворик, обнесенный глинобитной стеной, такой же высокой, как и дом. К первому дому лепится второй, вероятно, ради экономии материалла: не пропадать же готовой стене. Ко второму лепится третий и так далее. Деревня видится как нечто целое. Только узенькие проходы соединяют, а точнее, разделяют дома. Никакого подобия улиц, если не считать щелей между глинобитными стенами, по которым с трудом проходит верблюд, равнодушно заглядывая на жизнь людей в двориках с высоты своего роста.

Я не видел более убогих жилищ и более обездоленных людей, чем феллахи.

Но нельзя не сказать о том, что июльская революция кое-что дала феллахам. Мало, но дала. А главное, у феллахов появилась надежда на будущее, на лучшее будущее. Этим они и живут, стойко перенося всю тяжесть войны...

Вот какие мысли пришли ко мне, когда поезд со скоростью 100 километров в час мчался в Александрию.

Чем ближе к Александрии, тем больше фелюг на канале, тем гуще пальмовые рощи. Пальмы похожи на телеграфные столбы, с привязанными сверху опахалами из перьев. Тяжелые финиковые гроздья желто-красного цвета напоминают уличные фонари. Словно плафоны с горящей вполнакала лампочкой внутри.

Поезд в Александрию прибыл вечером, но еще было достаточно светло, чтобы увидеть: город не имеет ширины. Точнее, соотношение длины и ширины таково, что шириной можно пренебречь. Местами город сужается до одной-двух улиц. Только в центре имеется несколько параллельных улиц. Остальная, большая часть города - набережная и пляж. 30 километров по берегу Средиземного моря извивается набережная, повторяя все извилины невысокого берега, и столько же тянется узкой полосой пляж, с утра до вечера забитый отдыхающими.

Нас поселили в гостинице «Фриола Хауз» на застекленной веранде второго этажа с видом на море.

После жаркого дня было большое желание искупаться, да и купание в море было редким удовольствием. Поэтому несколько человек быстро собрались и, перейдя неширокую улицу, оказались у парапета, который отгораживал пляж от уличной суеты. Но выйдя на набережную, мы не нашли мало-мальски свободного места, к тому же быстро стемнело.

Полюбовались морем и закатом солнца. Вернулись в гостиницу. Пришлось ограничиться душем. Ночь была теплой и мы спали при открытых окнах. Утром нас разбудил свежий морской ветер и шум моря. Громадные темно-зеленые волны с белыми гребешками одна за другой набегали на берег, перекатывались через пляж и, ударившись о каменную стенку набережной, возвращались в море.

Едва успели позавтракать, как подошел автобус, и мы поехали к месту занятий. Ехать нужно было по набережной километров пятнадцать. По пути мы любовались неспокойным морем и с любопытством рассматривали город. Ничто не напоминало о том, что город основан Александром Македонским. Александрия для египтян то же, что для нас Сочи или Ялта. Пляж, дома отдыха, гостиницы и бесчисленное количество лавчонок с товарами для туристов, закусочных, кафе, ресторанов. Жарят, парят и варят прямо на тротуарах, у входа зданий, у спусков на пляж.

Генерал Просвиркин позаботился об организации занятий так, что свободного времени не оставалось. Занимались по 9 часов, с перерывом на обед. Поэтому город мы видели больше из автобуса, да во время прогулок перед сном возле гостиницы.

По характеру работы нам нужно было знать и уметь делать то, что обычно делают у нас сержанты и командиры взводов. Конечно, кое-что было забыто. Ведь уже много лет мы не занимались столь простыми, но необходимыми в настоящих условиях вопросами. Сборы принесли всем несомненную пользу, хотя мы и ворчали на беспокойного генерала Просвиркина за то, что он не давал времени позагорать на пляже. В конце сборов приехал полковник Белышев. От него я узнал, что мой полк переведен в другую, во 2-ю полевую армию и занял боевой порядок в районе Иншасы, что в сорока километрах северо-западнее Каира. Там он должен заняться ремонтом техники и боевой подготовкой.

Прошла неделя напряженных занятий, и мы выехали в Каир.

При выходе из вокзала в Каире нас охватил душный горячий воздух пустыни. Вот, пожалуй, когда мы оценили прелесть свежего морского ветерка, влажность моря. В Александрии совсем не чувствуется, что страна ведет самую продолжительную войну за свою историю после революции 1952 года. Там не только отдыхают, но и расширяют зону отдыха, целые кварталы застраивают виллами, гостиницами, пансионатами. Масса легковых машин разных стран и континентов. Впечатление такое, что горожане только тем и занимаются, что отдыхают сами и заботятся об отдыхе приезжающих. В одном месте я видел громадный шашлык килограммов на двадцать. Куски мяса, нарезанные тонкими ломтиками, помидоры, перец и другая приправа надеты на шампур в вертикальном положении, и все это медленно вращается рядом с жаровней. Жаровня в виде этажерки, закрытой с трех сторон. На каждой полке горящий древесный уголь. Хозяин шашлыка по мере

Мэльга в Порт-Саиде

готовности обрезает желающим поджаренные места и шашлык постепенно приобретает форму волчка. Можно сказать, что приготовление шашлыка поставлено на поток.

Но все это позади. Передо мной задача найти полк и туда добраться.

Следующий день нам дали для отдыха, и я посвятил его расспросам о неведомом мне Иншасе. Вечером в столовой случайно удалось разговориться с летчиком. Оказалось, что он ежедневно в 7 часов утра ездит туда на службу. На вопрос о зенитном полке ответил неуверенно. Утром я выехал на автобусе с летчиками. Не доезжая километра три-четыре до Иншасы вышел, так как предполагалось, что полк находится в этом районе. К тому же рядом, на невысоком песчаном холме, торчали стволы зенитных пулеметов. Решив, что пулеметчики должны знать, где находится полк, я бодро направился к ним. Меня никто не остановил, и я прошел почти до вершины холма, но тут из мэльг выскочили солдаты и довольно строго о чем-то стали спрашивать. Но после моих слов: «Ана руси - (я русский), - отношение ко мне изменилось. Так как я не пони-

мал, что мне говорят, то арабы чуть ли не потащили меня в отрытый под тентом окоп, по всей вероятности курилку. Хотя курилки арабы не делают, курят где вздумается.

Принесли чай. После длительных переговоров я поднялся на вершину холма и увидел боевой порядок полка. Батареи стояли на сокращенных дистанциях прямо на раскаленном песке. Прячась от солнца, солдаты забились во все щели, где была хоть маленькая тень. Залезли даже под пушки. Теперь и пулеметчики подтвердили, что это тот полк, о котором я без всякого успеха расспрашивал их в течение часа.

* * *

Что ты, Вася, приуныл
Голову повесил?
Знать, Аллаха прогневил,
Почему не весел?
Коврик быстро разверни
Да сними ботинки
В три погибели согнись,
Не жалея спинки.
Ты в пустыне одинок?
Про тебя забыли?
Помолись-ка на восток,
Почихай от пыли.
Сразу станет веселей,
Пропадет усталость.
Похлебал как-будто щей
Или выпил малость.
Ты не чахни от тоски,
Глядя на пустыню,
Ведь все люди земляки
Для тебя отныне.
А раз так, то не горюй
И не плачь в жилетку.
Прилетит к тебе ахху [1]
«В тигровую клетку».[2]
Угости его чайком.
Завари покрепче.
Чтоб запомнил он твой дом,
Ты чаек поперчи.
Хлопни ахху по плечу:
Я, мол, стал арабом.
Вот вареньем угощу,
Виноват, мурабой.[3]
Мумкен [4] атц [5] и мумкен фуль [6],
А вот и лепешка.
Угощений прочих - нуль...
Только где же ложка?

Ах, араб! Ах, сукин сын!
Вечно недоделки.
Нож пропал, то бишь сиккин,[7]
А мафиш[8] тарелки.
Впрочем, это ерунда,
Мы к тому привычны.
В жизни первое - еда,
Прочее - вторично.
Не стесняйся, нажимай,
Ты уже не мальчик.
Пятернею загребай.
Что? Измажешь пальчик?
Рук не вымыл?
Не беда.
Есть соленая вода.
Солона, но без обмана.
Из далекого Омана
Привезли ее сюда.
Горьковата? Это верно.
Пахнет нефтью? Извини.
Эй, кто там стоит за дверью?
Гостю на руки плесни.

---

[1] Ахху, ах (араб.) - брат; [2] «Тигровая клетка» мэльга;
[3] Мурабба - варенье, джем; [4] Мумкен - имеется;
[5] Атц - овощной суп; [6] Фуль - вареная фасоль;
[7] Сиккин- нож; [8] Мафиш - отсутствует, нет.

Глава 4. Касура

Мистер Усэма рассказал мне, что полк неожиданно вывели в тыл на 10 дней для занятий и ремонта техники, и находится он здесь уже два дня. КП разместился в брошенных домиках разбитого аэродрома.

Я сразу же включился в работу. Поскольку читать я не умел, то осталось удовлетвориться заверением мистера Усэмы, что все спланировано и расписание занятий составлено. С секундомером в руке я пошел от орудия к орудию, от батареи к батарее. За два дня мне удалось проверить три батареи. Непроверенными остались только подносчики снарядов и расчеты СОН-9, так как я посчитал, что подносчики не нуждаются в тренировке, а с расчетами СОН-9 занимались специально прибывшие преподаватели из учебного центра.

При проверке упор был сделан в основном на выполнение нормативов, то есть на практические действия солдат. Во-первых, это главное в условиях войны, во-вторых, без переводчика я не мог задавать даже самые простые вопросы. Поэтому дело продвигалось быстро, тем более что почти все солдаты нормативы выполняли на 4 и 5. Тех номеров, которые выполняли нормативы хуже, я тут же советовал тренировать дополнительно. Обнаружил одного прямо-таки феномена-дальномерщика, который производил 10 измерений дальности по неподвижному предмету совершенно без каких-либо отклонений, но большинство дальномерщиков производили измерения с большими ошибками. Что меня больше всего радовало так это стремление солдат и сержантов показать свое умение. Когда я объявлял оценку ниже 5, то меня всегда просили проверить еще и еще раз. Хотя это замедляло работу, но я с удовольствием снова и снова запускал секундомер, и солдаты, обливаясь потом больше меня, старались заслужить высшую оценку. Когда я объявлял «куаис», что означает «хорошо», то довольно улыбался только получивший оценку, но когда я говорил «мумтаз» «отлично», свою радость и одобрение шумно выражал весь расчет и даже солдаты других расчетов. Отличившегося хлопали по пле-

чам, жали руки, обнимали. Особенно радостно шумели, когда кто-нибудь после многократного повторения приема добивался повышения оценки.

Может, это восторженное отношение к отличной оценке объясняется тем, что у арабов есть такая национальная особенность: даже когда дело совсем плохо, на вопрос: «Как дела?» отвечать всегда «куаис» (хорошо) или «кюллю тамам» (все в порядке). Если араб что-нибудь не знает, он этого никогда не признает, в всегда утверждает, что знает, и порой бывает трудно доказать обратное.

Общительность и темперамент - особенность арабов. Радость и горе выражают столь шумно, что не сразу разберешь, радуются они чему-либо или огорчены. Только выяснив суть дела, можно определить, какие эмоции они выражают. Как бы то ни было, я остался доволен подготовкой солдат.

Еще в Александрии я почувствовал легкое недомогание. Такое состояние обычно переносил на ногах. Но к вечеру вторых суток сильно разболелась голова, появился насморк, стали болеть суставы. Налицо признаки гриппа. Я решил уехать на ночь домой и полечиться «русским способом», так как таблетки полкового врача не помогли. Или я перестарался, или болезнь достигла высшей точки, только утром я не мог оторвать голову от подушки. К обеду собрался к врачу.

Спустился на лифте с восьмого этажа на нулевой, где располагается наша поликлиника. Диагноз врача в переводе с латинского на русский был примерно таким:

- Простуда. Ничего страшного. Постельный режим - трое суток.

Как ни странно, но в 40-градусную жару я простыл. Как я узнал впоследствии, простуда оказалась довольно распространенным заболеванием среди русских. Видимо, стремление где только можно устроить сквозняк, пить ледяную воду приносило свои печальные результаты.

К концу третьих суток я почувствовал себя значительно лучше и решил следующим утром ехать с летчиками в свой полк. Вечером, придя в столовую ужинать, я встретил полковника Белышева и в который раз узнал от него, что полка в Иншасе нет.

Надо сказать, что в столовой можно три раза в день встретить нужного человека. Этим многие пользовались для решения разнообразных вопросов в непринужденной обстановке. Только нужно было знать, где находится жена нужного товарища. Если жена еще не приехала в Каир, значит, встреча в столовой состоится.

Полковник Белышев был одним из таких «холостяков».

- Где же искать мне полк? - спросил я.

- Недалеко от Иншасса, - ответил Белышев, - но пока точно не знаю. Но завтра я туда выезжаю, поедешь со мной. Утром выедем вместе в Гюши, а оттуда в полк.

Это меня вполне устраивало.

3 Зак. 67к

Утром приехал с Белышевым в Гюши, просидел там целый день, но не было машины. На другой день история повторилась. Тогда я сам стал искать попутчика, и такой нашелся. Полковник Лымарь приехал на отдых. Встретился я с ним все в той же столовой. Выслушав мои злоключения, Лымарь предложил довезти меня до штаба 2-й полевой армии, а там, дескать, знают, где твой полк. Кроме того, можно оттуда позвонить, и из полка пришлют машину.

На следующий день рано утром мы отправились в Кассасин, где находился штаб 2-й полевой армии. Выехали из Каира, и сразу же с правой стороны открылась пустыня. Слева, отгороженные высокими и густыми деревьями, вдоль канала Исмаилия тянулись поля. Дорога проходила рядом с международным аэропортом Каира. Мы пересекли железную дорогу Каир - Исмаилия, проехали небольшой участок пустыни и, переехав канал, выехали на шоссе Каир - Исмаилия.

Пресноводный канал тянется от Каира до Исмаилии в виде дуги, выгнутой на север. По обе стороны канала расположены небольшие городки и деревни в окружении финиковых пальм. Шоссе проходит рядом с каналом по его северному берегу. Шоссе довольно узкое, на нем почти впритирку расходятся встречные грузовые автомашины. Высокие деревья по обочине во многих местах сомкнули свои вершины, образовав длинный зеленый коридор. Там, где встречаются городки или деревушки, шоссе превращается в улицу. Деревья обрываются на одной окраине населенного пункта и начинаются на другой, а вместо них по обочине в городках вытянулись двух-трехэтажные дома с непременными магазинчиками, в которых не только продают, но и готовят различные кушанья. Деревни обычно отгорожены высокими глиняными оградами, заодно с глиняными домами, создающими вид развалин. Узкие грязные улочки выводят в поля, которые начинаются сразу же на задворках.

Хотя городки и небольшие, но впечатление такое, что на главной улице-шоссе всегда базар. Толкотня и крики, хаотичное движение машин, людей, ослов, верблюдов. Везде жующие и пьющие различные напитки люди. Детвора выскакивает из-под колес машин и повозок. На берегу канала, стоит перейти улицу-шоссе, купаются, стирают, набирают воду в банки из-под солидола, в кувшины и на головах несут домой. Воду носят только женщины и дети. Ни разу не видел, чтобы кувшин или банку с водой нес мужчина или даже подросток.

Таково было первое впечатление о дороге Каир - Исмаилия вдоль канала, питающего водой поля, людей, скот и машины от Каира до Суэца и Порт-Саида, так как канал у Исмаилии раздваивается. Одна ветвь поворачивает на юг, огибает два озера и параллельно судоходному Суэцкому каналу выходит в город и порт Суэц. Другая вдоль Суэцкого канала проходит до Порт-Саида. Впослед-

ствии мне довелось этой дорогой ездить довольно часто, но впечатление не изменилось.

Часа через полтора приехали в Кассасин, нашли отдел ПВО 2-й полевой армии. Здесь я смог представиться своему новому начальнику полковнику Ю.Пузанову, удивительно молчаливому человеку. Оказалось, что мы встречались с ним в Киевском военном округе. Он в то время командовал полком, а я приезжал из Киева на войсковую стажировку.

Полковник Пузанов сказал, где находится полк. Мне удалось туда позвонить и попросить майора Усэму выслать к вечеру машину, так как на 18.00 полковник назначил совещание.

Лымарь предложил мне съездить к нему в Абу-Суфэйр. Я охотно согласился. Нужно было проехать еще километров двадцать в сторону канала. Где-то на полпути мы услышали несколько приглушенных взрывов и гул самолетов.

Опять Абу-Суфэйр бомбят, - сказал Лымарь. Что-то часто они стали нас навещать.

- А что там для них интересного? - полюбопытствовал я.

- Аэродром, ангары, хранилища, - ответил Лымарь, - и кое-что еще, - добавил он.

По его тону я понял, что он не хочет говорить про это «кое-что еще».

Минут через десять мы подъехали к аэродрому, где в одном из помещений жил Лымарь с товарищами.

На краю аэродрома, примерно в двухстах метрах от дома, где мы остановились, дымился разбитый ангар и несколько солдат заканчивали тушение пожара. Двор перед домом был усеян еще горячими осколками. Стена дома была покрыта словно крупными оспинами, кое-где стены треснули, окна повылетали, двери распахнулись. В окна, выходившие в сторону аэродрома, влетело несколько осколков. Как мы выяснили, в ангаре был уничтожен вертолет, погибли два солдата и один офицер египетской армии.

Последствия бомбежки быстро ликвидировали, а Лымарю и его товарищам приказано было переселиться в мэльгу.

Заехали в тыл полка, там пообедали традиционными арабскими кушаниями: рис, фасоль, помидоры с перцем, жареное мясо. Первого, как обычно, не было. Запили холодной водой.

Было самое жаркое время, и мы посидели в тени мандариновых деревьев. За разговорами с арабами время прошло незаметно. Думаю, что на русском языке мы бы переговорили минут за десять, здесь же ушло не менее двух часов, так как нам дважды приносили чай.

Выехали в Кассасин на совещание. Тут я узнал обстановку, задачу и поехал в полк.

На КП полка прибыл, когда уже стемнело. Луна еще не взошла, и я абсолютно ничего не видел. Только с помощью солдата мне удалось найти мэльгу мистера Усэмы. Встретил он меня весьма

радостно. Вскоре в мэльгу вошли начальник штаба мистер Рэфорд, начальник разведки мистер Фавзи, еще один мистер Фавзи - начальник тыла. Общими усилиями, главным образом при помощи жестов и схем, они рассказали мне, как проходили эти дни. Все шло, как говорится, по плану. 5 июля 1970 года в 15 часов 24 минуты два «Фантома» на высоте 100 метров со скоростью 100 метров в секунду появились на горизонте. Сначала казалось, что самолеты пройдут стороной, но небольшой разворот - и «Фантомы» пошли на центр боевого порядка полка, где находился ракетный дивизион. Батареи открыли огонь. Когда до цели оставалось три километра, оба самолета сделали горку, и головной с небольшой высоты сбросил несколько бомб. Но ту же за фюзеляжем потянулась темная полоса не то дым, не то утечка горючего. Второй «Фантом» со снижением отвалил в сторону. Подбитый самолет резко снизил высоту и с риском врезаться в землю продолжал лететь параллельно каналу, видимо, потерял управление. Пролетев 15 километров, израильские летчики катапультировались в районе штаба танковой дивизии, чудом уцелели и были взяты в плен.

Самолет упал, планируя, подскочил, снова упал и, подняв тучу пыли, остановился, прижавшись к земле.

Обломки «Фантома» мистер Усэма отвез в штаб ПВО армии.

Чуть ли не всю ночь мы обсуждали подробности боя, дополняя друг друга разными деталями.

Теперь солдаты очень, очень хочет воевать, - подвел итог мистер Усэма, - он видель свой глаз, как «Фантом» - касура!

- А как дивизион? - спросил я.

- Один кабина касура и араби офицер, - печальным тоном сообщил мистера Усэма. Я не стал спрашивать подробности.

На другой день полк сменил позицию, переместившись на несколько километров восточнее. На новой позиции КП полка расположился между двумя деревянными домиками, на расстоянии до 300-400 метров от каждого. Оказалось, в одном из них, за дорогой, живет югославская экспедиция по освоению новых земель. По их проектам в пустыне прокладывались оросительные каналы. Осматривая уже готовые участки канала, нельзя было не проникнуться уважением к народу, одновременно ведущему две войны - с израильскими агрессорами и с пустыней. И то, и другое требует немалого напряжения всех сил государства. В другом домике жили танкисты-арабы.

Оказалось, что у югославов имеется хороший душ и холодное пиво. С таким комфортом в пустыне я встретился впервые. Гостеприимство и доброжелательность югославов внесла некоторое разнообразие в жизнь двух человек: Сыроватского - советника командира зенитно-ракетного дивизиона и мою.

Действительно, духовный подъем личного состава был необыкновенным, В эти дни самолеты израильтян ежедневно бомбили

войска непосредственно у канала, до нас доносились чуть слышные взрывы, но к нам почему-то не летали. На всех батареях солдаты спрашивали, почему нет самолетов, и я им отвечал шутливо, что они теперь боятся нашего полка. Солдаты радостно кричали:

- «Фантом» касура!

Надо пояснить, что слово «касура» имеет множество значений и примерно соответствует немецкому слову «капут». Ждали официального подтверждения и денежной премии за сбитый самолет. Но подтверждения почему-то не было.

Я обратился к полковнику Пузанову с рапортом, но он сказал, что самолет полку не засчитали. Когда об этом узнали в полку, то огорчения было не меньше, чем до этого радости. Вообще арабы бурно выражают свои переживания. Появилась даже апатия.

Поэтому, когда полковник Пузанов появился на КП полка, мы с мистером Усэмой снова атаковали его просьбой восстановить справедливость.

Выслушав нас, полковник Пузанов согласился и обещал разобраться в этом деле. Но сбитый самолет в то время не засчитали в число побед полка. Может, поэтому когда 18 июля после отражения налета нам стало известно, что полку засчитали сбитый самолет, я не видел прежнего энтузиазма. А дело было так.

В ночь с 17 на 18 июля зенитно-ракетный дивизион ушел на другую позицию поближе к каналу, а на старом месте оставил макеты.

18 июля в 13 часов 40 минут тем же способом, что и 5 июля, два «Фантома» пытались разбомбить позицию дивизиона.

Батареи своевременно открыли огонь, головной самолет сыпанул десяток бомб и отвалил, ведомый отвернул еще раньше. На малой высоте самолеты ушли в сторону канала. Хотя трассы прошли кучно и вблизи головного самолета, но попадания никто не наблюдал. Ни мистер Усэма, ни я о поражении самолета не докладывали и кто его сбил, нам неизвестно. Поэтому мы удивились, когда узнали, что нам засчитали сбитый самолет.

Но известие это личный состав принял спокойно, если не равнодушно. Обрадовала только денежная премия, которую выдали всему личному составу. Скорее всего я из-за незнания арабского языка не разобрался, какой самолет нам засчитан. Возможно, совпадение того, что мы обстреляли самолеты 18 июля и тот же день нам сообщили, что мы сбили самолет ранее, внесло путаницу. В конце концов важно то, что полк уничтожил один «Фантом» и убедительным признанием этого явилась денежная премия.

Мы же были удовлетворены тем, что, осмотрев через трое суток макеты, изображавшие зенитно-ракетный дивизион, увидели, что ни один из них не поражен. Все бомбы взорвались с недолетом, хотя и довольно близко. Видимо, нервы летчика не выдержали и он бросил бомбы на несколько мгновений раньше, чем было нуж-

но. Трое суток мы не осматривали макеты и не пускали к ним никого потому, что через тридцать минут после боя взорвалась первая бомба замедленного действия. Сколько их было там, мы не знали. Взрыв семи бомб, как мы потом подсчитали по воронкам, слился в один гул, тучи песка и пыли закрыли место бомбежки и невозможно было определить, сколько бомб было сброшено. Через двенадцать часов взорвалась вторая, а еще через двенадцать - третья.

От этих бомб ущерба не было, если не считать напряженного ожидания взрыва. Если бомба оставалась на поверхности, то ее обозначали флажками и обходили подальше, но часто она зарывалась в песок и ждала своего часа. А в пылу боя, в тучах пыли не всегда можно заметить место падения неразорвавшейся бомбы, что сильно действует на нервы. Все время кажется, что буквально сидишь на бомбе. Это был последний бой полка перед прекращением огня.

Мои злоключения с поисками полка и разные недоразумения с моими товарищами объясняются не только неорганизованностью, отсутствием машины и тому подобным, но главным образом существованием языкового барьера, из-за которого мы иногда с большим опозданием узнавали о важных решениях и приказах, выходивших из штаба армии, а порой и вовсе не знали и принимали события, как свершившийся факт, к сожалению, не всегда имев-

Начальник штаба полка Фавзи Саид

Мы еще не знали, что приближался день, когда смолкнут разрывы и можно будет без опаски смотреть в небо. Президент Египта Гамаль Абдель Насер был в Москве, и все с нетерпением ждали его возвращения. В последние дни перед прекращением огня авиация Израиля особенно сильно обрушилась на боевые порядки войск вдоль Суэцкого канала и на позиции средств ПВО. Но, несмотря на это, зенитно-ракетные дивизионы передвигались к каналу. На позиции, которую прикрывал полк, дивизионы менялись часто. Один сменял другой. Дивизионы уходили и приходили по ночам. Уходя, оставляли макеты, но ложную позицию бомбили лишь один раз. Или израильтяне решили, что они уничтожили дивизион, или узнали, что это ложная позиция, но после 18 июля налетов не было.

Поэтому утверждение, что ОАР нарушала соглашение о прекращении огня, не соответствовало действительности. Дело объяснялось просто: потеряв за два летних месяца войны около двадцати «Фантомов» и «Скайхоков», Израиль понял, что превосходству в воздухе приходит конец. А это их единственная надежда на победу. Убедившись, что, несмотря на яростные налеты, они не в состоянии подавить ПВО ОАР, израильтяне предложили заключить соглашение о прекращении огня, чтобы восполнить потери в авиации и использовать другие способы для достижения своих целей. Из этого нельзя, конечно, делать вывод, что только успехи ПВО ОАР вынудили Израиль прекратить огонь.

Война - слишком сложное социальное явление, в котором переплетаются не только военные, но и политические, экономические, национальные и другие факторы. Одно бесспорно: средства ПВО внесли свой значительный вклад для отрезвления агрессоров.

Зной

Зной - это воды мираж,
За глоток миллион отдашь.
Без миллиона прожить можно,
Без глотка воды невозможно.
Зной - он сверху струится,
А от ног к голове змеится.
Во рту от него сухо так,
Будто в нем не язык - наждак.

Глава 5. Борьба с москитами.

Человеку, не встречавшемуся с москитами, трудно представить это насекомое. По размерам оно меньше нашего славного русского комара, но больше дальневосточного гнуса. Может, я погрешу против уважаемой науки, но утверждаю, что москит - это дитя комара и гнуса, соединившего в себе самые отрицательные качества своих родителей. Прежде всего этот кровопийца живуч, нахален и человеколюбив, в том смысле, что очень любит человека, прямо-таки жить без него не может. Никакие химикаты на него не действуют, разве кроме тех, что могут убить и человека. Такова краткая характеристика москита.

Теперь об условиях, в которых пришлось вести борьбу с этим мучителем. Я уже писал, что каркас мэльги представляет собой металлическую решетку, изогнутую наподобие клетки или прохода для зверей в цирке. Обложенный мешками с песком и украшенный сверху вентиляционной трубой, каркас сильно напоминает русскую печь, только не всю, а ту часть, где жгут дрова и выпекают хлеб. Внутри сходство с русской печью усиливает цементированный пол, высокая температура, словно печку недавно хорошо протопили, вынули несгоревшие головешки, а теперь хотят сунуть хлеб, чтобы хорошо запеклась корочка.

Москиты не любят яркого света и жаркого солнца, поэтому днем куда-то прячутся. А от солнца только москиты и могут найти себе темную щель. С заходом солнца, когда потянет прохладный (относительно дневного, горячего) ветерок, появляются и москиты. Но ветер им тоже не нравится (такие привередливые).Самым удобным местом оказывается мэльга: темно, тепло и не дует. Я обычно в это время с неизменной «Сельгой» в кругу офицеров сижу на стуле. Слушаем радио, обмениваемся отдельными словами.

Сидеть удобно. Стул глубоко уходит в песок, можно сильно откинуться на спинку и смотреть в звездное небо. Над горизонтом всегда легко нахожу Полярную звезду и подолгу смотрю на нее. По этому меридиану находится Москва.

Мэльга в это время открыта, проветривается перед сном и заманивает москитов.

За полчаса до сна я негромко зову:

- Ахмет. Начальник мэльги!

- Я, эфенди, - слышится где-то у мэльги и к нам подходит невысокий, с жидкими черными усами солдат.

- Флит, Ахмет, - говорю я ему.

Тамам (порядок), - отвечает Ахмет, и вскоре в мэльге слышен звук насоса - это Ахмет опрыскивает мэльгу жидкостью под названием «Флит». Мне не известен состав этой жидкости, но, судя по этикетке на банке, «Флит» должен уничтожать мух, москитов и прочих насекомых. Обработав мэльгу, Ахмет закрывает дверь и снова подходит к нам с докладом:

Флит тамам, мистер Васили, намус (москит) касура, при этом у Ахмета очень довольная улыбка. Ахмет назначен для обслуживания мэльги офицеров. В его обязанности входит уборка, обеспечение водой, заправка керосиновой лампы или фонарей «летучая мышь». Он же приносит чай, сигареты и прочее.

«Начальником мэльги» Ахмета назвал мистер Усэма. Еще в первые дни моего появления в полку мистер Усэма вызвал как-то солдата и что-то долго ему объяснял, часто повторяя слово «тамам» - порядок. Окончив инструктаж, мистер Усэма обратился ко мне:

- Эта Ахмет. Он начальник мэльга! Карошо?

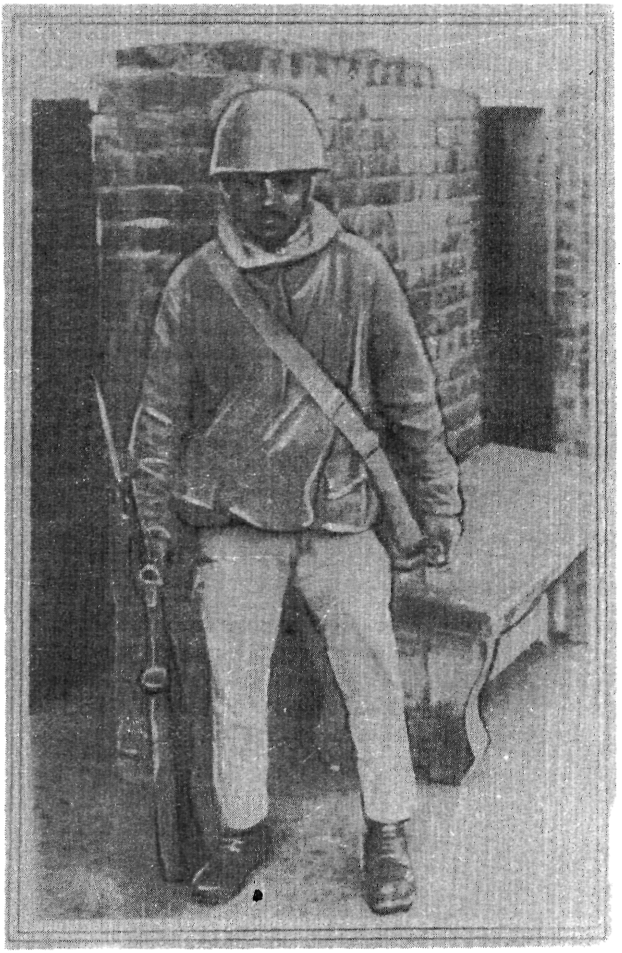
Хорошо, - ответил я не особенно вдумываясь, что это за начальник. Видимо, у мистера Усэмы не хватило русских слов, но впоследствии я догадался, что это просто ординарец или денщик. Но название «начальник мэльги» за Ахметом закрепилось.

Поздней ночью офицеры начинали расходиться по своим мэльгам.

Открываю дверь. В лицо пышет душный воздух, насыщенный парами керосина. Это «Флит». В углу мерцает огонек лампы, предусмотрительно зажженной «начальником мэльги».

Как в деревенской бане, пригибаюсь пониже, пробираюсь к постели. Откидываю одеяло с простыней, стряхиваю песок и, раздевшись до трусов, ложусь. Длинная двуспальная кровать. Набитая ватой подушка, твердая, как полено, давит на затылок. Такие подушки везде. От них утром ломит шею и гудит в голове, но не так жарко как было бы на мягкой подушке. Блаженствую. Москитов нет. Минут через тридцать начинает першить в горле. Протягиваю руку и беру глиняный кувшин с водой, который всегда стоит на полу. Через перегородку с отверстиями в горлышке кувшина булькает прохладная вода. Кувшин сверху потный. Но вот возле уха слышу: «Зз-зз». Халас, все, блаженство кончилось. Но я уже знаю, что это пока разведка, потом будет передовой отряд. Главные силы прибудут после того, как москиты передового отряда попробуют моей крови и сообщат об этом своим начальникам.

Легкий укол в ногу. Хлопаю ладонью, но бью без надежды на успех и плотно заворачиваю ноги в простыню. Чувствую, как че-



На посту у штаба полка Ахмет Фергали.
Порт-Саид, 1972г.

рез поры выходит пот и ноги уже не просто влажные, но и мокрые. Так заканчивается пассивный период борьбы с москитами. Правда, есть еще один способ пассивной борьбы с москитами - бегство из мэльги. Не очень красивый способ, но если уж быть честным, мне приходилось иногда пользоваться и этим способом. Но бегство таит в себе еще более грозную опасность. Ненароком можно наступить на скорпиона или змею, что гораздо хуже москитов. Поэтому бегством от москитов я спасался только первое время, пока не видел ни скорпионов, ни змей. Да и закалка была не та.

Всем известен способ защиты от москитов с помощью противомоскитной сетки. Но ее не было не только у меня. Во всем полку я таковой не видел, а спросить про нее не мог. Однажды пытался

нарисовать сетку и показал мистеру Усэме: дескать, эта вещь мне нужна. Тот долго рассматривал рисунок, крутил его и так, и сяк. Потом дорисовал стены, сделал жест, словно ему надели наручники, и с недоумением спросил:

Калабудж?

Я посмотрел на рисунок, на руки и понял недоумение мистера Усэмы. «Калабудж» - значит тюрьма. Я помахал пальцем перед его удивленными глазами. Тем разговор и кончился.

В этих условиях оказалось, что юмор самое лучшее средство сохранить бодрость и работоспособность. Как ни странно, благодаря этим условиям создавался какой-то особый душевный настрой, в результате чего по вечерам в голову лезли рифмы, образы. Короче, я стал сочинять стихи. Вот одно из стихотворений:

Что бога нет, известно всем сегодня.
Но в мэльге я живу, и вот итог:
Коль существует преисподня,
Так, значит, существует Бог.

Брат по оружию

Я хочу чтоб вы узнали:
Есть араб Ахмед Фергали.
Расчудесный тот Ахмед
Спас меня от многих бед:
Словно кошка, ловит фаар,[1]
Без свечей, без света фар.
Вот он моет в мэльге пол,
Той же тряпкой вытрет стол.
А потом трясет постель,
Словно целый год не ел.
А возьмет стирать миляйя [2] -
После простынь не мила мне.
С ним в беде не пропадешь,
Но и в рай не попадешь.
Он работает на совесть
(Это вам уже не новость),
Хоть работает за страх,
Мой аххуйя фиссилях.[3]
Вот и вы теперь узнали,
Кто такой Ахмед Фергали.

---

[1] Фаар - мыши, [2] Миляйя - простынь, [3] Аххуйя фиссилях - брат по оружию.

Глава 6. Контрасты и парадоксы

Того, кто впервые прибывает в Египет, контрасты и парадоксы окружают всюду. Их не надо искать, они сами бросаются в глаза каждому, кто обладает хотя бы маленькой наблюдательностью. При этом нужно иметь в виду, что контрасты и парадоксы настолько переплетаются, что их порой трудно разделить. Можно было бы все контрасты и парадоксы классифицировать на классовые, экономические, географические, национальные и исторические и т.д. Пронумеровать их и придать описанию наукообразную форму. Но я пишу о том, что увидел и запомнил. Чему удивлялся и чего не понял. Это не исследование, а описание увиденного и услышанного.

Египет находится на севере Африки, но здесь жарче и суше по сравнению с югом. Для жителя нашей страны это звучит как парадокс, но стоит взглянуть на карту - и сомнения исчезнут: на севере желтые пески пустынь, на юге непроходимые леса.

Нил имеет очень маленький бассейн. От слияния белого и голубого Нила до Средиземного моря в Нил почти не впадает ни один ручеек. Бассейн Нила - сам Нил. В Египте почти не бывает дождей, но не бывает и засух. Воды Нила в достаточной степени поливают 5 процентов всей территории страны, на которой живет почти 100 процентов населения. Нил - единственная река в стране и от него зависит все. Говорят, что Египет - это подарок Нила, и это так. Нет Нила - нет Египта. Пожалуй, ни одно государство в мире не зависит так от существования реки, как Египет.

Я уже писал, что контрасты и парадоксы трудно разделить. Вот один из примеров. Многие египтяне носят национальные одежды, сохранившие покрой с древних времен. Это одеяние очень похоже на поповскую рясу. Такое же длинное и широкое внизу, широкие рукава. Одевается через голову, обычно белое, в крупную полоску или синее. Называется по-арабски «гальбэя».

Странно видеть рядом с усатым мужчиной в развевающейся или путающейся в ногах гальбэе женщину в мини-юбке. Женщина слегка сторонится, чтобы нечаянно не наступить на подол гальбэи. Что это? Контраст? Парадокс? Или же и то, и другое вместе? Но

еще более странно видеть мужчину в гальбэе и рядом модницу в брюках-клеш. А такие в городе встречаются довольно часто.

Некоторые контрасты усугубляет война. Так, например, безлюдные города и деревни в зоне Суэцкого канала и бездомные в глубинах населенных пунктов. Но война никогда не приносила счастье труженикам, так что контрасты, появившиеся вследствие войны, не являются особенностью населения ОАР.

Что касается образования, то это, пожалуй, характерно для всех развивающихся стран. В армии имеется немало высокообразованных и технически грамотных офицеров, но в то же время чуть не половина солдат неграмотны. Часто инженер целый день ремонтирует и настраивает какой-нибудь прибор, но уже через несколько минут его зовут снова. Неграмотный солдат быстро сводит на нет работу высококвалифицированного специалиста. А как обучить такого солдата, если он даже в денежной ведомости ставит отпечаток большого пальца вместо подписи?

Единственный путь ликвидации разрыва в образовании это путь нашей культурной революции 30-х годов. Можно было бы и сейчас много сделать, если бы выдвинуть лозунг: «Каждый грамотный учит неграмотного». Но, к сожалению, я не видел, чтобы кто-либо занялся образованием солдат в свободное время. Зато видел стремление солдат узнать как можно больше об окружающем мире, изучить русский язык.

Как-то я проверял работу дальномерщиков. Было это на исходе дня. Название частей и механизмов дальномера по-арабски я, конечно, не знал. Поэтому просто показывал пальцем и спрашивал: «Что это?» Мне называли по-арабски, а я называл по-русски: суппорт, бинокуляр, солнечная бленда и так далее. Один из солдат на слух записывал за мною русские названия арабскими буквами. На следующий день утром этот солдат попросил меня подойти к дальномеру. К моему удивлению, он, показывая на разные места дальномера, по-русски называл все, что услышал от меня, и ни разу не ошибся.

Я с удовольствием продиктовал ему из своего словаря с полсотни русских слов, которые он записывал арабскими буквами. На другой день он попросил принять у него экзамен. К сожалению, обстоятельства не позволили мне этого сделать. К слову сказать, я должен принимать экзамены по русскому языку у одного офицера и у шести солдат. Но все же такие случаи очень редки. Нет организующего начала. Кому неизвестно, что арабы пишут справа налево? Но гораздо интересней наблюдать самому, как араб словно вышивает какой-то орнамент, состоящий из крючков и точек. При этом количество и место точек меняет смысл слов.

Моя попытка самостоятельно научиться читать не удалась. Не могу разобраться, где кончается одна буква и начинается другая, так как всевозможное сочетание крючков нанизывается на одно основание. Поэтому и арабские книги начинаются там, где оканчиваются наши.

Без картинок трудно определить, где начало, и где конец, где верх и где низ. Арабский язык очень богат. И в этом есть парадокс. Богатство языка, с одной стороны, облегчает его изучение, а с другой затрудняет. Одно какое-нибудь понятие может иметь десяток наименований. Достаточно бывает знать одно, но трудно выбрать, какое именно. Или, наоборот, одно слово может иметь несколько значений. Тогда, запомнив это слово, употребляй его почаще, авось угадаешь.

1 ноября наступил мусульманский праздник - рамадан. Это что-то вроде православного поста, только наоборот. Во время поста разрешалось, как обычно, днем принимать только растительную пищу и рыбу. Во время рамадана разрешается есть все, но от захода солнца до восхода. Однажды мне пришлось во время рамадана ехать из Каира в Рас-Гариб. Дорога длинная, более 400 километров. Естественно, все устали, и даже самые разговорчивые умолкли. Некоторые из моих спутников арабов доставали из своих сумок провизию и ели. Вечером, когда автобус шел вдоль берега Суэцкого залива, я задумался, глядя на пустынные воды Красного моря, и совсем забыл о рамадане. Вдруг пассажиры засуетились, послышались веселые возгласы. Я оглянулся и увидел, что мои спутники дружно принялись уничтожать запасы из своих сумок, пакетов, свертков. Было 17 часов 25 минут. Солнце только чуть скрылось за горным хребтом. Но почему же некоторые ели до захода солнца? Оказалось, то были христиане. А теперь мусульмане могли есть всю ночь и все, что они хотели или, точнее, все, что имели.

Старший лейтенант Фарид, начфин, был самый толстый человек в полку и мистер Усэма шутил:

Мистер Фарид днем кушает, как христианин, а ночью как мусульманин. Поэтому он,.. - мистер Усэма показал руками, к чему это привело мистера Фарида.

Из-за такой ночной жизни многие, кому удавалось, спали днем так, будто благодаря аллаху, день и ночь поменялись местами. Для меня в этот период все перепуталось. Я уже не мог определить, когда завтрак, когда ужин, когда нужно спать, когда бодрствовать. И так целый месяц. Как-то мистер Усэма спросил меня:

Ви понимать рамадан?

Понимаю, - ответил я, - днем кушать нельзя. Аллах видит. Это нехорошо. Ночью аллах спит, можно кушать. Все можно. Это рамадан.

Мистер Усэма засмеялся, но возражать не стал. И только впоследствии, когда мы с женой принимали его и его супругу мадам Году в своей квартире, он разъяснил, как надо понимать рамадан. По случаю гостей я взял бутылку сухого вина и, естественно, предложил им по рюмке. Года наградила меня столь красноречивым взглядом, что я почувствовал себя по меньшей мере Каином. Но вежливая, даже смущенная ее улыбка несколько успокоила меня.

Мистер Усэма виновато глянул на жену и нерешительно отодвинул рюмку.

- Рамадан. Нельзя. После рамадана можно, - пояснил он отказ выпить.

Но мне показалось, что не будь здесь очень милой, но глубоко-верующей жены, мистер Усэма не устоял бы перед искушением, а я готов был принять его грех на свою душу.

Чтобы не обидеть гостей, пришлось ограничиться пельменями и чаем, заваренным дальневосточным лимонником.

Вот как нужно понимать рамадан, - сказал мистер Усэма, Рамадан - это, Аллах сказал, это э, э, - мистер Усэма в затруднении пошевелил пальцами, это приказ, подобрал он наконец слово. - Это делать все.

- Рамадан - это нет война мусульман и мусульман - мистер Усэма легонько стукнул кулаком о кулак. Это нет. Рамадан это богатый помогать бедный. Богатый не кушать, начинать понимать, как плехо бедный. Все делать хороший поступки.

И неожиданно с самым серьезным видом закончил:

Рамадан это как у вас социализм. Один месяц. Потом будет всегда. Ислам - социализм.

Я не стал возражать. Во-первых, нельзя обижать гостей, во-вторых, у меня мало в запасе арабских слов, а у мистера Усэмы русских, чтобы он понял, какой социализм у нас. Поэтому я вежливо сказал, что мы тоже за хорошие поступки людей и этим ограничился. Да и нельзя было большего говорить, так как когда мы с женой были у них в гостях, мистер Усэма попросил не говорить его жене, что бога нет, так как она сердится. А такой вопрос мадам Года задала. Мистер Усэма вовремя вышел, а мы развели руками. Дескать - не понимаем.

А ведь это по-своему передовые люди, с прогрессивными взглядами, образованные, знающие иностранные языки. И вот такое переплетение понятий, вера в потустороннюю жизнь, соблюдение древнейших обычаев, преклонение перед мудростью Корана. И тут же вполне современные взгляды на общественные отношения, на материальность вселенной, хотя и созданной богом. Уму непостижимо, как они разбираются во всей этой путанице понятий и взглядов. И ведь убеждены, что они правы и никаких противоречий у них нет.

Не могу понять до сих пор еще одного. Я уже писал, что арабы очень быстро ездят на машинах, не соблюдают правил движения транспорта и вследствие этого бывает много аварий. Отсюда следует вывод, что они плохие водители. Но теперь я убедился в том, что если бы действительно были плохие водители, аварий совершалось бы раз в десять больше. Только виртуозное мастерство водителей позволяет избегать столкновений на забитых машинами улицах Каира.

4 Зак. 67к

Так отчего же зависит количество аварий? Наверное, от безответственности и безнаказанности виновных. Автомобильная авария не рассматривается, как происшествие, даже в том случае, если были человеческие жертвы. Как мне рассказывали, за сбитого машиной мужчину на водителя накладывается штраф 10-12 фунтов, а за женщину вообще ничего. Как-то мы с женой взяли такси. Я знал дорогу, но названия места, куда нам нужно было ехать, не знал. Поэтому стал говорить шоферу: «Ямин» - направо, «шималь» - налево. Выслушав мою команду, шофер бросал руль, складывал ладони и поворачивался к нам:

- Я, эфенди. - Слушаю, господин.

У меня замирало сердце и я сердито махал рукой:

Смотри вперед.

А он снова:

- Я, эфенеди.

Потом он догнал другое такси, наверное, в нем был его товарищ, высунулся и весело о чем-то заговорил с ним. При этом ухитрялся жестикулировать обеими руками. Простившись с товарищем, вдруг запел арию из оперы «Иоланта» и широко развел руки, показывая как он любит Матильду. Хотя в машине нас обдувал ветерок, вышел я из нее мокрым и облегченно вздохнул. Веселый попался таксист!

Но особенно бросаются в глаза контрасты социальные.

Каир довольно грязный город. Несмотря на безработицу и большую плотность населения, улицы убираются плохо. Гниющие пищевые отходы издают весьма неприятный запах, а тучи мух отбивают желание полакомиться шашлыком или другим приятным на вид блюдом. Но если поехать в северо-восточный район города - Гелиополис, то поражает прежде всего чистота.

В Гелиополисе широкие и прямые улицы. Мало многоэтажных домов. Больше двух-трехэтажные особняки, обнесенные красивыми каменными заборами. Внутри дворика, вокруг особняка небольшие садики и цветники. Особняки выглядят нарядными и уютными. На улицах сравнительно тихо. Меньше людей и машин. Это район аристократов и богачей.

В городе много промтоварных магазинов, большей частью мелких, но есть и крупные универмаги. Впрочем, тут много магазинов универсальных. Даже типа наших киосков. В таких магазинах можно купить конфеты, тетради, мыло, авторучки, бумагу, кока-колу и еще десятки наименований товаров. Очень много обуви, особенно женской. У наших женщин глаза разбежались. И нигде нет очередей. Более того, у дверей стоит зазывала и расхваливает товары. Между тем в Каире, не говоря уже про деревни, много людей ходит по асфальту босиком или в босоножках, какие у нас носят в комнатах или на пляже. А секрет прост. Низка покупательная способность населения. Товаров много, а денег мало. Поэтому покупателя

встречают, как дорогого гостя, и ухаживают за ним сразу два-три человека. В такой обстановке даже капризный что-нибудь купит. За покупку сердечно благодарят. Если же покупатель ничего не купит, то огорчение торговцев не поддается описанию.

И все-таки, несмотря на огромную отсталость во всех областях от развитых стран, ОАР имеет потенциальные возможности в кратчайшие сроки развить свое хозяйство, культуру, образование до уровня, отвечающего требованиям XX века.

Для этого нужно решить прежде всего два вопроса: освободить оккупированные земли и добиться справедливого мира. Развивать революцию дальше, опираясь на дружескую помощь социалистических государств. На примере Египта я особенно почувствовал, увидел своими глазами значение социалистической революции в России для трудящихся, и не только нашей страны.

В Египте насчитывается примерно 6 миллионов арабов-христиан. Две религии мирно сосуществуют. Как-то встретил полкового врача с пачкой книжек в руках. Оказалось, что он в штабе бригады получил Евангелие для солдат-христиан. Так я узнал, что в полку 53 христианина. Но ни разу мне не пришлось видеть, как христиане в Египте справляют свои праздники и обряды.

Есть у арабов поговорка «В баню легче войти, чем выйти». Родилась она потому, что правоверные платят за баню при выходе, а не при входе, как принято это у нас.

Чтобы мусульманину развестись с женой, достаточно сказать ей трижды: «Ты разведена», отсюда пошло выражение «развестись трижды», или «развестись тройным разводом», то есть окончательно.

Такой обычай и у нас нашел приверженцев, но всякий развод может быть в том случае, если был заключен брак. А жениться не так-то просто. Обычно после обязательной помолвки проходит несколько лет. За это время жених должен накопить нужную сумму денег. Для самых бедных женитьба обходится в 50 гиней (22 фунтов). Поэтому только богатые могут жениться, когда им вздумается. После развода женитьба на другой женщине требует новых расходов, а восстановить прежние отношения с бывшей женой закон не позволяет. А если развелся... Вот как описывает подобную ситуацию египетский писатель Махмуд Теймур в рассказе: «Шейх Наим, имам, или многоженец».

Однажды к благочестивому Шейху Наиму обратился сторож Абт ат-Таввиба и рассказал, как он развелся со своей женой тройным разводом, а теперь хочет ее вернуть.

«Есть лишь один способ, Абт ат-Таввиб, - ответил Шейх. - По закону нужно, чтобы на ней женился кто-то другой, и только после развода с ним она станет вновь дозволенной для тебя».

После долгого раздумья сторож предложил Шейху жениться на его жене. «Я испрошу благословения Аллаха. Если Аллах дозволит, то будет так... До завтра, сын мой. Да пошлет нам Аллах успех

в добром деле», - ответил Шейх. Получив одобрение Аллаха, Шейх женился на жене сторожа. И вот люди толпами стали ходить в его дом. От чистого сердца, видя в этом благословение Аллаха, они предлагали ему своих жен... Проходили дни, недели, месяцы. Шейх стал в местечке чем-то вроде племенного барана: едва успевал он скрепить один брак, как его ожидал другой». Но однажды к нему привел свою жену горожанин Тихами. Женившись на ней, Шейх Наим влюбился, и тайный голос шепнул ему: «О Наим! Не упускай из рук Ситт аль-Кулль! Аллах даровал ее тебе, чтобы ты спас ее от когтей голодного льва!» Когда настойчивый Тихами в третий раз пришел за своей женой, Шейх обратился к верующим: «Господь мой, великий и славный, повелел мне спасти жену этого человека, охранить ее от зла! Разве я смею ослушаться повеления Аллаха?

Нет! нет! - отвечали верующие.

- Тогда прогоните этого наглеца! Да постигнет его гнев Аллаха!

Пинками и ударами выгнали люди Тихами из деревни.

Эй, вы, тучки...

Эй, вы, тучки-облака,
Где летите ныне?
Знать, дорога далека
Вам ко мне в пустыню.

Не видал я вас давно
В небе темно-синем,
Знать, уж так мне суждено
Жить без вас в пустыне.

Эх, вы, тучки-облака,
Где летите ныне?
Вам дорога нелегка...
Как же мне - в пустыне?

Глава 7. Вечер вопросов и ответов

Странный распорядок установился на КП полка. Утром обычно офицеры спали до 9-10 часов, кроме дежурных. Завтрак был примерно в 11-12 часов, обедали в 5-6 часов вечера, ужинали в 10-11 часов ночи. После ужина, когда солнце подходит к горизонту, свободные от службы офицеры усаживались в кружок на стулья, которые из убежищ приносили по их команде солдаты, и о чем-то долго беседовали оживленно по два, три часа. Поздно ночью расходились спать по своим мэльгам. Я не знаю содержания этих бесед, хотя тоже часто сидел в кружке, наслаждаясь ночной прохладой. Душная мэльга и москиты в ней в немалой степени способствовали ночным беседам. Наиболее благоприятным временем для сна было утро, примерно с 4 до 8 часов, когда уже не было москитов и еще не наступила жара. В такие вечера я обычно включал «Сельгу» и слушал потихоньку передачи «Маяка». Почему-то только «Маяк» доходил до Аравийской пустыни. Причем передачи были без помех, казалось, что Москва не дальше, чем Каир. Заслушавшись русскими песнями, иногда забывал, что я нахожусь в далекой и для нас, русских, экзотической стране.

Из задумчивости часто выводил громкий смех офицеров. При этом почти всегда к одному из них все протягивали правую руку ладонью вверх и он поочередно хлопал их своей ладонью. Я долго не мог понять этого ритуала. Оказалось, что это острота одного из офицеров развеселила остальных и они протягивали руки, как бы поздравляя остряка. У нас обычно говорят: один-ноль в твою пользу.

Вообще жесты у арабов довольно красноречивы. Так, собранные вместе пальцы (щепоть) означают: «Подожди. Помолчи, дай мне сказать. Осторожно, не спеши», и тому подобное.

Если араб поочередно притронется указательным пальцем под каждым глазом, это значит: «Я понял. Сделаю для вас все».

Один из таких вечеров превратился в вечер вопросов и ответов. Нельзя сказать, что подобных вопросов мне не задавали и до этого. Но я обычно давал односложные ответы в объеме своего скудного запаса слов. На этот раз со мной был переводчик английско-

го языка Владимир Самодуров. С большим трудом мне удалось заполучить его на два дня.

Один из основных вопросов, который мне часто задавали и на который я коротко отвечал: «Мафиш» - нету, был вопрос о боге. Вот и теперь не помню кто снова спросил меня об этом через переводчика.

Нету бога, ответил я, если бы он был, то его кто-нибудь видел бы. Где он, бог?

Бога нельзя увидеть, он везде.

Если он везде, то тем более можно увидеть, - настаивал я.

- Тогда объясните, мистер Васили, кто создал землю, луну, звезды?

Никто не создавал. Они всегда были.

Тогда и человек, и животные, и деревья, и все, что мы видим, всегда были?

Нет, всего этого не было, но потом появилось.

- Откуда появилось? Кто-нибудь создал?

- Земля сначала была очень горячей, потом остыла. Вследствие химических и других процессов появились вода и воздух, зародилась жизнь. Вы же знаете, что воду можно превратить в газ, а из воздуха можно получить воду и так далее.

Мне пришлось прочитать целую популярную лекцию о зарождении жизни на земле, опереться на авторитет Дарвина, Коперника, Галилея и других корифеев науки всех времен. Хотя лекция, на мой взгляд, соответствовала уровню знаний наших старшеклассников, многие вопросы оказались для моих слушателей полным откровением, хотя некоторые из них имели высшее и среднее образование. Мне не хотелось особенно распространяться на тему о боге, поэтому я приводил самые элементарные примеры из различных наук. Я опасался, как бы меня не упрекнули в антирелигиозной пропаганде. Ведь ислам это пока что господствующая идеология в ОАР. Но офицеры продолжали задавать вопросы, и я не мог не отвечать им. Вопросы касались не только религии. Офицеров интересовало многое, и они задавали вопросы из самых разнообразных областей и тогда, когда они приходили им в головы.

Я отвечал в меру своих возможностей, ибо отмахнуться, увильнуть или отшутиться, а тем более отказаться отвечать означало подорвать авторитет не только советника, но и тех, чьим представителем я был в глазах сидевших передо мной офицеров.

Чтобы яснее был круг интересов офицеров ОАР, с которыми мне приходилось встречаться, я приведу эти вопросы и ответы.

- Советский Союз имеет новые самолеты, ядерное оружие, разные ракеты и другую технику. Почему нам не дают всего этого?

Думаю, что ОАР получает все в рамках соглашения наших правительств. То оружие, о котором вы говорите, наверное, не указано в соглашении. В отношении ядерного оружия вы должны знать решение ООН, принятое по инициативе Советского Союза,

о нераспространении его в другие страны.

- А новые самолеты? У нас мало их.

Я не знаю, о каких вы самолетах говорите. Но вы забываете, что летчика учить нужно 4-5 лет. Наверное, у вас количество самолетов соответствует количеству летчиков. Но это мое предположение. Я к авиации никакого отношения не имею.

- Почему Китай был другом Советского Союза, а теперь нет?

Это очень сложный вопрос и нужно знать историю СССР и Китая, чтобы понять все, что произошло у нас с Китаем. Один из главных вопросов это вопрос о наших землях, которые Китай считает своими и требует их от нас. Но земли эти никогда китайскими не были и не будут. Почему Китай претендует на наши земли? Это тоже очень сложный вопрос. Об идеологических разногласиях говорить не было смысла, так как офицеры имели весьма смутное представление о различных идеологиях. Для них главное Коран.

- Почему Америка говорит, что она друг арабов, а помогает Израилю?

- Потому, что хотела бы заменить в ОАР англичан и восстановить старый порядок. Так же, как в Южном Вьетнаме заменили французов. Америке нужны богатства и земля ОАР. Она хотела получить это с помощью Израиля, но убедилась, что это не та лошадка, на которую можно выиграть. А окончательно ссориться с арабской нацией боится, так как может лишиться доходов за нефть и вообще убраться из Средиземного моря. Нынешняя обстановка дает повод для вмешательства Америки в дела стран Ближнего Востока. Если наступит мир - не будет предлога для вмешательства, а чтобы мир не наступил, Америка помогает Израилю.

Правда ли, что в Советском Союзе нет богатых и нет бедных?

- Да, правда. У нас нет безработных, нет нищих, нет бездомных. Все работают и за это получают деньги. Кто больше и лучше работает, тот больше получает денег. У нас бесплатное обучение и медицинская помощь, небольшая плата за жилище. Есть и другие льготы. А в Америке вы знаете сколько это стоит?

- Знаем. Там много богатых и очень много бедных.

- Правильно. Америка - богатая страна, а обеспечить свое население пищей и жильем не может. ОАР пока что бедная страна, но после революции те, кто работает, стали жить лучше, феллахи получили землю, много строится жилых зданий. Хотя еще много бедных, но нет голодающих. У вас есть богатые, нужно чтобы часть своих доходов они отдали бедным.

У нас теперь очень богатых мало.

В этом вы уже сами разбирайтесь.

Говорят, у вас крестьяне совсем земли не имеют. Как же они работают?

Если крестьянин работает на земле, значит, он ее имеет. Зем-

ля у нас принадлежит государству. Государство дает землю крестьянам навсегда. Крестьяне организовали коллективное хозяйство, а государству платят налог. Я считаю несправедливым, когда один человек имеет много земли, а сам на ней не работает. Другие работают, а он деньги получает. За что? Кто мне может объяснить это?

- Ну, он хозяин земли. Нанимает феллаха, за один федан феллах получает каждый месяц 7 фунтов.

- А сколько за федан он отдает хозяину?

- 30-40 фунтов.

- Это вы считаете справедливым? - снова спрашиваю я.

Мне никто не отвечает на этот вопрос. И я знаю, почему. Кое-кто из присутствующих, а, точнее, их родители, имели землю и сдавали ее в аренду феллахам за 7 фунтов в месяц за федан (0,42 га).

Может, лучше деньги отдать государству? Эти деньги тогда пойдут бедным, на школы, на больницы, на оборону. А можно на семь фунтов прожить семье? - продолжал я. - Давайте подсчитаем. Один килограмм мяса стоит 70 пиастров, значит, на семь фунтов можно купить десять килограммов мяса. Это по 33 грамма на человека в день. А у феллахов семьи большие, нужно покупать одежду, платить за воду и другие расходы. Я знаю, что государство помогает феллахам. Но все же доходы распределяются не совсем справедливо. Но у вас революция еще не закончена. Помешала война.

У нас тоже будет хорошо. Будет, как у вас, когда построим социализм. Когда у вас будет коммунизм? Социализм хорошо, а коммунизм? Каждый будет брать всего сколько захочет и всем не хватит.

Коммунизм нужно строить, как дом. Сначала заложить фундамент, потом первый этаж, потом второй и так строить столько, сколько нужно, чтобы всем хватило. Вы только будете закладывать фундамент, а мы построили уже несколько этажей. Чем будем лучше работать, тем быстрее построим. Главное, чтобы не было войны. Война может задержать строительство, так как рабочим нужно будет воевать, а не строить. Значит, социализму война не нужна. Что касается товаров, то разумные потребности будут удовлетворены полностью.

- Как это разумные потребности? Люди знаете какие? И то давай, и это да побольше.

- Мистер Фавзи, - обратился я к одному из офицеров, - у тебя есть телевизор?

- Нету.

- А сколько тебе нужно телевизоров? Одного хватит?

- Хватит.

- А кому нужно десять телевизоров?

- Но есть жадные, им и двадцать телевизоров будет мало.

- А куда он их денет? Продавать некому. В комнате сложить? А где сам жить будет? Значит, одного телевизора хватит, а если большая

семья, - то два. Так же и питание. Больше, чем человек съест за всю свою жизнь, ему не нужно. Вот и получит столько, сколько съест.

Тогда работать никто не будет. Все будут даром получать. Зачем работать?

Если никто работать не будет, так никто ничего и не получит. Люди будут понимать, что все богатства создаются трудом человека и будут работать. Конечно, не так, как сейчас. Будет много машин для тяжелых работ. Люди будут работать по 4-5 часов.

- А как же бог? При коммунизме нельзя верить в бога?

Почему нельзя? Это дело совести и сознания.

- А в Советском Союзе есть верующие?

Есть. У нас в Средней Азии много мусульман. Есть мечети. Кто хочет, тот и молится Аллаху.

А за это не наказывают?

Нет, не наказывают. Я же сказал, что это личное дело каждого. Верующие живут так же, как все. Работают, учатся, женятся.

- А почему ты не веришь в бога?

Я коммунист. А коммунисты считают, что бога нет и никогда не было. Его люди сами придумали. Это мое убеждение.

А если бы тебе доказали, что бог есть?

Таких доказательств нет. Чтобы поверить во что-то, нужно или увидеть или потрогать рукой. Есть другие способы доказательства, но этот самый лучший. Но вы сами говорите, что бог везде и нигде. Его нельзя ни видеть, ни слышать, ни потрогать.

А ты видел Гитлера?

Нет, не видел. А при чем тут Гитлер?

Если не видел Гитлера, значит, его нет?

Когда я говорю, что бога нельзя видеть, слышать или ощущать, я не имею в виду себя, а вообще людей. А Гитлера теперь действительно нет. Он отравился в Берлине от страха, что его захватят в плен наши солдаты. Но он был. Его видели другие, я его видел в кино. Мы воевали с немцами четыре года и хорошо знаем, что такое Гитлер. Гитлер отравился, а его помощников судили и повесили. Об этом знает весь мир. Гитлера родила женщина и поэтому, к сожалению, он человек. Фашисты с Гитлером уничтожили миллионы людей и погибли сами. А что может сделать хорошего или плохого бог?

Бог тоже может наказать людей за плохое поведение.

Каким образом?

Послать болезнь и люди начнут умирать.

- Почему же бог не наказал Гитлера? Или его преступление было угодно богу?

- Этот вопрос смутил моих слушателей. Они что-то быстро заговорили по-арабски между собой. Видимо, обсуждали неожиданный поворот в нашей беседе. После короткого, но довольно оживленного обмена мнениями последовал вопрос:

- А, может, бог через Гитлера наказал людей?

- Если это так, что кто скажет, за какую вину перед богом были наказаны многие и разные народы? Ведь народы, пострадавшие в войне, молятся разным богам, и Гитлер не особенно смотрел на это.

Кроме того, погибло много детей. А разве дети могут иметь такой большой грех перед богом, чтобы их убивать? Каждый народ имеет хороших и плохих людей. А разве бомба с «Фантома» выбирает? Она уничтожает всех подряд: и мусульман, и христиан. Где же справедливость? Почему бог допускает это? Люди убивают людей, а не бог, и нужно разобраться, кто и зачем убивает. Есть войны справедливые, а есть несправедливые. Вы ведете справедливую войну. Правильно я говорю?

Мой вопрос снова привел в замешательство моих собеседников. Видимо, они почувствовали справедливость моих слов, но привычка мыслить по канонам ислама мешала им взглянуть на войну, как на социальное явление, полностью зависящее от человеческой деятельности. Теперь они о чем-то говорили гораздо дольше. Мы с переводчиком только переглядывались. Наконец арабы закончили свои обсуждения и, не отвечая на мои вопросы, снова спросили:

А как быть с холерой? Уж это-то действительно наказание божие?

Признаться, я устал уже доказывать очевидное и доказанное и начал нервничать из-за непонятливости собеседников. Теперь-то я понимаю, что мне не хватало выдержки, а тогда меня возмущали их наивные вопросы. Я решил идти, что называется, в лоб.

- С холерой борются и побеждают ее врачи, то есть люди. Это доказывает, что холера не от бога. А если от бога, значит, люди выступили против бога и побеждают бога. А вы говорите, что бог все может.

Тут я вспомнил, как накануне этого вечера мимо моей мэльги провели одного солдата. Солдат так громко и жалобно стонал, что я выскочил из мэльги узнать, что случилось. В сумерках я увидел, как два солдата ведут третьего, который еле переставляет ноги и громко стонет. Я спросил, что случилось. Оказывается, солдата ужалил скорпион в средний палец правой руки. Они сводили его к доктору, тот сделал пострадавшему два укола. Теперь они вели его к себе в мэльгу. Утром я поинтересовался самочувствием этого солдата. Он оказался рядом, на КП, его, по моей просьбе, подвели ко мне. Солдат был еще бледен, но уже улыбался. Палец опух, но не сильно. Я пошутил, что укол доктора сзади - лучше укола скорпиона спереди. Солдат ушел. И теперь я прямо обратился к сидевшему здесь доктору:

- Вчера скорпион ужалил солдата. Может, бог наказал его? Ведь скорпиона тоже создал бог, только не знаю зачем. Как же доктор посмел делать солдату уколы? Значит, доктор против бога?

Это оказался слишком сильный и неожиданный удар. Молодой круглолицый и добродушный полковой врач чуть не свалился со

(справа налево) Врач Махгуб, Василий Мурзинцев, начальник разведки полка Фавзи Махмуд.

стула. Он открыл рот и выпучил глаза, не в силах что-либо сказать. При свете полной луны лицо его еще более побледнело. Остальные офицеры тоже откинулись к спинкам стульев, словно их кто-то толкнул в грудь. Я пожалел о сказанном, но слово не воробей - вылетит не поймаешь. Когда беседа велась в несколько отвлеченном плане, все было хорошо. Когда я фактически обвинил одного из присутствующих в действии, направленном против бога, эффект получился для меня неожиданным. Случись это лет 15-20 назад, вряд ли я остался бы целым и невредимым. Ведь было время, и не столь давнее, когда убийство «неверного» расценивалось, как подвиг во имя Аллаха. Но времена изменились. Хотя ислам

остался в основе идеологии арабской нации, но Кораном пользуются больше для воспитания моральных качеств людей.

Ведь Коран, как и другие церковные книги, призывает любить ближнего своего, запрещает алкоголь, призывает хорошо работать и так далее. Но тут же разрешает многоженство.

После непродолжительной немой сцены разговор возобновился, но велся вяло и скоро заглох. Да и время было позднее. После этого случая ко мне с вопросами о боге не обращались. Я опасался, что обидел арабов, и это отразится на моих взаимоотношениях с офицерами. Но этого, к частью, не случилось. Видимо, не так крепок дух веры, как это казалось. Я обратил внимание на то, что не так уж часто арабы совершают молитвы, а их по Корану нужно совершать по 5 раз в день. Каждая молитва длится от 5 до 30 минут. Когда я спросил некоторых офицеров об этом, они уклончиво ссылались на недостаток времени и что они компенсируют это хорошими поступками. А добродушный доктор впоследствии охотно снабжал меня таблетками от простудных заболеваний и делал прививки от холеры.

Таких вечеров было много. К сожалению, у меня переводчик был всего два дня. В непринужденной обстановке я узнавал о различных сторонах жизни и быта арабов, об их обычаях. Много рассказывал о Советском Союзе. Мы взаимно открывали друг другу различные стороны жизни своих стран и народов. Между мной и арабами стоял языковой барьер и преодолевать его приходилось с большим трудом.

Я часто вспоминал немую сцену после моего вопроса полковому врачу и как-то само-собой сложилось шутливое стихотворение:

Стонал араб: «Велик Аллах!
Он в наказанье шлет болезни».
Но доктор вынул шприц и: «Ах!»
Укол арабу был полезней.
А было б тех уколов много,
И доктор победил бы Бога!

Глава 8. Исмаилия. 30 августа 1970 года

В последний день перед вступлением в силу соглашения о прекращении огня утром 6 августа 1970 года полк снялся и вслед за зенитно-ракетным дивизионом двинулся на восток, ближе к каналу. Позиция для дивизиона еще не была готова, и вся его техника стояла открытой. Наш зенитно-артиллерийский полк, также без инженерного оборудования, занял боевой порядок вокруг дивизиона и начал окапываться.

Через несколько дней и мы, и дивизион зарылись в землю, обложились мешками с песком и по возможности замаскировались.

Инженерное оборудование закончили довольно быстро, так как самолеты Израиля больше не появлялись.

Проверили всю технику. Отремонтировали и отрегулировали все, что могли своим силами, кое-что отправили для ремонта в Каир.

Я и мистер Усэма несколько раз съездили в штаб армии. Там уже разработали планы мероприятий на период прекращения огня.

Планы предусматривали повышение боевой готовности, проведение занятий, тренировок, учений и учебных боевых стрельб. Сразу оказалось, что работать предстоит больше, чем во время боевых действий.

Засели за планирование, составили расписание занятий со всеми категориями личного состава полка. Едва все спланировали и приступили к плановым занятиям, мистер Усэма уехал на курсы в Александрию, а еще через несколько дней начальник штаба мистер Рефорд был переведен в Каир к новому месту службы из-за старого ранения в правую руку.

За командира остался начальник тыла мистер Фавзи Хэгаг. Ноша явно была не по плечу для мистера Фавзи и, как говорится, все поползло по швам. Занятия срывались, появлялись перебои в снабжении продовольствием, горючим.

Отъезд мистера Усэмы и Рэфорда для меня не был неожиданным. Об этом мы уже говорили раньше. Но вместо мистера Рефорда обещали дать нового начштаба, а его не было. Ко мне пришел мистер Фавзи. Из его слов, а точнее, по его виду, я понял, что он

растерян. К тому же пришел приказ о новом перемещении ближе к каналу для прикрытия другого зенитно-ракетного дивизиона. Вместе с мистером Фавзи мы выехали и выбрали новый боевой порядок. Заехали к ракетчикам. Там я встретился с уже знакомым мне Валентином Сыроватским, который значительно раньше прошел через прикрываемую нами позицию. Я воспользовался его переводчиком и растолковал мистеру Фавзи, как организовать перемещение полка. Мистер Фавзи, в свою очередь, пожаловался мне, что он не может охватить всех возникших вопросов и попросил помочь ему.

Действительно, обстановка сложилась неблагоприятная, и при всем желании добросовестного и исполнительного мистера Фавзи он физически не мог справиться со свалившимся на него обязанностями.

В этот же день полк занял новый порядок примерно в 15 километрах западнее Исмаилии, и я выехал в штаб армии. После непродолжительных переговоров с полковником Юрием Пузановым и бригадиром мистером Хэльми мне обещали направить в полк нового начштаба в ближайшие дни. Обещание было выполнено, и через день мы встречали начштаба полка - молодого накыба Абдельазиз Гама. Двадцатичетырехлетний начштаба выглядел моложе своих лет. Из разговора с ним я узнал, что он окончил военный колледж, 15 дней командовал взводом, четыре года - батареей. Только назначили помощником начштаба и сразу к нам. Тонкое, редкое для арабов лицо. Нос с горбинкой. Взгляд спокойный, с усмешкой. Худой. Родился и рос на юге, в зажиточной семье. Отец умер. Мать имеет 20 феданнов земли. Общительный. Главное, знает зенитное дело и добросовестно относится к своим обязанностям.

Через несколько дней занятий, тренировок и подготовки техники одна из батарей выехала на полигон для производства учебно-полевых стрельб в районе Абу-Султана.

Когда я приехал туда, то увидел участок такой же пустыни, как и у Суэцкого канала. Никакого Абу-Султана не было. Из этого я сделал вывод, что отдельные места Аравийской пустыни, как у нас участок или массив леса, имеют свои названия.

Единственно, что отличало этот участок пустыни от других бетонированное кольцо диаметром метров 20 с металлическим столбом в центре. Вокруг столба на тросе бегал ярко-красный самолетик американского производства. Набрав необходимую скорость, самолетик отрывался от круговой взлетной полосы, отбрасывал ненужное в воздухе шасси. Это была мишень, которой управляли два офицера по радио.

Я думал, что самолетик будет сбит первыми же очередями, но не тут-то было. Высокая маневренность самолетика и ошибки рассчетов позволяли ему уходить от трасс и нахально кружить в чис-

том небе. Пожалуй, только здесь я наглядно убедился, что, несмотря на большой боевой опыт и большое количество стрельб, арабам не хватает того «чуть-чуть», без чего нет мастера своего дела. А организация стрельб была такова, что не позволяла добиваться мастерства и ювелирной точности в боевой работе. Командование ПВО решило под предлогом уменьшить передвижение войск в зоне канала, технику на полигоне не менять, а возить личный состав других батарей по очереди. Таким образом, техника только одной батареи была отрегулирована и проверена стрельбой, а остальные стояли на своих огневых позициях.

Но и такая организация стрельб имела свои положительные моменты. Командиры батарей получали хорошую практику в управлении огнем. Особенно обращали внимание на своевременность открытия и прекращения огня. Это увеличивает эффективность стрельбы и дает большую экономию снарядов. Во время стрельб выявилась закономерность: большинство трасс отстающие. Запаздывание - хроническая болезнь арабов. Через несколько дней после стрельб, а точнее, вечером 29 августа, из штаба армии мне позвонил переводчик и сообщил, что в Исмаилии в 9 часов 30 августа состоится совещание, на которое вызывают в числе других советников и меня.

- А где я там буду искать это совещание? - спросил я.
- Совещание будет в столовой, - ответил переводчик.
- А где столовая?
  В Исмаилии.
- А сколько там столовых?
- Этого я не знаю.
- А есть ли кто-нибудь рядом из тех, кто знает?
  Нет, никого.
  Так где же я буду искать совещание?
  В столовой.
- Понятно, - ответил я и положил трубку.

В Исмаилии мне до этого бывать не приходилось и все же утром следующего дня на грузовике «Наср» с водителем я храбро отправился в путь. Пятнадцать километров мы проехали за пятнадцать минут. Переехали по высокому горбатому мосту через пресноводный канал и оказались на окраине города. Уверенный, что дальше судоходного канала меня все равно не пустят, я сказал водителю: «Алатуль» вперед! - и махнул рукой. Прямая и широкая улица с зеленой полосой посередине и с невысокими пальмами по сторонам привела нас в центр города. Здесь я увидел представителей военной полиции в красных беретах и на все их вопросы отвечал, что мне нужен «руси мусташар» - русский советник. После продолжительного и оживленного совещания полицейских с водителем один из полицейских сел ко мне в кабину и мы поехали по той же улице обратно. Не знаю сколько в Исмаилии столовых, но мы приехали

после нескольких поворотов туда, куда было нужно. Только успел поздороваться с друзьями, как началось совещание.

После совещания нас угостили русским обедом. Были щи с мясом, котлеты и арбуз. Но вместо русского хлеба подали традиционные лепешки. Обед готовили повара-арабы и, несмотря на их старания, русского вкуса и запаха я не почувствовал. После обеда и перекура все разошлись по своим машинам. Вышел и я. Моего персонального грузовика на месте не оказалось, хотя я дважды повторил водителю, что меня нужно ожидать. После недолгих поисков и ожидания убедился, что машины по неизвестным причинам нет. Стал искать попутчика, и Валентин Головко любезно согласился подвезти меня, сделав крюк километров десять. Во время нашего разговора подошел «местный житель» Виктор Кузменко и предложил свои услуги в качестве гида. Мы с удовольствием согласились и уселись в прикрытый брезентом «Джип» ГАЗ-69. Выехали на знакомую уже улицу, проехали в центр и повернули на юг вдоль канала. Я с любопытством всматривался в фронтовой город. К моему удивлению город пострадал несильно. Только наглухо закрытые железными шторами витрины магазинов да редкие прохожие напоминали о том, что в нескольких сотнях метров проходит линия фронта. Ближе к каналу стали чаще попадаться дома с простреляннными стеклами. Тонкие стены легко пробиваются пулями крупного калибра насквозь. Отверстия от пуль аккуратные и обычно тянутся строчкой. Отверстия от осколков не имеют определенной формы, а различные по размеру и рассыпаны по стенам в беспорядке. Дома невысокие, большинство в два-три этажа. Их плохо видно из-за густых верхушек пальм. Водонапорные башни, а их в городе много, все как решето. Нет более легкого способа выгнать население из города, чем лишить его воды. Видимо, поэтому израильтяне старательно поработали над хорошо видимыми водонапорными башнями.

Тихий, без машин и без людей, зеленый от множества пальмовых рощ, кустов и цветов город, казалось, дремал под знойным солнцем. Проехали красивое здание Правления Суэцкого канала, замедлили ход у многоэтажного дома с флагом ООН на мачте и выехали в пальмовую рощу, иссеченную пулями и осколками. Здесь мы вышли. Осмотрелись. К нам подошел офицер и мы попросили провести нас к каналу. Офицер охотно согласился, и мы по узкой и глубокой траншее, вырытой в каменистом грунте, через пальмовую рощу направились за ним. В стенках траншеи часто встречались крепкие и толстые пальмовые корни. Мне стало жалко и красавицы пальмы, и покинутый жителями город. Немало поколений египтян потрудились в этих жарких безводных местах, чтобы сделать их пригодными для жизни. По извилистой траншее мы поднялись на высокий каменистый вал и увидели Суэцкий канал. Чтобы не привлечь внимания израильтян, осторожно выглядывали из-за кустов и пальм.

5 Зак. 67к

Неожиданным оказалось то, что на высоком берегу нам из-за зеленых кустов открылась желтая пустыня. Ни кустика, ни деревца. Прямо перед нами, на высоком свеженасыпанном песчаном валу стоял ярко-оранжевый бульдозер. Возможно, израильтяне обедали или пережидали жару и оставили свой бульдозер, как напоминание арабам о своем присутствии. Других признаков израильтян я не заметил. Да и были мы там всего несколько минут. Зеленая вода канала была неподвижной. Удовлетворив свое любопытство, мы той же дорогой вернулись к машине. Решили посмотреть на озеро Тимсах, что в переводе означает крокодил. Прекрасная пальмовая аллея привела нас к полуразрушенному мосту через пресноводный канал. Мост был разрушен в последний день перед заключением соглашения о прекращении огня. Тогда израильтяне нанесли удары по уцелевшим мостам, видимо, уже не надеясь воспользоваться ими после перемирия для рывка в глубь страны. Но полностью эту задачу выполнить они не смогли, помешали зенитчики.

Дорога через мост вела к Суэцкому судоходному каналу. Местность здесь открытая, и мы, осмотрев мост и полюбовавшись темно-синим озером в оправе ярко-желтых берегов, вернулись.

Вскоре я прибыл на КП и узнал, что водитель грузовика вернулся давно. Попытался узнать, почему он уехал, но так и не понял. Или он имел приказ отвезти меня и вернуться, или не понял моего распоряжения, или проявил недисциплинированность. Мистер Фавзи, наверное, чтобы успокоить меня, обещал водителя наказать, но за что, известно одному аллаху. Да и наказал ли, тоже знает один аллах. Я не настаивал. Несколько дней у нас полностью заняли тренировки, боевое дежурство, совершенствование инженерного оборудования и другие большие и малые заботы.

Неожиданно в штаб армии был вызван мистер Гама.

Вернувшись, он доложил мне, что получил приказ за три дня оборудовать и занять новый боевой порядок в районе г.Кебрит, дачного места на западном берегу Горького озера. После рекогносцировки местности выделили солдат для инженерного оборудования позиций, а с остальными продолжали занятия, несли боевое дежурство.

На исходе третьих суток, когда инженерные работы подходили к концу, мистер Гама сказал мне:

Мистер Васили, приказ - новая позиция.

- Занимать новую позицию? - спросил я. Мне не хотелось этого делать средь белого дня, да и окопы хотя и можно было занимать, не были полностью обложены мешками с песком. Поэтому я предложил занимать новый боевой порядок в сумерках. В это время нас уже не видно с восточного берега озера, но еще было достаточно светло, чтобы батареи заняли свои огневые позиции быстро и без происшествий.

Наш друг Саади у дома, где жили я с женой и Юра Бутенко

- Нет, мистер Васили, - выслушав меня, ответил мистер Гама, другой позиция Суэц.

При чем здесь Суэц, не понимал я. - Хатли хорита, давай карту.

Принесли карту, и мистер Гама показал мне точку на северо-западной окраине Суэца.

- Хэна, здесь.

- Или путает что-то мистер Гама, или я не могу понять, - подумал я. Три дня назад был получен не только приказ о перемещении, но и некоторые обоснования необходимости этого, а сегодня...

- Ты понимаешь, почему Суэц? - спросил я мистера Гаму, надеясь получить от него некоторые подробности, которые убедили бы меня, что полк действительно должен занять боевой порядок в районе Суэца.

Не понимаю, - пожал плечами мистер Гама. Я, в свою очередь, не мог понять, чего не понимает мистер Гама: моего ли вопроса, или причины неожиданного приказа о перемещении.

Нада ехать, - сказал Гама.

Куда ехать? - спросил я.

- Хэна, здесь, - ткнул мистер Гама в карту. Я посмотрел и увидел, что ехать нужно к мистеру Адаму Ивановичу Седлецкому. Полк возвращался туда, где я нашел его в первые дни пребывания в ОАР, но значительно ближе к каналу.

Позиции там подготовлены? - спросил я мистера Гама, - или все нужно самим делать?

Нус-унус (серединка на половинку), - ответи он.

Я решил, что это та позиция, что мы готовили в июне, но так и не заняли.

Когда прибыли на место, оказалось, что мои надежды не оправдались. Позиция была занята другим полком, где советником оказался коренастый, молчаливый, даже несколько угрюмый подполковник Владимир Бурковский.

Мы спешно начали переоборудовать многочисленные окопы, оставленные другими войсками. Налицо было явное недоразумение: на одну позицию назначали два полка. Я предложил мистеру Гама выехать в штаб армии и доложить обстановку. В штабе армии Адама Ивановича не оказалось, он выехал на полигон. Бригадир, начальник ПВО выслушал наш доклад, посмотрел на карту и сказал по-русски:

Вот ваша позиция.

Мы с мистером Гамой переглянулись: позиция была на 10 километров севернее Суэца.

Выехали обратно в полк. Мистер Гама помрачнел. Кто-то явно напутал, и хотя мистер Гама не получил упрека, настроение его было неважным. Я понимал и сочувствовал ему, но ничем помочь не мог. В полк приехали, когда уже стемнело, поэтому на рекогносцировку решили выехать пораньше утром.

Глава 9. Суэц. 12 сентября 1970 года

Итак круг замкнулся. Я снова в Суэце. Но это скорее не круг, а многоугольник в треугольнике Суэц - Каир - Исмаилия. Вершина треугольника - Каир. Линия Суэц Исмаилия - основание треугольника. Сторона Каир - Суэц - пустынная дорога, почти прямая линия. Сторона Каир - Исмаилия - пресноводный канал, выгнутый к северу, и дорога вдоль него, среди вечнозеленых старых деревьев, через города и деревни. Вся площадь треугольника занята пустыней, переходящей от равнины с севера к горам у Суэца. Между равниной и горами - песчаные холмы, разделенные то узкими, то широкими лощинами и долинами. По ночам пустыня озаряется бесчисленными огоньками: светомаскировка не соблюдается в полной мере то ли по беспечности, то ли из-за уверенности, что налетов авиации больше не будет.

На рассвете выехали на рекогносцировку. Выбрать боевой порядок оказалось не простым делом. Плотность войск у канала довольно велика. Бесчисленные дороги, проложенные, кому где вздумалось, густым узором расписали пустыню. Люди, машины зарылись в песок так, что даже с близкого расстояния трудно увидеть что-либо. Впрочем, песок только сверху. На глубине 30-40 сантиметров лежит глина, перемешанная с гравием. Миллионы лет назад смоченная морской водой, а потом высушенным солнцем, эта глина впитала немало солдатского пота за последние годы.

Мы часто заезжали на вершины небольших плоских холмов для обзора местности. Везде нас радушно встречали и угощали чаем. Радушие объяснялось, наверное, не только присущим арабам гостеприимством и желанием узнать новости у неожиданных гостей, но и тем, что мы были представителями зенитчиков, способных если не уничтожить, то хотя бы отогнать самолеты Израиля. А они кружат над головой и днем, и ночью.

Мы же пользовались гостеприимством для того, чтобы узнать, где есть свободные участки пустыни.

Только к обеду закончили рекогносцировку и поехали в штаб армии с докладом.

На этот раз Адам Иванович оказался на месте, и я доложил ему обстановку.

Не там выбирали, - сердито ответил мне он на мой доклад. Вот где вы должны стоять, - указал он на южный берег Горького озера. Тут у нас дырка пока. Вместе с Косиковым заткнешь ее.

- Мы уже два дня выбираем, и все не там, - с досадой сказал я. - Сейчас у Суэца позицию не оборудуем и новой нет.

- Пойдем к начальству, - ответил на мою жалобу Адам Иванович.

Мы выбрались из его мэльги и пошли на КП. Видимо, у меня было заметно недовольство, поэтому Адам Иванович сказал:

Ничего. Сейчас разберемся. Поедешь туда, куда я сказал. Об этом мы уже раньше говорили, а кто переиначил, я не знаю. Но у Суэца вам делать нечего. Там и без вас хватит.

У начальника ПВО все решилось быстро, и Адам Иванович вызвался на следующий день поехать вместе с нами к Горькому озеру.

Решено было полк пока оставить на месте, на новую позицию выслать команду для отрывки окопов. А когда окопы будут готовы, в сумерках побатарейно занять огневые позиции. Местность в новом районе была несколько приподнята над озером и отлично просматривалась израильтянами, впрочем, и мы видели хорошо пустыню за каналом и некоторые укрепления на том берегу. Из штаба армии выехали голодными. Время обеда давно прошло да и есть нам было нечего. Я как-то увидел, что солдаты подбирают куски лепешек, выброшенные теми, кто был здесь раньше. В одной из батарей поинтересовался, почему нет обеда. С большим трудом узнал, что солдаты не ели уже два дня, с того времени, как прибыли к Суэцу. Офицеры и я всегда имели небольшой запас пищи и этим довольствовались при всех перемещениях. Солдаты же питались тем, что им давали. Тогда я не мог установить причину такого безобразия и удовлетворился тем, что мне сказали: «Скоро подвезут». До отъезда мистера Усэмы на учебу такого не случалось. Пища солдат, хотя и не отличалась разнообразием и обилием, но была сытная и, как они мне говорили, вкусная. У меня, правда, было другое мнение, но не будем спорить о вкусах.

Забегая вперед, скажу, что, когда приехал мистер Усэма, я рассказал ему о вынужденной голодовке солдат. Досталось, конечно, мистеру Фавзи. Но это не испортило наших отношений. Как я понял, при перемещении из одной армии в другую нужно было получить паек на трое суток. Но вместо пайка выдали бумагу на получение продовольствия на новом месте. На новом месте на бумагу смотреть не стали, так как был приказ продукты получать на старом месте. А бумагой солдат кормить еще не научились, хотя попытки были, и не только у арабов. В результате на большой площади лишились добычи грызуны, бездомные собаки и птицы.

Перспектива собрать лепешки в пустыне мне почему-то не понравилась, тем более что все это время я практически только обе-

дал. Тогда моя душа еще отвергала фуль и атц. Впрочем, атц - вид супа она и сейчас отвергает. Поэтому я предложил поехать в Суэц и там поискать что-нибудь съестное.

Мистер Гама хлопнул себя по тощему животу и помахал рукой, морщась от боли. Наверное, ушиб ее о собственный позвоночник и охотно согласился. Темнело, когда мы въехали в город. Чем ближе к центру, тем чаще встречались разрушения и простреленное насквозь здание. Промелькнул кинотеатр с обвалившимся потолком, весь облепленный старыми афишами. По характеру обстрелов можно было понять, что велись они главным образом для устрашения населения. Жилые кварталы западной части города никак не могли служить оборонным целям.

Чаще стали встречаться прохожие. Вероятно, часть населения вернулась. Улицы выглядели более оживленными, чем в Исмаилии. На одной из узких улочек, куда мы въехали, светилась даже реклама. Посередине улицы вытянулся ряд тележек, столов, просто ящиков и корзин: шла оживленная торговля овощами, фруктами и другими продуктами. Мы остановились у открытых дверей небольшого ресторанчика и вошли внутрь.

Довольно большая комната тесно заставлена столами. Чуть ли не в центре зала стойка подпирает треснувший потолок. Ресторан был пуст. Мы приехали в промежутке между обедом и ужином. Повара тут же в зале что-то жарили на примусах, резали пополам лепешки и набивали половинки салатом, котлетами и еще чем-то зеленым с резким запахом. Пока нам готовили, я осматривал зал. Стены были увешаны картинами с непривычными для Египта пейзажами - горы, лес, снег. Одна из картин, как мне объяснил любезно хозяин (он же повар, он же официант), была «руси». И действительно, пейзаж напомнил мне родной Алтай.

Под картиной с заснеженными елями в двух клетках весело прыгали красивые пестрые попугайчики.

Когда заставили стол тарелками с жареным мясом, жареным картофелем, разными салатами, полуметровой длины вермишелью и другими яствами, оказалось, что я не хочу есть. Даже весьма ароматные запахи не возбуждали аппетита.

Мистер Гама с удивлением смотрел на меня и не мог понять, почему я лениво ковыряюсь в тарелке.

Почему? - спрашивал он и указывал на мои полные и свои быстро пустевшие тарелки.

Я не знал, как ему объяснить неожиданное исчезновение аппетита. У меня для этого не хватило слов, а у мистера Гамы в запасе не было других вопросов, и он все допытывался «Ле?» - почему? и пожимал плечами.

А дело было в том, что я последние три с лишним месяца недоедал. Похудел килограммов на 5-7, но это меня не очень огорчало, так как моя фигура приняла вид, какой она имела лет 15-20 назад.

Пришлось сделать одну дополнительную дырочку на ремне, чтобы он лучше выполнял свое предназначение.

Но это не так много. Я знаю товарищей, похудевших на 15-20 килограммов и очень довольных этим обстоятельством - в условиях африканского лета жирным людям приходится труднее. Последние дни я почти совсем не ел и вот перед обильным столом у меня совсем не текут слюнки. Заказал бутылку пива. Мистер Гама наотрез пить отказался. «Коран» - только и сказал он, пришлось пить одному.

Закончили ужин, закупили продукты и в полной темноте вернулись в полк. Часа через три, видимо, под действием пива, разыгрался такой аппетит, что я, наверное, пошел бы собирать в пустыне лепешки, если бы не закупленные продукты. Вспоминая жареное мясо, оставленное мною в ресторане, с удовольствием проглотил все, что закупил на весь следующий день.

Утром снова выехали на позиции, но вернулись пораньше и теперь уже с удовольствием и вовремя пообедали в том же ресторане.

На этот раз мистер Абдельазиз Гама сам заказал две бутылки пива и при этом почему-то аллаха не вспоминал.

После обеда решили съездить и посмотреть Суэцкий канал. Едва выехали с относительно уцелевшей улочки, начались развалины. В одном месте бомба упала на трамвайный путь. Силой взрыва разорванные рельсы высоко загнулись кверху словно полозья огромных саней. Чем ближе к каналу, тем больше разрушений и тем меньше людей. Какая-то улица вывела нас на берег Суэцкого залива. На рейде стоят пять-шесть застрявших три года назад судна. Несколько барж лежит на боку у причала. Перед нами открылась широкая дамба с шоссейной дорогой, трамвайной и железнодорожной линиями, ведущими в Порт-Тауфик, не то пригород Суэца, не то самостоятельный порт и город. Дамба тянется вдоль залива километра три и соединяет два города. Порт-Тауфик разделен каналом на две части. Восточная часть оккупирована Израилем. На одном из высоких зданий ясно виден развевающийся флаг Израиля. Западная часть полностью оставлена жителями. Это наиболее пострадавший район города. Кроме патрулей египетской армии, никого не встретили. Под прикрытием полуразрушенного дома, не вылезая из машины, посмотрели на темно-синюю воду канала и повернули обратно.

Тяжелое чувство возникает при виде разрушенного и брошенного жителями города, жаль становится обездоленных горожан некогда оживленного и красивого Суэца. Сотни тысяч бездомных, потерявших все имущество и влачащих жалкое существование, ютятся по разным городам Египта. Несмотря на все усилия правительства, участь беженцев тяжела. Целыми семьями строят избушки, похожие скорее на сараюшки из обломков кирпича, камыша,

старых одеял и прочего хлама, место которому на городских свалках. Только природа милостива к несчастным. Египет не знает минусовой температуры, а самая низкая температура в зимнее время по ночам бывает 5-8 градусов тепла. Высокий урожай овощей, фруктов, цитрусовых обеспечивает пищей феллахов и других бедняков. Из-за недостатка мяса его продают три дня в неделю. Да и в дни продажи мясо берут немногие. Во всяком случае, за мясом в очередях не стоят. Не каждому оно по карману.

Но я отвлекся.

По возвращении в полк мистер Абдельазиз сказал мне, что рано утром отправляет солдат для оборудования новых позиций. Я одобрил его решение, но выяснить, сколько солдат и с каким инструментом он отправляет их, мне не удалось.

Понадеялся, что он сумеет произвести правильный расчет, в трехдневный отпущенный нам срок оборудовать позиции и поддерживать боевую готовность.

Но утром увидел, что выделено всего примерно 10 процентов от личного состава.

- Мистер Абдельазиз, очень мало солдат, - сказал я, показывая на выделенных для работы.

Не можно много, - ответил мистер Абдельазиз и показал на пушки, знаками давая понять, что нельзя снимать солдат с орудий, что они должны стрелять, если появятся самолеты. Правильно я говорю? - спросил он.

- Правильно, - ответил я, - но солдат на работу мало, - я жестом показал, как солдат лопатой копает землю.

Выразительное, с тонкими чертами лицо мистера Абдельазиза выражало и недоумение, и досаду: «Что ему нужно? казалось, говорило оно. - Соглашается, что с орудий брать нельзя и требует послать на позиции больше. Где же их брать?»

Я, признаться, тоже с досадой смотрел на мистера Абдельазиза и думал: «Как ему доказать, что можно и нужно выделить не менее 30 процентов солдат. При этом можно рассчитывать за три дня выполнить работы первой очереди, занять новый боевой порядок и продолжать инженерные работы».

Но договориться мы не смогли и, недовольные друг другом, сели в машину. На каждой огневой позиции я показывал на долбивших землю солдат и повторял:

- Калиль, мало.

Мистер Абдельазиз протягивал ко мне руки и поднимал тонкие плечи до ушей. Без переводчика я понимал его немой вопрос.

- Что делать?

После огневых позиций поехали на КП. К моему удивлению приехали не к песчаным холмам, где намечали КП, а к железнодорожному полустанку у переезда через железную дорогу Исмаилия - Суэц. Полустанок находился на возвышенности и имел одно длин-

ное служебное здание обычной архитектуры, рядом с ним водонапорную башню и складское помещение в некотором удалении.

- Хэна (здесь) КП, - сказал мистер Абдельазиз.

Да простит он меня, но я в то время в душе ругал его на чем свет стоит.

- Ле (почему)? - спросил я его.

- Хенак, там земля нехорошо.

Чтобы не наговорить грубых и все равно бесполезных слов, я молча повернулся и пошел осматривать местность.

По другую сторону здания открылся вид на Горькое озеро. Суэцкого канала не было видно из-за пальм, густо разросшихся вдоль пресноводного канала. Но дальше хорошо просматривалась пустыня, занятая войсками Израиля. По узкой металлической лестнице я поднялся на водонапорную башню. Это был бы идеальный наблюдательный пункт, если бы он так же идеально не просматривался противником. С водонапорной башни открывалось почти все Горькое озеро, красиво блестевшее яркой синевой в обрамлении желто-золотистых берегов. Игрушечными казались суда, три года стоящие на якорях.

Западный берег окаймлен неширокой, но густой полосой финиковых пальм. Восточный берег пышет раскаленным песком: ни деревца, ни кустика. До озера километра четыре, а до канала и того меньше. Узкая темно-синяя лента канала кое-где видна через верхушки пальм. За каналом - кучки песка, возможно, укрепления израильтян. «Если я их вижу невооруженным глазом, то они меня тем более видят». С этой мыслью спустился на землю. Здание и башня имеют следы от осколков. Больших воронок нет. Наверное, обстреливала артиллерия, а может и минометы. Место для КП явно неудачное. Нас накроют здесь первым же залпом, как только возобновятся военные действия.

Вынужденная прогулка несколько успокоила меня, и я вошел в прохладное помещение, где разместился мистер Абдельазиз Гама, с решимостью объяснить, к чему может привести его странное решение о выборе нового места для КП. Главным же образом доказать, что можно на инженерное оборудование позиций батарей выделить 30 процентов солдат. Кроме того меня беспокоило труднообъяснимое чувство. Наверное, меня поймет каждый, кому приходилось длительное время командовать подразделениями или частью. Чувство это заключается в каком-то бессилии. Все как будто делается правильно и делается то, что нужно. В то же время делается как-то не так, как хочется, масса недоделок. Все расползается, солдаты слоняются без дела, а если работают, то так, что смотреть тошно. В таком случае нужно принимать решительные меры, встряхнуть людей, поставить конкретные и посильные задачи и настойчиво, я бы сказал, настырно добиваться своей цели.

Но как это сделать, если мы с мистером Абдельазизом Гамой только с недоумением разводим руками друг перед другом?

И все же нужно было работать.

Иначе незачем было лететь на ТУ-62 за тридевять земель.

Я сел за расчеты. Зная штат полка, подробно расписал, из каких расчетов, какие номера можно использовать. В итоге оказалось, что без ущерба для боевой готовности можно 40 процентов солдат и сержантов привлечь к инженерному оборудованию позиций.

Затем начертил окопы и заштриховал те части их, которые нужно было выполнить в первую, во вторую и третью очереди. Учитывая силы и средства, крепость грунта для выполнения первоочередной работы, нужно было, по моим расчетам, три рабочих дня. Была вторая половина сентября. Дни стали короче и прохладнее. С учетом этого я определил рабочий день продолжительностью 10 часов. Это была солидная нагрузка для солдат, но иначе нельзя было уложиться в установленные сроки.

Расчеты заняли у меня часа полтора. Но чтобы рассказать о них мистеру Абдельазизу, мне потребовался весь день, включая и вынужденные перерывы, когда приходилось решать другие вопросы.

Цифровые данные мистер Абдельазиз воспринял относительно легко. Сложнее было рассказать о последовательности инженерных работ. Но к исходу дня мне удалось убедить его, что достаточно сначала выкопать для техники котлованы и аппарель, чтобы можно было вкатить технику в котлован. В таком виде и занять боевой порядок. После этого можно к инженерным работам привлечь весь личный состав и в течение последующих двух дней полностью закончить оборудование позиций. Мои расчеты подтвердились. Полк вовремя занял новый боевой порядок и подготовился к стрельбе.

Но КП полка мистер Абдельазиз оставил в помещении полустанка.

- Ле хэна КП (почему здесь КП)? - допытывался я.

Мистер Абдельазиз что-то объяснял мне, но понять я не мог. Чтобы показать, что я не согласен с его решением, я поселился в тылу полка, который находился километрах в двух западнее полустанка, в бывших складах разбитого аэродрома.

Впервые после прибытия я имел такой комфорт. Большая квадратная комната с двумя окнами и высоким потолком была для меня просторной. Кроме койки, стола, одного стула и бачка с водой, в ней ничего не было. Зато можно было ходить, не опасаясь задеть головой потолок. В мэльге от потолка до моей головы было 9 сантиметров, поэтому я инстинктивно всегда чуть пригибал голову. А тут я расхаживал вокруг стола свободно. Вечером нормальное освещение. В комнате прохладно. Окна закрыты сетками. Ни мух, ни москитов. Сплошное блаженство!

А на другой день я понял, почему мистер Абдельазиз Гама так упорно не хотел оборудовать новый КП. Догадался я по одной фразе, которую смог понять:

Баадэ букра мистер Усэма рух хэна - послезавтра приезжает мистер Усэма.

Мистер Абдельазиз просто не хотел лишних забот и ответственности, хотя оборудование КП - его святая обязанность как начальника штаба.

Ни доказать, ни заставить оборудовать КП я не мог и решил воздействовать на него через штаб армии. Нельзя было оставлять полк такое продолжительное время без КП. В случае возобновления военных действий батареи оказались бы без управления. Ничем нельзя было оправдать такую бездеятельность, а объяснить можно было только беспечностью и самоуспокоенностью, появившимися в период прекращения огня.

Хотя мне было неудобно, но все же пришлось обратиться за помощью к мистеру Адаму Ивановичу Седлецкому. Это был первый случай моего обращения за помощью вследствие разногласий между мной и начштаба, исполнявшим обязанности командира полка. С такими мыслями я выехал в штаб армии и попал на совещание к мистеру Адаму. Совещание подходило к концу.

- Хорошо хоть приехал, - сердито встретил меня Адам Иванович. - Садись. Потом будешь оправдываться.

Вот и первая неприятность от того, что КП не оборудован. Связи нет, - подумал я, усаживаясь на ближайший стул.

После совещания мы остались с Адамом Ивановичем вдвоем и я объяснил свое опоздание.

- Надо настойчивость проявлять. Что ты свою слабинку тут показываешь? - недовольно ответил Адам Иванович на мои сетования.

- Это я знаю. А как ее, настойчивость, проявлять? Я вот настойчиво прошу переводчика, а вы мне так же настойчиво не даете.

- Нет у меня переводчика.

- А я без переводчика не могу проявить настойчивость.

Адам Иванович понял, что разговор наш зашел в тупик и переменил тему.

Слушай, что буду говорить. С одним тобой проведу совещание, - более приветливо произнес он и открыл свои записи. - Завтра можешь ехать в Каир отдыхать. В это время одна из батарей уйдет на полигон для проведения учебно-боевых стрельб в Каир-Вест. Каждой батарее дали по десять дней. С расчетом закончить стрельбы к ноябрю или в первых числах ноября. Чтобы к концу перемирия все были на местах. Послезавтра утром прибыть на полигон, проверить готовность батареи и приступить к тренировкам. Все остальное узнаешь на полигоне. Задача ясна?

- Ясна, - ответил я.

На этом наше совещания закончилось, и я вернулся в полк. Там уже знали о предстоящих стрельбах, и первая батарея готовилась к маршу.

Конец сентября по местным условиям не был жарким. Температура днем держалась примерно около тридцати градусов по Цельсию. Ночи стали прохладными. В небе чаще и чаще стали появляться облака. В пустыне, куда ни глянешь: десятки смерчей высоко поднимали столбы пыли. Издали эти столбы удивительно напоминали гигантских змей. Словно какие-то волшебники своей неслышимой для человеческого уха музыкой подняли их, и они, извиваясь тонкими гибкими телами, осматривали свои владения с высоты. При этом медленно перемещались в разных направлениях.

Любопытно зарождение смерча. В совершенно неподвижном сухом и горячем воздухе вдруг потянет прохладная струя, слово сквозняк из узкой щели. Струя приятно охлаждает лицо, забирается под куртку, холодит спину. Стоит сделать шаг в сторону - и снова неподвижный горячий воздух.

Но невидимая струя не пропадает. Словно наткнувшись на преграду, она поворачивает, ищет обходных путей. Но, наверное, не находит и поэтому возвращается на свой прежний путь, замкнув кольцо. Кольцо невелико. Не больше метра в диаметре. Вскоре кольцо можно наблюдать - легкая пыль начинает стремительно вращаться у самой земли. Поток воздуха не ослабевает, и пыль начинает приподниматься, как стенки складывающегося стакана. Кольцо становится шире. Внезапно порыв ветра вздымает крупный песок, и кольцо мгновенно вытягивается в длинный гибкий стебель. На высоте десятков метров верхушка стебля распускается в пышный цветок, который принимает различные очертания. То он похож на голову змеи, то на гриб ядерного взрыва.

Вместе со смерчами в Египет приходит осень. Теперь мы уже не прячемся от солнца, а солдаты с удовольствием сидят на пушках, так как для них в тени прохладно.

Ничто не предвещало нарушения планов боевой подготовки. А жить в Каире, в благоустроенной гостинице, без мух и москитов, есть пищу, приготовленную женой по-русски, хотя и из арабских продуктов, казалось осуществленной мечтой.

Вечером 27 сентября я прибыл в Каир. Смыл с себя древнюю пыль пустыни и с удовольствием съел картошку, зажаренную женой на свином сале. Жаль только, что нет русской селедки. А свинное сало, к удивлению, свободно продается в мясных магазинах. Правда, не во всех и не так уж много, но вполне достаточно для христиан и для неверующих.

Мусульмане свинину не едят, но свиней разводят для продажи.

Видимо, аллах не возражает даже от «поганого» животного, каким свинью считают приверженцы ислама, получать доход. А, может, это одно из свидетельств того, что аллах не так всемогущ, как его изображает Коран. Никакими логическими доводами невозможно доказать разумность запрета употреблять в пищу свинину. Вероятно составители Корана для своего времени, в VII

веке нашей эры, были великими мудрецами. Во всяком случае людьми образованными и умными. Но со свиньей они явно, как говорится, перемудрили. Современных людей слепая вера не удовлетворяет, они ищут объяснений событий и явлений. Если объяснения не находятся, зарождается сомнение. А от сомнения до отрицания один шаг. Поэтому «святые отцы» всех вероисповеданий даже сомнения в существовании бога объявили тяжким грехом.

Древние мудрецы, таким образом, подложили своим последователям, буквально и фигурально выражаясь, большую свинью. Эта свинья, наряду с другими неувязками, подрывает корни ислама в наши дни.

Да и как не сомневаться, если большинство людей на земле, кушая свинину, причмокивают от удовольствия.

А может, мудрецы не такими уж были мудрецами. Взяли более древние книги да и переписали их. А чтобы им не предъявляли обвинения в плагиате, внесли свои изменения и дополнения. Иначе чем объяснить большое сходство христианской веры и ислама? А так видна самостоятельность мысли. Этим же, наверное, объясняется и то, что христиане молятся по три раза в день, а мусульмане - пять раз.

Теперь, правда, это объясняется тем, что мусульманская молитва заменяет физзарядку. Этому можно поверить, так как, действительно, все телодвижения мусульманина, совершающего намаз, очень напоминает вольное упражнение утренней физзарядки. А пятикратное омовение - это, конечно, для личной гигиены.

Глава 10. Траурные дни в Каире

Вечером 28 сентября в соседних зданиях, заселенных арабами, раздались громкие крики. Мы с женой вышли на балкон и с восьмого этажа пытались рассмотреть, что там происходит. По громким крикам и освещенным окнам нельзя было догадаться, чем так возбуждены люди. Жена высказала предположение, что кто-то умер.

Если бы кто-то умер, то плач был бы в одной квартире или в одном доме, - возразил я. - Смотри, во всех домах открыты окна и во всех квартирах переполох. Может, несколько свадеб одновременно затеяли?

На свадьбу не похоже, - ответила жена, иллюминаций нет, да и не кричат так на свадьбах. Помнишь, на крыше дома напротив была свадьба? Совсем тихо было.

Действительно, нам довелось увидеть свадьбу на крыше 10-этажного дома. Часть крыши была украшена гирляндами электролампочек. Нам хорошо были видны ходившие там люди, доносилась музыка и песни. Теперь же свет был только в окнах двух десятков 10-этажных зданий, составляющих «городок» Победы или по-арабски мединат Наср.

Может, праздник какой, высказал я предположение, мусульмане свой обряд совершают.

Так мы и не поняли в тот вечер, что происходило в соседних домах.

Утром следующего дня выехал я на полигон. Путь наш лежал через весь город с востока на запад.

В центре города стали встречаться небольшие, но шумные демонстрации молодежи. Многие несли портреты Г. А. Насера, вырезанные из газет и наклеенные на картон. Обычно один из демонстрантов сидел на плечах товарищей лицом к колонне и что-то выкрикивал. В ответ ему дружно неслись возгласы, видимо, выражавшие одобрение.

Наше недоумение разъяснилось, когда мы по пути взяли переводчика Альфонса. Новость ошеломила нас:

Умер Г.А. Насер!

Мы знали, что за несколько дней до этого в Каир прибыли главы арабских государств для обсуждения событий в Иордании, где произошли кровавые столкновения между армией Иордании и палестинскими партизанами. При этих столкновениях обе стороны потеряли людей и техники значительно больше, чем за все время войны с Израилем, не говоря уж о разрушениях в городах и жертвах среди гражданского населения Иордании.

На переговорах было достигнуто соглашение о мирном разрешении конфликта. Г. А. Насер, довольный успехом совещания, провожал на Каирском аэродроме высоких гостей. Неожиданно почувствовал себя плохо, был увезен в госпиталь и через три часа после первого приступа в 18 часов 45 минут скончался от инфаркта миокарда в возрасте 54 лет.

Неожиданная смерть Гамаль Абдель Насера потрясла всех арабов. Вечером, когда мы возвращались с полигона, улицы города были полны народа. Многочисленные колонны, преимущественно мужской части населения, с портретами Г. А. Насера шествовали по улицам, громко скандируя лозунги и призывы: «Мы верны тебе, Насер!», «Насер - любимец бога!», «Выполним заветы Насера!» и т.д.

Наш автобус медленно двигался вместе с толпами демонстрантов, лавируя, объезжал по узким улочкам пробки. Переводчик Альфонс комментировал происходившее.

Мы обратили внимание на одну немногочисленную колонну. Она отличалась от других тем, что люди в ней шли молча. Оказалось это были христиане. Их обычай требует скорбного молчания в дни траура.

Демонстрации продолжались до поздней ночи. Правительство объявило всенародный траур на три дня. И все три дня на улицах Каира было столпотворение. Но кульминационным был день похорон. 1 октября 1970 года по сообщениям газет, на улицы Каира вышло примерно пять миллионов человек. Много приехало из других городов, сел и деревень. В армии была объявлена повышенная готовность и запрещены отпуска.

Нам в этот день приказали на полигон не выезжать. Да и невозможно было проехать. Улицы не вмещали людской поток. Балконы, заборы, карнизы, деревья, столбы - все было увешано и забито людьми, и все исступленно кричали хриплыми, сорванными голосами. Наряды полиции с большим трудом удерживали стихию людских потоков. Вертолет с телом Гамаль Абдель Насера сделал три круга над городом, после чего гроб установили на лафет. Траурный кортеж проделал свой скорбный путь от резиденции Гамаль Абдель Насера с острова на Ниле через мост Тахрир (Освобождения), по набережной Нила, по улице Рамзеса II к мечети, где было подготовлено место для захоронения.

Мы смотрели это по телевидению и то, что мы видели, трудно описать. Впоследствии стало известно, что пострадало примерно

500 человек. Многие деревья не выдержали тяжести людей и обламывались. Люди падали на головы демонстрантов. Миллионы рук тянулись к гробу Г. А. Насера. Три раза срывали флаг с его гроба. Жаркий, душный день способствовал обморокам, истерикам. Положение усугублялось тем, что Г. А. Насер умер в день, который мусульмане отмечают, как день вознесения пророка Магомета к Аллаху. Мусульмане верят, что аллах призвал в этот день Г. А. Насера, как и Магомета в 1270 году, к себе. Поэтому трудно было избавиться от впечатления, что были крики, не только выражающие горе, но и радость, что А. Насер оказался любимцем бога, что это святой человек, а, значит, прикосновение к его гробу должно принести радость и облегчение в жизни.

На небольшом возвышении находились иностранные делегации, в том числе и наша во главе с А. Н. Косыгиным. Полиция не смогла удержать толпу народа и пришлось ей французского премьера буквально вытаскивать из людского водоворота.

Горе египтян было неподдельным. Чувствительные и сентиментальные арабы захлебывались слезами. Люди плакали при одном упоминании имени Г. А. Насера. Были закрыты все увеселительные заведения: кино, театры, ночные клубы, а также магазины.

2 октября мы выехали на полигон. На улицах по-прежнему проходили демонстрации в поддержку политического курса Г. А. Насера. Демонстрации были уже не столь бурными и многочисленными.

На полигоне офицеры и солдаты собирались группами и подолгу молчали, переживая случившееся. Ни о каких занятиях или стрельбах не было и речи. Потребовалось немало времени, чтобы вернуться в прежний ритм жизни. Только через двадцать дней отстрелялись батареи первой очереди вместо запланированных десяти дней.

6 Зак. 67к

Служа за рубежом...

Служа за рубежом Отчизны милой,
Я полюбил ее вдвойне.
И пусть прекрасны пальмы в дельте Нила,
Они березок не заменят мне.
Ни пирамид великое молчанье,
Ни Сфинкс, задумчивый в тиши,
Не всколыхнут воспоминаньем
Моей тоскующей души.
Ничто в Египте не сравнимо
С Россией, милой стороной,
Которой так необходимо,
Чтоб я служил стране другой.
И здесь совсем не для аллаха,
Вдали от близких и друзей,
Я защищаю жизнь феллаха*,
Не беспокоясь о своей.
Быть может, на исходе века,
Когда забудут люди страх
И за меня - за человека,
В молитве склонится феллах.

* Феллах - крестьянин.

Глава 11. Как я изучал арабский язык

Нельзя сказать, что я совершенно не знал арабского языка. При встрече с мистером Усэмой я бойко выложил весь свой запас арабских слов:

- Алейкум селям!

При этом без переводчика отлично понял ответ:

- Селям алейкум.

С этого момента я приступил к практическому изучению разговорного арабского языка.

Первые дни я узнавал значение слов по жестам и интонациям. Но слова, о смысле которых догадывался, почему-то не запоминались. Можно было бы прийти в отчаяние, бросить всякие попытки преодолеть языковой барьер и ждать, когда где-то подготовят и пришлют переводчика.

Но я не мог, подобно медведю, впасть в спячку, а значит, не мог отказаться от решения тех проблем, от которых зависит не только моя работа, но и сама жизнь.

Это был период активных действий авиации израильтян. Налеты следовали за налетами. Днем и ночью. Я скоро заметил закономерность полетов. Самолеты появлялись утром примерно в 9-10 часов, затем в 15-16 часов и в 22-23 часа. Ночью, как правило, самолеты сбрасывали светящиеся авиабомбы, иногда подныривали под них и бомбили. Но толку от этих бомбежек было мало.

Спать, правда, мешали.

Недостатки в инженерном оборудовании, в подготовке материальной части батарей и особенно в управлении огнем лежали, что называется, на поверхности. Но без знания языка я не мог активно вмешиваться в боевую работу. Стрельба часто велась скорее для того, чтобы избежать упрека за пропуск цели, чем для ее поражения. Поэтому огонь открывался на большой дальности и высоте. Это скорее было предупреждение противника об опасности, чем угроза поражения. И напрасная трата боеприпасов.

Но не только боевые дела не давали мне покоя. Чисто житейские вопросы, без решения которых нельзя было нормально жить,

требовали арабского языка. Обстоятельства вынудили меня к интенсивному изучению языка моих новых друзей. При всей их доброжелательности и приветливости и даже при желании создать мне некоторые удобства их природная беспечность и неорганизованность причинили мне немало огорчений.

Так, я не шел в столовую до тех пор, пока меня не приведут туда (если не забудут, бывало и такое). Не ложился спать, пока солдат не приложит ладони к склоненной голове и не поманит меня за собой. На первых порах я не имел постоянного места и не знал, где придется ночевать следующую ночь. Я ложился в душной мэльге на голое и довольно колючее и пыльное одеяло в одних трусах и до утра не спал, ворочаясь с боку на бок, вытираясь полотенцем через каждые полчаса. Таким образом, у меня оказалось несколько свободных дней для наблюдений и размышлений. А полуголодная жизнь заставила искать выход из создавшейся обстановки. В поисках выхода я вспомнил нашего знаменитого путешественника Миклухо-Маклая.

Хоть и разделяла нас добрая сотня лет, но ситуация была похожа. Миклухо-Маклай, живя один среди папуасов, нашел способ научиться их языку, что в значительной степени помогло ему выполнить поставленные наукой задачи. Не говоря уж о том, что знание языка папуасов сохранило ему жизнь. Вспомнил я и дикого Пятницу. Уж если дикарь под руководством Робинзона изучил английский язык, то мне просто стыдно не знать арабского языка, общаясь с грамотными и вполне цивилизованными арабами.

Эти рассуждения вдохновили меня, и через несколько дней в моей записной книжке появились первые арабские слова, написанные русскими буквами: пить - ашраб, кушать - акэль. (Именно кушать, а не есть. Слово «есть» имеет два значения и не так просто разъяснить их значение арабу. Поэтому мы всегда говорим кушать, избавляя себя от ненужных объяснений и путаницы. Так же поступали с другими словами, имеющими несколько значений). Спать - анаом, простыня миляйя. Стол - тарабиза, стул курси и так далее. Стоило мне запомнить десятка два слов, и жить стало легче.

Оказалось, что есть распорядок дня, а в нем, как в любом распорядке дня, отведено время для приема пищи, для отдыха и для работы.

Появились (хоть и не сразу) простыни. Чай и кока-колу я стал пить не только по приглашению, но всегда, когда появлялась жажда.

Нет, я не преодолел языковой барьер. Мне удалось заглянуть сквозь узкую щелочку на ту сторону, и я увидел много интересного и непонятного.

Недели через две мне удалось достать русско-арабский разговорник. С помощью разговорника дела мои двинулись вперед с гораздо большей скоростью. Я усердно читал арабские слова, написанные русскими буквами, и арабы, хотя и с некоторым напря-

жением, понимали меня. Иногда они шумно спорили между собою. Заставляли повторять иное слово по нескольку раз. Наверное, добивались нужного звучания и тональности. Добившись своего, громко смеялись и хлопали друг друга по ладоням. При этом дружно говорили:

- Тамам, порядок, мистер Васили!

Но обратная связь совершенно не действовала. Передача информации шла в одном направлении: от меня к арабам. Изучая разговорник, я обнаружил, что я знаю гораздо больше арабских слов, чем думал.

Оказалось, что не так уж трудно запомнить еще десятка два слов из арабского лексикона, потому что это были и русские слова, но имели арабское значение.

Судите сами. Разве трудно запомнить, что арабское слово «сундук» означает по-русски «ящик»? Слово «базар» - «рынок», или тот же базар. Но если вы скажете вместо «базар» «сук», то и в этом случае араб поймет, что вы интересуетесь базаром, а не сучком.

Исходя и этого, я составил небольшой словарь:

бедный - фыкыр,
бритва - мусс,
бык - тиран,
вдвоем - сава,
добрый - хасан (имя),
котлета (фарш) - кофта,
клоп - бак,
кукуруза - дора,
ночь - лель,
плотина - тын,
хитрый - макар,
девочка - бинта,
мать - ум,
работа - щеголь,
брат - ах,
брюки - панталон,
валюта - флюс,
газета - журнал,
гром - рад,
кувшин - олля,
кулак - яд,
лето - сейф,
мозг - мох,
огонь - нирон,
яд - сам,
сало - саман,
соловей - бульбуль,
небо - сама,
тесть, свекр - хам.

Внимательно просмотрев значение слов в моем словаре, легко запомнить, что, например, кулак это вовсе не кулак, а яд, что плотина - это воспетый в песнях тын, а хитрый макар - тот самый Макар, который телят не гонял (хитрец знал, что гнать их придется очень далеко!).

Известное стихотворение Пушкина «Тираны мира! трепещите!» дословно переводится: «Быки мира! Трепещите!»

Некоторые слова запомнились сразу и навсегда. А может, не сразу, а в силу постоянного напоминания. Но что навсегда, бесспорно. Тучи надоедливых мух. Разве забудешь, что их называют дэббэн. Это днем. А ночью кровопийцы москиты - намус.

Появились в мэльге мыши - фаар. И всем им нужно делать «касуру». Слово «касура» столь универсальное, что сходу модно на-

брать дюжину ее значений: авария, смерть, болезнь, поломка, неисправность, ошибка и так далее.

Короче, любая неприятность есть «касура». Любопытно, что арабы считают «касура» русским словом и о любом неприятном случае говорят нам «касура». Русские же считают это слово арабским и действует так же. В любом случае для ясности нужно показать, что «касура» - нога, автомашина, колесо, самолет, страна, дом и прочее. Но скорее всего это слово интернационально и корень его арабский «каср» ломать или искаженное «максура» - равнозначное немецкому «капут». А вот со словом «фантазея» совсем непонятно. Арабы считают его русским, русские - арабским. Означает оно - отдых, отпуск. Хотя по-арабски слово «фантаз» - башня, а «отпуск» - агяза.

Так постепенно я накапливал запас арабских слов. Нельзя сказать и о том, что мне просто повезло. Накыб капитан Усэма и ракыб - сержант Адель прилично знали немецкий язык.

Мой скромный запас немецких слов весьма пригодился. Помог мне и гунди рядовой Саади, некогда работавший на строительстве Асуанской плотины с нашими рабочими. Уже через три месяца в моей записной книжке оказалось около 3000 слов. (В голове значительно меньше). И десятка три фраз и предложений.

Саади где-то удалось достать русско-арабский словарь. Я воспользовался его удачной покупкой.

Сначала по алфавиту выписал в записную книжку все русские слова, которые посчитал наиболее нужными в моем положении, затем показывал их Саади. Саади читал их по-арабски, передавал значение русских слов, а я на слух записывал их русскими буквами. Часто Саади говорил:

Можно так - можно так. Мумкен кеда - мумкен кеда.

Тогда приходилось записывать два-три значения слов.

Например, слово «здесь» можно произносить как «эсена» и как «хина»; слово «когда» как «имта» и «эмта»; слово «мужчина» как «рагаль», «рогуль» и «регель».

Часто встречались такие слова, что мои уши их не воспринимали, как что-то членораздельное...

Попробуйте-ка записать на слух такие слова, как:

Ваша национальность? - гинсийаток э? Сионизм-ас-сыхнюйниииия коммунизм аш-шуйюиййя и так далее. И вы поймете мои муки, когда я по одной букве писал, заставляя бедного Саади десятки раз повторять одно и то же слово. Трудность заключается и в том, что в арабском языке большое значение имеет ударение. Перестановка ударения может совершенно изменить значение слова. Так, неправильное ударение мгновенно превращает Гамаль (мужское имя) в верблюда - гамаль. Кэбль - сердце, кабль - собака. Свои записи я в тот же день проверял в разговорах с арабами. К моему удовольствию, меня в основном понимали и исправлений делать не приходилось.

Прибегал я и к таким ухищрениям.

Например, слово макмурея (командировка) разбивал на части: мак - растение, цветок семейства маковых; мур - первые три буквы моей фамилии; эя последние буквы русского алфавита без «ю».

Для разговора по специальным вопросам приходилось чертить различные схемы, рисунки, чертежи. К счастью, мистер Усэма в них неплохо разбирался, и разговор происходил, если это можно назвать разговором, при помощи условных знаков и обозначений.

Несмотря на все трудности это были для меня идеальные условия для изучения арабского языка. Уже через месяц мистер Усэма говорил мне:

Мистер Васили карошо говорить араби.

На это я скромно отвечал:

- Швай - швай, мало-помалу.

И не забывал добавлять:

- Мистер Усэма хорошо говорит по-русски.

Так, похваливая друг друга, мы преодолевали языковой барьер. Успехи в изучении арабского языка могли быть более значительны, если бы старшие начальники, от кого это зависело, проявили бы инициативу в этом деле. По моему мнению, совершенно необходимо для тех, кто выезжает за границу, провести несколько дней занятий по изучению языка страны пребывания. На этих занятиях можно познакомиться с основами языка, с его особенностями.

Необходимо также обеспечить выпуск разговорников в достаточном количестве. В стране пребывания нужно создать заинтересованность в изучении языка.

Не секрет, что многие считают изучение иностранного языка личным делом, а поэтому не хотят «засорять мозги».

Однако знание иностранного языка, особенно языка страны пребывания, в современных условиях выходит за рамки личных интересов.

По собственному опыту знаю, что любой совет, любая рекомендация с большей охотой выполняются, если они изложены на родном языке.

А ведь можно бы включить в программу командирской подготовки 1-2 часа в месяц на изучение иностранного языка, ввести систему зачетов один раз в шесть месяцев. За успехи в изучении иностранного языка отмечать в приказах, вручать грамоты, памятные подарки.

Такие мероприятия стимулировали бы изучение иностранного языка, что подняло бы авторитет советских людей среди тех, с кем нам приходилось общаться.

Арабы чутко реагируют и высказывают неудовольствие, если знают, что за полгода русский специалист не может сказать двух слов по-арабски. Они расценивают это, как пренебрежение к ним.

К сожалению, никто не обобщает опыт по изучению арабского языка. Я знаю многих товарищей, за 6-8 месяцев настолько хорошо изучивших арабский язык, что в большинстве случаев они обходились без переводчика.

Наши видные военачальники в своих мемуарах о войне в Китае и Испании ни единым словом не обмолвились, как они общались со своими коллегами - иностранцами. Приходится только предполагать, что они отлично знали иностранные языки или были обеспечены переводчиками.

Из литературы мне известен пример успешного преодоления языкового барьера это Н. Н. Миклухо-Маклай с папуасами и Пятница с Робинзоном Крузо.

Часть вторая.

К ЮГУ ОТ СУЭЦА. (27 НОЯБРЯ 1970 ГОДА)

Глава 1. Дороги.

7 ноября 1970 года истекал срок соглашения о прекращении огня. Поэтому зенитные стрельбы было решено закончить в последних числах октября и батареям предстояло вернуться на свои позиции, хотя у меня отстрелялись только две батареи, а третья на полигоне занималась тренировками. В это время пришел приказ о перемещении полка из Кебрита в район Рас-Гариба, что южнее Суэца километров на триста.

Полк немедленно приступил к перемещению тремя батареями, а я с одной оставался на полигоне с надеждой отстрелять учебные задачи. Прошло около недели, но стрельб почему-то не было. Так не отстрелявшись, батарея во главе с начальником штаба мистером А. Гамой убыла в Рас-Гариб. Рассчитав, что полк уже занял новый порядок и окопался, я задержался в Каире на три дня.

1 ноября Ахмет Газуля на своем джипе ГАЗ-69 повез меня в Рас-Гариб. Дорогу туда я совершенно не знал. На географической карте перед выездом нашел маленький кружок на берегу Суэцкого канала с надписью Рас-Гариб и поэтому определил общее направление от Каира на юго-восток.

От Ахмеда Газули узнал, что в Рас-Гариб из Каира ведут две дороги: одна вдоль Нила через Кураимет, через Зафарану, другая - через Суэц и тоже на Зафарану. В Зафаране дороги сходятся, и дальше идет один путь.

Не имея никакого понятия об этих дорогах, я предоставил А. Газуле право выбора маршрута. Он выбрал почему-то дорогу через Суэц. Выехали рано утром. Солнце еще не прогрело воздух и ехать было легко. По знакомой дороге Каир-Суэц ехали часа два. На окраине Суэца, обогнув гору Атака с востока, свернули направо. Промелькнул крупный цементный завод, безлюдный с начала войны. Слева открылся Суэцкий залив. При полном штиле вода в

заливе была цвета изумруда у берега, постепенно переходила от синего к голубому и где-то сливалась с таким же голубым небом. Привычной черты горизонта не было. На восточном берегу залива на фоне безоблачного неба были четко видны горы Синайского полуострова.

Сразу же за Суэцом дорога приближалась к берегу. Справа, вплотную к дороге, невысокие, но отвесные скалы. Повторяя все изгибы берега, дорога то упиралась в скалы, то неожиданно устремлялась к морю. Ахмет Газуля «газовал», не обращая внимания на крутые повороты. Мне неоднократно пришлось сжимать пальцы руки в щепоть и подносить к его носу. Каждый раз при этом жесте Ахмет Газуля говорил «тамам» - порядок и сбавлял скорость.

Вскоре я увидел красноватые скалы, а когда подъехали ближе, то удивился их цвету. Это был цвет марганцовки, словно кто-то щедро, не жалея раствора, продезинфицировал скалы на участке межу Суэцом и Сохной длиной 50-60 километров. Горы шли сплошной стеной, иногда опасно нависая глыбами над дорогой. Кое-где встречались узкие ущелья с круглыми валунами на дне.

По этим ущельям в зимнее время мчатся мощные потоки дождевой воды. Но сейчас, отшлифованные водой, камни напоминают поток. В одном месте у выхода из ущелья пять небольших пальм. Каким-то чудом зацепились за каменную почву. У корней ли нанесло немного земли или наоборот, намытая земля взрастила пальмы на этом диком безжизненном берегу.

После Сохны горы постепенно отходят от залива, и асфальтовая дорога несколько выпрямляется: уже не такие крутые повороты, и встречные машины видны издалека. Ехать спокойнее. Меньше риска свалиться в воду или врезаться во встречную машину.

Проезжая опасный участок дороги, я невольно подумал: как удалось здесь мистеру Усэме провести три батареи и машины с имуществом и боеприпасами? Ожидал увидеть под обрывом машину и пушку, но, видимо, все обошлось благополучно. Следов аварии не было. Это меня успокоило, несмотря на то, что Ахмед Газуля не один раз заставлял меня хвататься за ручку, чтобы удержаться на сиденьи.

Километров за десять до Зафараны открывается широкая плоская равнина. Гряда гор ровной отвесной стеной уходит на запад и скрывается за горизонтом. Впереди, за невысокой отлогой возвышенностью, виднеется маяк - конусообразная двухступенчатая круглая башня. Нижняя часть башни желтоватого цвета служит основанием для верхней, заостренной, похожей на минарет башни, в которой помещен фонарь.

Когда подъехали поближе, стали видны брошенные полуразрушенные израильтянами домики. Строения у маяка взорваны во время высадки израильского десанта в декабре 1969 года. Сейчас маяк не действует. Его используют пограничники для наблюдения за Суэцким заливом и Синайским полуостровом.

Это и есть Зафарана.

К Зафаране с запада, перпендикулярно прибрежной дороге, подходит асфальтированное шоссе от самого Нила. Низкий берег не балует моряков закрытыми бухтами и заливами. Только в нескольких километрах южнее Зафараны имеется небольшой залив, где постоянно стоят с полсотни рыбачьих судов.

Горы отступили от берега на несколько километров, но видно их хорошо: они значительно выше, чем в районе Сохны.

Горы не дают разгуляться горячему ветру пустыни, поэтому рыбаки чувствуют себя в относительной безопасности. На восточном берегу Суэцкого залива горы видны настолько отчетливо, что не верится, что до них три десятка километров, примерно столько же, сколько от Франции до Англии. Разница в том, что Англию можно увидеть с побережья Франции лишь в ясную погоду, а Синай изредка не видно. Это бывает во время песчаного «дождя».

В Зафарану из Каира можно проехать и другой дорогой. Она проходит рядом с Нилом на юг через Хелуан, Соф и Кураимет. Прекрасная автострада, рассчитанная на движение автомашин в четыре ряда, идет до Хелуана, известного своими металлургическими заводами. Там, где автострада поворачивает от Нила налево, в 40 километрах от Каира, ответвляется неширокое асфальтированное шоссе, проложенное вдоль Нила до самого Асуана.

Как и большинство дорог в заселенной части Египта, шоссе проходит по дамбе, насыпанной в древние времена для защиты от наводнений. Нынешние поколения расширили эти дамбы и покрыли их асфальтом. Получились ровные, с редкими плавными поворотами, вполне современные дороги. Влево и вправо отходят многочисленные полевые дорожки и дороги, по которым египтяне на верблюдах и ослах вывозят с полей плоды своего нелегкого круглогодичного труда.

Дороги эти зачастую настолько узки, что по ним может пройти только в одном направлении навьюченный верблюд или осел. Объясняется это просто - мало плодородной земли.

После Хелуана шоссе отклоняется от Нила и его видно за пальмами, сахарным тростником, зарослями камыша и невысокими, но густыми цитрусовыми и бананами.

Соф считается городом, но впечатление, как о деревне с одной пыльной и грязной улицей, на которой магазины, мастерские и базар. Из-за домишек и пальм кое-где выглядывают довольно большие и красивые здания.

В Кураимете видно всего несколько зданий и одну высокую трубу. Трудно понять, город, деревня ли? Арабы уверяют - город.

Здесь дорога раздваивается: одна продолжается на юг, другая под прямым углом уходит на восток в пустыню. На развилке этих дорог небольшой, но очень шумный базар. Здесь автобусы делают получасовую остановку для отдыха приехавших из пустыни и для подкрепления сил тех, кому предстоит проехать 200 километров от

Кураимета до Зафараны и дальше. Прибывающие в Кураимет автобусы буквально штурмуют толпы мальчишек и девчонок с кока-колой, лимонадом, сигаретами, огурцами, бананами, помидорами, кактусами и прочими дарами щедрой поливной земли. В длинных гальбеях, черные от природы и грязи, сверкая зубами и белками глаз, юные продавцы с громкими криками устремляются к автобусам. В окна и двери суют свой товар и тут же устремляются под камышевые навесы за новым. Стада овец, масса ослов, мальчишки и пассажиры снуют в разных направлениях и все это кричит, блеет, орет... В жарком воздухе плывут аппетитные запахи шашлыка, кабачков и других неведомых мне яств. К этим приятным запахам густо примешивается запах навоза, гниющих отбросов от многочисленных «туалетов». И все это по сторонам дороги шириной в сто метров.

Раздается громкий сигнал автобуса, похожий на сигнал нашей электрички, и теперь его штурмуют пассажиры. Одни пассажиры первого класса солидно проходят через дверь впереди и занимают каждый свое место.

Остальные, бог знает каких классов, устремляются к задней двери. Тут пробка: шум, крики, бурная жестикуляция. Все это отнюдь не ускоряет посадку, самые нетерпеливые занимают места через окна. Часть пассажиров со всех сторон лезет на крышу. Там ехать прохладнее и можно даже лежать. Набитый до отказа внутри, с веселой компанией сверху, подавая громкие сигналы, автобус осторожно трогается. Прощальные крики мальчишек и пассажиров постепенно затихают. Автобус набирает скорость.

Дорога от берега Нила до Суэцкого залива примечательна своим однообразием. Нужно много раз проехать по ней, чтобы в памяти остались какие-то ориентиры: песчаные холмы, россыпи камней, заросли колючек, мелкие лощины. Исключение составляют два холма в пятнадцати минутах езды от Кураимета. Видно их издалека, но только вблизи поражают отвесные скалы, карнизы, крышеобразные четырехскатные выходы твердых пород на плоских вершинах холмов. Трудно отделаться от впечатления, что это творения природы, а не рук человеческих: настолько скалы похожи на древние крепости. За холмами виднеются скалы, по форме напоминающие Сфинкса у пирамид в Гизе, только еще больших размеров. А может это забытые людьми и полузасыпанные песком древние крепости, прикрывавшие в свое время подходы к Нилу с востока? Кто знает. В Египте много неразгаданного, скрытого толщей веков и песка.

Два с половиной часа мчится автобус по пустыне, продуваемый насквозь горячим ветром через открытые окна. Однообразие и духота утомляют. В автобусе тихо. Многие дремлют. Наконец появляется белая головка маяка. По мере приближения автобуса башня все выше и выше поднимается вверх, четко вырисовывается на

голубом фоне неба. Пятиминутная остановка. Часть солдат сходит. Оставшиеся устраиваются поудобнее, и автобус мчится мимо рыбачьих судов на юг к Рас-Гарибу. За тридцать километров от Рас-Гариба справа от дороги начинает вырисовываться синий силуэт самой высокой горы в этой местности, давшей имя городку нефтяников. Длинная гряда с тремя выступающими вершинами издали похожа на стадо лежащих верблюдов. Вблизи это сходство значительно уменьшается. Хотя от КП полка до горы 45 километров, солидная высота Гебель-Гариб 1750 метров и прозрачный воздух позволяют видеть и крутые скаты, и отдельные скалы, и затененные ущелья.

Полк занял боевой порядок в пяти километрах от берега Суэцкого залива.

Недели через три после моего приезда в полк я уже подумывал о поездке в Каир для отдыха. В это время и произошел следующий разговор с мистером Усэмой.

Разговор, как обычно, шел на смешанном русско-арабском языке.

- Мистер Васили, ти хочешь видеть Египет?

- Хочу.

Тебе надо видеть Египет. Тебе надо знайт араби НЭС, понимаешь?

- Понимаю. НЭС - люди, народ.

- Араби народ, бедни народ, но это отличны народ.

- Да, народ не может быть плохим.

Букра (завтра) начальник тила едет Кена. Тебе можно ехать вместе. Ти хочет?

- Я хотел ехать в Каир.

- Потом можно Каир. Кена можно машина, потом Каир дизель. Вместе с мистером Фавзи - начальником тила.

- Почему так далеко ехать?

- Мистер Фавзи получить Кена цемент и другой, как это

- Материал?

Правильно. Материал. Нада делать мэльга, маука. Понимаешь, маука?

- Понимаю, позиция.

- Правильно. Позиция. Ти едешь видеть. Как турист. Понимаешь?

- Понимаю.

- Потом Каир. Фантазея. Потом здесь. Я приказ мистера Фавзи. Мистер Фавзи организейшен.

- Хорошо, - согласился я, не устояв перед искушением увидеть новые места к югу от Каира.

На следующий день выехали, как обычно, значительно позже назначенного времени.

Путь от Гас-Гариба до Гордаги, центра Красноморского губернаторства, длиной в 165 километров мы на двух грузовиках египетской марки «Наср» (Победа) проделали за два с половиной часа.

Дорога почти не отличалась от той, что соединяет Зафарану с Рас-Гарибом. Только горы имели несколько другой вид. Многочисленные острые вершины резко выделялись на голубом небе, словно гигантские зубы допотопного чудовища, как их рисуют в книгах «фантастики и приключений.

В одном месте красноватого цвета горы довольно близко подходят к берегу и тянутся сплошной грядой несколько километров вдоль залива. Весь этот участок густо усеян черными камнями величиной с булыжник. Издали создается впечатление вымощенной площади.

Вскоре показались два стройных словно плывущих в мареве минарета. Это Гордага или Гордэга - центр Красноморского губернаторства. Никто точно не знает, как этот город называется. С севера при въезде стоит табличка с надписью на арабском и английском языках Гордэга, с юга Гордага. «Мумкен кеда, мумкен кеда» можно так, можно так. Промелькнули глинобитные домики арабов, и снова дорога устремилась вдоль залива на Сафагу. Не один раз мне пришлось ездить по этой дороге, но сколько ни напрягаю память, не могу вспомнить ни одной особенности или достопримечательности на участке 65 километров от Гордаги до Сафаги. Перед Сафагой поворачиваем направо, причем так круто, что левые колеса отрываются от земли, но мы, к счастью, не переворачиваемся: шофер успевает повернуть машину влево. Машина сходит с дороги, врезается в песок и останавливается. Задним ходом выбираемся на дорогу и пытаемся догнать первую машину с начальником тыла. Но догонять долго не пришлось, через десяток километров мы увидели ее перед закрытым шлагбаумом. Когда подъехали, мистер Фавзи о чем-то беседовал с полицейскими. Оказалось, что навстречу нам движется какая-то колонна, и дорога занята. Разъехаться же в пути нет никакой возможности. Пока мистер Фавзи Фаттах уговаривал полицейских, я осмотрелся.

Мы находились в узком извилистом ущелье, по дну которого проложена асфальтированная дорога. По обе стороны дороги шириной от 10 до 30 метров дно усеяно камнем и глыбами скал, сорвавшихся с отвесных стен.

Хотя был полдень и солнце висело прямо над головой, ярко освещая все вокруг, ущелье имело довольно мрачный вид. Черные, как антрацит, скалы, черная дорога тускло поблескивали, и от этого казалось, что наступают сумерки. Если не считать нас и нескольких полицейских, перекрывших дорогу, ничего живого, ничего яркого. Даже ветер не шумел в этом неприветливом месте. Хотя скалы едва ли превышали двести метров, ущелье казалось гораздо глубже. Переговоры закончились тем, что мы повернули обратно, быстро проехали по единственной улице Сафаги, прижатой скалами к самому морю, и снова такая же дорога на юг к Кузейру.

Кузейр оказался довольно большим городком. Множество узких, кривых и грязных улиц, осыпающиеся стены старинной крепости. Мужчины, женщины и дети почти все в национальных одеждах времен фараонов. Верблюды и ослы. Горячее солнце и отсутствие зеленых насаждений, дающих тень.

Все это вместе создает впечатление чего-то нереального, настолько древнего мира, точно он по волшебству вызван из небытия. Только современные машины постоянными сигналами напоминают, что город живет в нашем веке.

Сразу же за городом дорога идет по узкому черному ущелью, почти не отличающемуся от ущелья в Сафаге. Такие же черные скалы, такая же тишина.

Машины мчатся на запад. Ущелье постепенно расширяется, скалы светлеют и становятся ниже. Иногда встречаются ответвления, словно притоки большой реки, и вообще впечатление такое, как будто мы едем по дну реки с отвесными берегами. Примерно на полпути между Кузейром и Кеной ущелье сходит на нет, и мы выезжаем в пустыню. Солнце висит у самого горизонта. Оно уже не ослепляет. Красное, цвета раскаленного, не остывающего железа, солнце быстро опускается. Мы догоняем караван верблюдов. Это кочевники бедуины по холодку меняют стоянку. Десяток верблюдов, нагруженный всяким скарбом, медленно шагают по пустыне. Несколько человек идут пешком, остальные качаются на верблюдах.

- В каком веке живут эти люди? - думаю я, высовываясь из окна кабины, чтобы лучше их рассмотреть. Когда мы догоняем караван, до меня доносится музыка. Кто-то из кочевников включил транзисторный приемник: да, это двадцатый век.

Бедуины позади, я снова смотрю на солнце. Коснувшись земли, оно не расплылось по горизонту, не расплющилось, а, не меняя формы, спускалось за горизонт. Вот уже виден краешек, словно кончик верблюжьего горба, вот уже верхний край коснулся горизонта и исчез. Сразу же высыпали звезды, словно в театре повернули сцену и сменили декорации. Еще минут пятнадцать чуть розовело небо, но потом потемнело и стало темно-синего цвета. Пустыня замерла.

В Кену приехали в полной темноте. До отхода поезда оставалось четыре часа. Взяли билеты, мистер Фавзи Фаттах, отправив машины, повел меня ужинать. На слабо освещенных улицах было мало машин, но много экипажей, запряженных худыми лошадьми.

- Такси феллаха, - сказал Фавзи, показывая на один из экипажей.

Такие экипажи мне приходилось видеть в кино, когда показывали события прошлых веков - крытые кареты на рессорах с облучком для кучера. Керосиновые фонари спереди и сзади. Очень похожи на кареты из кинофильма «Большой вальс».

Подошли к длинному зданию и поднялись на второй этаж. Заняли свободный столик и заказали ужин. Просторный зал с колоннами заполнен посетителями. За столиками сидели и пожилые, и молодые люди. О чем-то оживленно разговаривали. Некоторые играли: бросали косточки и передвигали фишки.

Только закончился ужин, подошел чистильщик сапог и тут же навел блеск на наши армейские ботинки. В спальном вагоне оказалось прохладно. Кондиционные установки работали усердно. Пришлось укрыться одеялом. Черная ночь, словно пологом, закрыла окна и рассмотреть ничего не удалось. Если бы не редкие огоньки, проносившиеся иногда мимо окна, можно было бы подумать, что кто-то на месте качает и трясет наш вагон с довольно большой силой.

Рассвет мы встретили в Каире.

Былое и настоящее.

Нет, ты не русская землянка
С накатом бревен в три ряда,
В которой пела нам тальянка
В былые прошлые года.

Но мэльгу помнить буду свято:
Москиты, мухи, духота...
Как ту, сырую, в три наката
В победоносные года!

Глава 2 .Гас-Гариб и Гордэга.

Получилось так, что два городка на берегу Красного моря стали объектами моего любопытства. Между ними нет большой разницы, однако есть такие особенности и достопримечательности, которые заслуживают внимания.

Одной из достопримечательностей Рас-Гариба является то, что жители его живут на всем привозном, исключая песок и морскую воду. Пресная вода привозится танкером из Адена, а морская вода плещется рядом. Но ни той воды, ни другой население не имеет в избытке. Еще подъезжая к Рас-Гарибу, я почувствовал сильный запах нефти. Нефть так близко выходит к поверхности, что на самом берегу лежит толстый слой загустевшего и смешанного с песком асфальта, водоросли черные от нефти. Вокруг города большие черные пятна песка, словно политые нефтью. Да они на самом деле политы нефтью, только снизу. Десятки нефтяных вышек и насосов-качалок теснятся на берегу залива. Некоторые из них шагнули по широким дамбам в море на 20-30 метров и качают нефть со дна морского. Не нужно быть особо проницательным, чтобы определить, почему именно здесь, на пустынном и безжизненном берегу, вдали от других населенных пунктов, лет 20 назад возник город, а точнее рабочий поселок. Нефть - вот причина того, что «Петроль компани» не пожалела средств на строительство городка и асфальтированных дорог к нему. В наши дни Рас-Гариб - довольно благоустроенный поселок с населением примерно 10000 человек. Широкие асфальтированные, но без тротуаров улицы, торговая площадь с двухэтажным полукруглым магазином, больница, школа, два клуба, гостиница и другие заведения придают поселку городской вид. Многочисленные козы и собаки, бегающие свободно по улицам и между домами, а также местное население, большей частью в национальной одежде, вероятно, сохранившее склонность феллахов к своему хозяйству, накладывают на поселок отпечаток деревни. Поэтому, как это часто бывает в небольших городах, в Рас-Гарибе город мирно сосуществует с деревней на небольшом полуострове. Козы - тоже одна из достоприме-

чательностей города-деревни. На сотни верст ни деревца, ни травинки, а между тем козы процветают. Чем их кормят владельцы, неизвестно, но я часто видел коз, подбирающих остатки пищи и отбросы: куски лепешек, арбузные корки, выброшенные бананы и ...бумагу. Обыкновенную оберточную или газетную бумагу, которую ветер в изобилии гоняет из одного края города в другой. Козы не жуют бумагу, как теленок простыню, а одной ногой наступают и рвут ее на куски зубами. Если оторвется большой кусок, коза не станет жевать его целиком, а наступит ногой и оторвет поменьше. В ход идет и тонкий картон.

Два клуба - украшение города. Один из них для рабочих и солдат, другой для ИТР и офицеров. Второй клуб имеет зимний кинозал, площадку для демонстрации кино летом с небольшой сценой для выступления артистов. Небольшой, 25x12 метров бассейн наполняется чистой морской водой. Бассейн красиво выложен белым кафелем. Имеется подводное освещение. После бассейна можно принять душ с пресной водой, сильно прогретой солнцем. Имеется и кафе с прохладительными напитками. Странно бывает купаться в бассейне с морской водой в 20 метрах от моря.

Мечеть низкая, похожа на склад. Приземистый минарет похож на силосную башню с конусообразным куполом, увенчанным полумесяцем.

Небольшой причал для рыболовных судов на литых металлических ногах, словно половинка моста, шагнул в море.

В Рас-Гарибе свежей рыбы почти не бывает, хотя в Гордэге ее можно купить свободно. Мест для купания почти нет из-за нефти и мин. Побережье минировали разные люди и в разное время. Схемы минирования затерялись, и теперь никто толком не знает, где опасные места.

Мне удалось купаться в Рас-Гарибе всего два раза. Второе купание запомнится надолго. На «газике» мы приехали к причалу, проверенному месту, в полдень. В море уже купались человек десять солдат и офицеров нашего полка. Я поспешил раздеться и побежал к морю, чтобы не сгореть под солнцем. На этот раз захватил с собой маску, рассчитывая полюбоваться морским дном и обитателями моря. Меня радостно приветствовали купающиеся:

Добрый день, мистер Васили! Иди сюда, здесь много рыбы. Это очень красиво! Все дружно показывали в сторону. Я надел маску, сунул в рот трубку и лег на воду. Никаких усилий для того, чтобы держаться на поверхности воды, делать не нужно. Вода настолько насыщена солью, что прекрасно держит на себе человека. Я потихонечку плыл в указанном направлении, но кроме песчаного дна ничего не видел. Потом впереди показалось темное пятно не то водорослей, не то кораллов. В прозрачной воде видимость отличная, и я повернул к темному пятну, рассчитывая там увидеть красивых рыбок, каких во множестве довелось видеть в Сафаге и

Гордэге. Вдруг я увидел, как прямо на меня мчится серая акула. Я оцепенел. Акула внезапно остановилась в одном метре от меня и уставилась своими круглыми немигающими глазами. Через какое-то мгновение она, не разворачиваясь, поплыла обратно, словно пятилась для нового прыжка. Вероятно, сработал инстинкт самосохранения, и я буквально выпрыгнул из воды и стал обеими руками бить по ее поверхности.

По-моему, от страха я ничего не соображал и только одна мысль давила на мозг:

Сейчас откусит ногу!

Я старался как можно выше поднять ноги и бил и бил руками по воде. Появилось страстное желание оторваться от воды, взлететь птицей от акулы, пока она собирается бросится на меня снова. Не знаю, почему я не кричал. Возможно и тут инстинкт подсказал, что криком от акулы не спасешься, а нужно сопротивляться. Может поэтому в моей руке оказалась трубка и я начал орудовать ею как шпагой. В это время за моей спиной раздался громкий дружный смех, а чуть в стороне один из солдат за жабры держал голову акулы на уровне своего лица и тоже смеялся.

Я понял, что надо мной пошутили и чтобы с достоинством выйти из этого положения, присоединился к шутникам, своим смехом давая понять, что оценил их остроумие по достоинству. От этой шутки целый день у меня внутри что-то дрожало, как натянутая струна.

Оказалось, что солдаты достали где-то акулью голову с изрядным куском тела, привязали к ней веревку и шутили. От сильного толчка акулий обрубок стремительно мчался вперед и только веревка останавливала и возвращала его обратно. Я попросил одного солдата открыть рот акуле. Меня занимал этот хищник. Солдат взялся одной рукой за плоский, как весло, длинный акулий нос, другой рукой оттянул вниз небольшую треугольную челюсть, точно открыл крышку люка, на внутренней стороне которой оказались белые, необычайно острые зубы, загнутые как крючки у вешалки.

На мой взгляд, подобное устройство не очень удобно для захвата добычи, но акулы имеют на этот счет свое мнение.

Перед окончанием купания акулу отбуксировали к темному пятну, оказавшемуся зарослями кораллов. Я видел как стаи мелких рыб набросились на внутренности акулы и пожирали ее с неменьшим удовольствием, чем до этого акула пожирала их живыми.

Жизнь на позиции не богата событиями в мирное время. Развлечений никаких, если не считать нескольких партий в шахматы да чтения книг. Но книг не привезешь на целый месяц. Газеты я читал во время отдыха в Каире сразу за две-три недели, поэтому два-три посещения клуба для просмотра кинофильма вносили некоторое разнообразие, особенно после прибытия переводчика с

английского Юры Бутенко. Кинофильмы шли большей частью английские и американские. Сначала было интересно, а потом оказалось, что все кинофильмы сделаны на одну колодку, однообразны и скучны, как пустыня.

Но один вечер запомнился.

Я с переводчиком сидел в мэльге мистера Усэмы. Закончив обсуждение деловых вопросов, мистер Усэма сказал:

Мистер Васили, сегодня большой праздник день революции. В Рас-Гарибе будет хороший концерт. Командир сектора и я приглашаем вас на праздник. Начало в 21 час.

Я поблагодарил за приглашение и обещал приехать. Мы приехали за 15 минут до назначенного времени. Смело направились в клуб. У ворот нас остановили и сказали, что сегодня пропускают только приглашенных. Неудобно было доказывать, что мы тоже приглашены и я хотел, извинившись, повернуть обратно. Но сзади подошел знакомый капитан, начальник местного госпиталя. Он что-то сказал одному из дежуривших у ворот, и тот быстро ушел. Пока мы обменивались любезностями с начальником госпиталя, вернулся посланец и нас пропустили. Все стулья на площадке оказались занятыми, мистера Усэмы нигде не было видно. Побродив безуспешно в поисках свободных мест, мы решили уехать, но подошел араб, по всей видимости, один из распорядителей вечера, и повел нас к сцене. Во втором ряду согнал двух мальчишек и усадил нас. В первом ряду я увидел командира сектора, мистера Усэму и других знакомых офицеров. Они о чем-то оживленно беседовали.

Концерт самодеятельности нефтяников «Петроль компани» и солдат местного гарнизона начался с большим опозданием. Что-то не ладилось с микрофонами. Микрофоны визжали, свистели и трещали так громко, что заглушали голос конферансье и тот смущенно разводил руками. Наконец занавес оттянули в сторону, и открылась небольшая сцена, украшенная пейзажем побережья Красного моря. На сцене десяток парней, подогнув под себя ноги и выставив вперед колени, уселись на собственные пятки. Справа у стены оркестр из четырех музыкантов.

Парни спели две песни, громко и ритмично хлопая перед лицом ладонями, словно дощечками. Потом занавес надолго закрыли. Мы думали, что готовится какой-то сложный номер, но вышли два парня и начали танцевать что-то похожее на буги-вуги, но в восточном варианте. Самый продолжительный и смешной был третий номер. Сержант с четырьмя солдатами занимался строевой подготовкой. Появился новичок - доброволец. Он-то и оказался главным героем. Постоянно наступал на ноги товарищам, перепутал где «лево», где «право», пререкался с сержантом и т. д. Все это вызывало громкий смех зрителей. Мы тоже смеялись, глядя на мимику и красноречивые жесты самодеятельного артиста. Потом еще раз выступили танцоры и хор. Это был большой концерт. За-

нял он часов пять, хотя было всего пять номеров и десятка полтора участников, включая хор.

После концерта, когда все поднялись, мы как-то потеряли мистера Усэму и других знакомых. Не спеша прошли к своей машине и уехали. Шел второй час ночи. Оказалось, что мы зря поспешили. На другой день мистер Усэма нам об этом сказал и добавил:

Был хороший ужин, было много сладкого, так нада в День революция.

А потом спросил:

- Как понравился концерт вам?

Мы такого еще не видели, очень интересно, - дипломатично ответил я.

Мистер Усэма моим ответом остался доволен. Так для нас прошел праздник в Рас-Гарибе.

Соседний городок Гордага или Гордэга имеет значительно больше достопримечательностей, чем Рас-Гариб. Да и не удивительно, это столица Красноморского губернаторства.

Издали, километров за пятнадцать, на фоне неба возникают, словно белые свечи два минарета. Их верхние части парят в воздухе и невольно восклицаешь: «О чудо»! И это действительно чудо. Но не божественное, обыкновенное чудо рук человеческих. Подъезжая ближе, видишь, как постепенно между верхней и нижней частью минарета воздух сгущается, темнеет, и вот уже минарет соединился в целое круглыми тонкими колоннами. Чуда нет, но в душе остается восхищение арабскими умельцами. Это ли не доказательство, насколько глубоко в глубь веков уходит культура арабов. Жаль только, что и в наши дни энергия и талант умельцев используется не всегда рационально.

Здесь уместно рассказать услышанный мною анекдот, как араб победил в споре европейца, чья культура глубже. Рассказал его мистер Усэма.

Европеец: - Когда мы строили метро, то на глубине сто метров нашли телефонный кабель.

Араб: - Ну и что?

Европеец: - Это значит, что уже сотни лет назад мы пользовались телефоном.

Араб: Когда мы пробурили скважину для добычи нефти на 1000 метров, то ничего не нашли.

Европеец: Ну и что?

Араб: - Это значит, что уже тысячи лет назад мы пользовались радио.

Европеец был посрамлен.

Также издали видно четырехэтажное прямоугольное здание, самое большое в Гордэге. Это резиденция губернатора. Перед зданием пятиметровая статуя русалки, красивой полногрудой женщины с рыбьим хвостом. С застывшей улыбкой, опираясь на хвост, ру-

салка смотрит в море. Она очень довольна, что стала символом губернаторства. И здание губернатора, и красивая мечеть, и больница, и гостиница, и ратуша - атрибуты губернских городов.

Но есть в Гордэге два объекта, столь примечательных и своеобразных, что в другом месте подобное вряд ли увидишь.

Первый объект ихтиологический музей. Он размещен в двух небольших зданиях. Одно из них стоит на берегу залива и имеет три комнаты. В первой, самой маленькой, есть двери справа и слева, ведущие в другие помещения побольше. Все комнаты буквально напичканы флорой и фауной Красного моря. У входной двери по обе стороны стоят трехметровые чучела морской коровы или по-арабски арусабахр («аруса-невеста, бахр - море).

Морская невеста - млекопитающее и живородящее животное, строением скелета очень похожее на человека. Особое сходство имеют передние плавники с пятью длинными пальцами, плоские зубы, челюсти, грудная клетка.

«Лицо» морской невесты напоминает человеческое расположением глаз, носа, рта с большими плоскими губами. Оно расположено не так, как у рыбы, а под углом примерно 45 градусов. Поставленная на хвост арусабахр очень похожа на человека, стоящего на ногах. Не эти ли животные явились первоосновой сказок и баллад о русалках?

Если принять во внимание, что в этих местах зарождалась цивилизация человечества, то такое предположение не лишено оснований.

Неподалеку отсюда люди придумали самую живучую сказку о боге. Чтобы показать благородство и доброту бога, люди же придумали много сказок о дьяволе или, как его называют арабы, шайтане. Со дня сотворения людей бог получил прекрасную возможность проявлять свое могущество и мудрость в борьбе с нечистой силой. Но, несмотря на всемогущество победить нечистую силу ему не удалось. Напротив Рас-Гариба, по ту сторону Суэцкого залива, возвышается над хребтом Тор-гора святой Катерины. По преданию на этой горе Аллах продиктовал пророку Магомету свои знаменитые заповеди.

Голые, абсолютно лишенные растительности раскаленные скалы дики и угрюмы. Чем руководствовался Аллах, выбирая для беседы столь уединенное и труднодоступное место, сказать трудно. Ведь пути господни неисповедимы. Неясным остается вопрос, как пророк Моисей смог добраться до вершины св. Катерины. Может быть, он был альпинистом? Впрочем, для Аллаха сущий пустяк перенести человека с одного места на другое. Просто он не упустил случая показать людям, что он все может.

Но я отвлекся.

Итак, музей сразу поражает обилием и разнообразием экспонатов. Для их описания потребовалось бы немало фолиантов, многие годы, а главное специальные знания. Даже простое перечисле-

всех диковинок заняло бы очень много времени. Да и как описать рыбу-пилу, рыбу-шило, рыбу-шар, рыбу-молот и множество других больших и малых рыб, разукрашенных во все существующие цвета и самых разнообразных форм. Чучела разных пород акул, дельфинов, черепах, электрических скатов. А сколько прекрасных кораллов и ракушек! Экспонатами увешаны все стены, лежат они на полу, и на столах, и на разных подставках. Ими забиты до отказа стеклянные шкафы. Из-за тесноты многие из интересных вещей плохо видны. Чтобы разместить все содержимое музея, нужно увеличить его площадь по крайней мере в три раза.

Второе здание разместилось на искусственном островке, соединенном с берегом дамбой длиной 30-40 метров. В этом здании размещено несколько аквариумов. Можно полюбоваться красивыми рыбами. За зданием каменной стеной огорожен участок моря. В свою очередь, в нем на дне прекрасно видны две морские звезды, актинии, медузы, ракообразные, водоросли. Все это плавает, ползает, шевелится. Трудно разобрать, где начинается животный, а где растительный мир: животные маскируются под растения, растения похожи на животных.

Во втором отделении медленно плавают две черепахи, панцирь каждой из них достигает более метра. В третьем отделении - две небольшие акулы, электрический скат, не уступающий по размерам черепахам, стайки мелких рыб, вероятно корм акулам. Акулы природой обречены на вечное движение, поэтому в своей загородке они плавают кругами. Прозрачная мелкая вода позволяет видеть все мельчайшие детали живых экспонатов музея.

Второй интересный объект - местный базар или сук. Примечателен он не привозными овощами и цитрусовыми. Этим Гордэга беден, как никакой другой город в дельте Нила. Богат и знаменит базар ракушками и кораллами. В нескольких убогих лавчонках и просто под открытым небом местные жители ведут оживленную торговлю своим оригинальным и красивым товаром. Сбор кораллов и ракушек превратился в Гордэге в целую отрасль. Спрос растет, а вместе с ним растут и цены. Нашлись умельцы по изготовлению сувениров: светильников, птиц, пепельниц и тому подобных изделий. Кораллы раскрашивают во все цвета радуги, прикрепляют чучела рыбок. Создается иллюзия морского дна.

Из ракушек же ухитряются изготавливать суда со всеми атрибутами парусного флота: мачтами, парусами. Для кораллов изготовляют из гипса подставки, и можно часами любоваться неповторимым рисунком созданным природой. На мой взгляд, раскраска только портит вид кораллов. Куда более привлекательней они в первозданном виде, с их белизной и свежестью. Такие ветви словно усыпаны инеем. Коралл настолько хрупок, что звенит если на него дунуть. От более грубого прикосновения ветки с тихим и печальным звоном отваливаются. Иные кораллы очень похожи на

Переводчик Юрий Бутенко. Каир, 1971 г.

ветвистый густой дуб, на пушистую березку, на неведомые кусты.

Есть кораллы похожие на оленьи рога. Хотя они тяжеловаты, но ослепительная белизна превосходит белизну первого снега, изумительная симметричность создает такую красоту, что она не отпускает от себя ни туристов, ни моряков, никого из тех, кто намеренно или случайно приедет в Гордэгу. Ничего не остается делать, как с великими предосторожностями за умеренную плату везти дорогие сувениры с собой.

Необыкновенно красивы и ракушки. Есть ракушки, по форме и цвету очень похожие на маленьких ежиков, усыпанные темными пятнами вместо колючек. Эти ежики так отполированы, что вряд ли на земле найдется мастер, который рискнет соревноваться с природой.

Большие раковины в форме улитки, отполированные внутри, чаще имеют светлый цвет от белого до темно - красного с нежными переходами.

Хотя дары моря почти ничего не стоят тем, кто их собирает и продает, за них получают деньги и тем живут целые семьи.

Мне не довелось видеть богатых продавцов ракушек и кораллов, но приходилось бывать в их домах. Думаю, что основной доход, позволяющий сводить концы с концами, эти люди получают от своего промысла. Кораллы сравнительно недороги, а ракушки стоят от 5-10 пиастров до 10 египетских фунтов. Это немалая сумма, если вспомнить, что ежемесячный доход феллаха равен семи

фунтам. Но такие ракушки (десятифунтовые) очень редкие и отправляются перекупщиками в другие города и за границу.

Остается добавить, что несмотря на разницу между Рас-Гарибом и Гордэгой у них есть одно очень важное общее свойство запах нефти. Этот запах чувствуется по всему побережью между двумя городами, забирается и в ближайшие к берегу горы. И газовые факелы озаряют небо. Не только оба берега залива, но и сам залив освещены четырьмя гигантскими свечами, что день и ночь горят над морем даже в сильный ветер.

Запах нефти и газа настолько силен, что прекрасно чувствуется в далекой Америке. Недаром США вложили свой капитал в нефтяную компанию «Петроль компани», а неблизкая Япония поставила южнее Рас-Гариба плавучую буровую вышку в четырех километрах от берега и сверлит морское дно вовсе не для доказательства или опровержения версии, что Египет пользовался радио много тысяч лет назад.

Глава 3. Переводчик при переводчике.

Однажды в жаркий день второй половины февраля ко мне на квартиру в Каире пришел лет двадцати, очень худенький и бледный юноша.

- К вам переводчиком, - застенчиво улыбаясь, представился он и добавил. Бутенко Юрий.

Я пригласил его сесть. Поправив очки, Юрий от смущения или по привычке, несколько кривя губы улыбкой, сел в кресло.

Он, конечно, не подозревал, с каким нетерпением я ждал его. Точнее, не его лично, а любого русского переводчика. Девятимесячное одиночество уже изрядно тяготило меня, и я больше нуждался в собеседнике и соотечественнике, чем в переводчике. Я имел весьма скромные успехи в арабском языке. Но этого было вполне достаточно для жизни и работы, если не считать вопросы, связанные со сложными теоретическими и абстрактными понятиями. Прибытие переводчика значительно расширяло мои возможности. Меня смущали Юрины далеко не могучая фигура и бледное худое лицо.

«Как-то он приживется в пустыне?» - не без тревоги подумал я.

Но опасения мои оказались напрасными. Уже через несколько дней переводчик мой загорел, а арабскую пищу ел с завидным аппетитом, не отказываясь ни от фуля, ни от атца, а иногда прихватывал и мои порции. Спокойный и выдержанный, Юра никогда не жаловался на неудобства нашей довольно однообразной жизни. В свободное время много занимался, помимо английского языка, французким. Естественно, что первое время мне пришлось быть у него переводчиком с арабского языка. Мы выяснили, кто из офицеров знает английский язык. Таких оказалось гораздо меньше, чем я думал. Оказалось, что некоторые офицеры, зная несколько фраз и десятка два-три английских слов, предлагали мне говорить по-английски, а когда я отвечал им «ноу» - они огорченно разводили руками. Весь вид этих офицеров говорил: «Очень жаль, мистер Василий. Но мы этого не ожидали... Мы думали... Ах, как жаль... русский советник... Да, да, очень жаль... но ничего не поделаешь...»

Я предлагал говорить по-немецки и услышав «ноу» или «ана муш ариф» (я не знаю), так же огорченно разводил руками: «очень, очень жаль мистер Ахмед, но и так далее». А вскоре часть офицеров, наиболее опытных и прилично знавших английский язык, перевели с повышением в другие полки. У нас осталось только четыре офицера, с которыми Юра мог общаться. Кроме мистера Усэмы, английский язык знали инженеры, капитаны Усэма и Ахмед, а также полковой врач мистер Мухамед. В повседневной работе и жизни мы встречались с офицерами, сержантами и рядовыми. Со всеми нужно было говорить. Нередко разговор проходил примерно таким образом. Я приглашал офицера, знающего английский язык, с собой на батарею. Там собирал необходимых мне специалистов или просто солдат и говорил Юре то, для чего я, собственно, и приехал к ним. Юра переводил на английский приглашенному офицеру, тот переводил на арабский. Если возникали вопросы или просто желание со мной поговорить, а это было довольно часто, то все шло в обратном порядке. Такой способ хоть и давал некоторые результаты, но был страшно утомителен для всех, так как десятиминутная беседа в обычных условиях отнимала не менее часа. Но иного выхода не было, если нужно было что-нибудь сделать. Приходилось и Юре обращаться ко мне за помощью, когда солдаты или офицеры хотели удовлетворить свое любопытство. Чаще всего спрашивали, сколько ему лет, есть ли жена и дети. Тут уж мне приходилось выступать в роли переводчика. Иногда Юра обращался ко мне с просьбой что-нибудь сказать Ахмеду Фергали или в столовой, при общем разговоре.

Положение умной собаки, которая все понимает, а сказать не может, удовольствия не доставляет. Я это испытал на себе и поэтому провел с Юрой несколько занятий по изучению арабского языка. Занятия эти сводились в основном к следующему примитивному способу. Я называл вещи по-русски, а затем по-арабски, а потом только по-русски и Юра должен был отвечать мне по-арабски. Обучение шло довольно успешно. Молодость, навыки в изучении иностранных языков, полученные в Киевском университете, отличная память и прилежание способствовали этому. Предлоги я выписал крупными буквами и повесил на стенку мэльги.

Примерно через месяц, когда я уезжал в отпуск, Юра уже мог объясняться с арабами и задавать им простейшие вопросы, а когда я вернулся из отпуска, позабыв там часть арабских слов, Юра не уступал мне, а вскоре превзошел меня. Я же, обрадованный тем, что имею переводчика, значительно снизил свои усилия и практически запас слов не увеличивал. Так и закончилась моя роль переводчика при переводчике. Юра отлично знал английский язык, и с его помощью я с мистером Усэмой вел длинные беседы или, как говорил мистер Усэма, дискуссии. Чаще всего - это дискуссии на военные и политические темы. При этом мы часто говорили о мировых про-

блемах. Мистер Усэма любил порассуждать в глобальном масштабе. При этом его красноречие не прерывалось по часу и более, а любое мое возражение или даже отдельное слово действовало на него, как бензин на огонь. Он словно вспыхивал и с еще большим жаром развивал свои идеи, почерпнутые в основном из местных газет и английских радиопередач. Когда же мы вынуждены были прерывать свои дискуссии по независящим от нас причинам, мистер Усэма извинялся, что он много говорил, что это его недостаток, что мы продолжим нашу дискуссию в другой раз, и он внимательно выслушает меня. Но в другой раз было то же самое: он говорил, я слушал. Я, конечно прощал ему его небольшую слабость, но добавлял:

- Я не со всем согласен. У меня по некоторым вопросам другое мнение.

- Завтра мистер Васили, я буду только слушать, - заверял меня мистер Усэма.

Однажды я все-таки не выдержал и вежливо заметил:

Мистер Усэма, наверное, боится советской пропаганды?

Почему? - удивился он.

Не хочет выслушать меня. У нас получается не дискуссия, а лекции мистера Усэмы. Но я не боюсь пропаганды.

Мистер Усэма засмеялся и ничего не ответил.

Неоднократно возникал разговор о религии. И каждый раз я больше слушал, чем говорил.

Если до приезда Юры я сожалел, что образованный и умный мистер Усэма безнадежно отравлен религией, то теперь, с помощью Юры, с удивлением обнаружил, что мистер Усэма сожалеет, что я не верю в бога. Он как-то прямо сказал, что если бы я знал арабскую грамоту и прочитал Коран, то поверил бы, что Аллах есть.

- Дай мне Коран в английском переводе, - предложил я.

- Нельзя, Коран нужно читать только на арабском языке. Перевод Корана - это как обед без соли.

Юра добросовестно переводил мне все, что говорил мистер Усэма и другие офицеры. Передо мной открывалась своеобразная жизнь египтян, их нравы и традиции.

Жаль, что переводчик появился у меня поздновато.

Глава 4. Встреча в пустыне.

По служебным делам раз в месяц мне приходилось выезжать в Гордэгу, что в 165 километрах к югу от Рас-Гариба.

Обычно накануне мой северный сосед советник Мокроус, или как его называли арабы, мистер Макариос, звонил по телефону и предупреждал о своем приезде. В Рас-Гарибе он со своими советниками ночевал в гостинице, а рано утром я приезжал к ним, и мы вместе ехали дальше.

Так было и 14 марта 1971 года. На востоке небо чуть посветлело, и мы выехали на двух машинах ГАЗ-69. Ровная, однообразная дорога, шум мотора нагоняли сон. Да и ночью спали мало. Примостившись поудобнее, надвинув темные очки от встававшего солнца и от бликов залива, мы дремали. Иногда на выбоинах нас подбрасывало. Недовольно ворча, поправляем очки и снова склоняемся в дреме. Примерно на полпути, там, где горы наиболее близко подходят к заливу, а дорога вьется среди рассыпанных черных камней, после очередного толчка я сонными глазами глянул в окно и удивился. Мне показалось, что камни вдруг двинулись нам навстречу, да еще с какими-то белыми хлопьями.

Что это? - спросил я, протирая глаза. Оказалось, что мои спутники с недоумением смотрят в окно.

Да это аисты! - воскликнул кто-то. - Остановите машину!

На первой машине тоже заметили аистов, и она стала притормаживать. Когда вышли из машины, холодный ветер и то, что мы увидели, окончательно прогнали остатки сна. По обе стороны дороги, растянувшись от горизонта до горизонта, двумя колоннами шли аисты.

Сильный северный ветер прижал аистов к земле, и они шли по камням, сгорбившись от холода и усталости. Иногда порывы ветра шатали колонны в стороны, некоторые аисты подпрыгивали, взмахивали крыльями и снова опускались на камни.

В полной тишине, в плотном строю аисты шли по безжизненной пустыне на север, в родные края. Только шорох тысяч ног доносился к нам, на дорогу. Нас разделяли каких-нибудь двадцать

Наблюдательный пункт на мечети. Порт-Саид.

метров. Я хлопнул в ладоши, на меня недовольно зашикали товарищи, но аисты не обратили на это никакого внимания. Они продолжали невозмутимо идти к своей цели, сберегая силы для долгого и трудного пути. Мы долго стояли и смотрели на это трагическое и героическое шествие. И невольно думали о той могучей силе, что ведет этих мирных птиц на преодоление огромных трудностей из года в год, из века в век.

Глядя на аистов, мы вспомнили места, где они найдут родные гнезда, пищу и отдых.

Все продрогли от ветра и уселись в машины, а аисты шли и шли. Сна как не бывало. Всю дорогу мы говорили об аистах, о себе, о родных местах. Мне же пришлось оправдываться за легкомысленные хлопки.

Глава 5. Дела военные

Когда Ахмед Газуля привез меня в полк, там уже все было готово к боевым действиям. И командный пункт, и материальная часть, и инженерное оборудование позиций оказались в хорошем состоянии, с чем я и поздравил мистера Усэму.

Мистер Усэма поблагодарил меня, но особого удовлетворения от похвалы я в нем не заметил. Только через несколько дней, после того как я проверил все батареи и еще раз выразил свое удовольствие, мистер Усэма с обидой сказал:

Меня командир бригады ругать.

- За что?

- Долго ехал сюда польк.

- Сколько дней?

- Десять днея.

- Да, многовато, - ответил я.

Почему много ваты? - удивился он.

Не ваты, дней много, - поправил я.

- А как можно меньше. Ти знай, сколько машин?

- Знаю.

Давай считать, мистер Усэма взял лист бумаги, смотри здесь. Больших машин столько, пушек, приборов столько, снарядов столько. Машины могут столько тонн, нужно столько. Сколько километров? Надо пить, кушать надо? Надо. Бензин, соляр, надо? Надо. Машин мало? Мало. Понимаешь ты?

Понимаю.

- Смотри сам, - мистер Усэма подал мне лист, исписанный цифрами. Это был умелый и грамотный расчет. Было учтено все: и грузоподъемность машин, и вес всех грузов, и их объем, и личный состав, и количество рейсов, и очередность доставки грузов, и время на прием пищи и отдыха водителей, и время погрузки и разгрузки машин.

После изучения всех расчетов я убедился в правоте мистера Усэмы. А если учесть мастерство водителей, то с перемещением полка мистер Усэма справился успешно, хотя десять дней для пе-

ремещения полка на 300 километров очень, очень много, если не знать и не учитывать его возможностей. Я, как мог, успокоил мистера Усэму, пообещав поговорить с командиром бригады.

Через несколько дней такой разговор состоялся. Действительно, командир бригады был недоволен мистером Усэмой, но когда я привел ему расчеты, несколько смягчился.

Место, где занял боевой порядок полк, представляло собой почти ровный участок пустыни с тонким слоем сыпучего песка. Грунт - тот же песок и гравий, спрессованный в плотную массу, рассыпавшуюся от ударов кирок и лопат. В таком грунте копать окопы нетрудно, и солдаты постарались. Быстро вырыли окопы глубиной до 1,5 метра, разбросали песок, стенки выложили мешками с песком и облили цементным раствором. Закопались, как говорится, с головой. В таком окопе может поразить только прямое попадание. В секторах для стрельбы по наземным целям сделали углубление, а в других местах уложили мешки так, что при нужде их легко можно сбросить.

Оборудовали землянки, ходы сообщения, погребки для боеприпасов. И нигде никаких брустверов. Брустверы в условиях пустыни не нужны. Во-первых, они демаскируют окопы, создавая вокруг них как бы рамку, во-вторых, постоянно осыпаются. Без брустверов окопы трудно заметить даже с близкого расстояния.

Началась обычная полковая жизнь на позициях: дежурства, занятия, тренировки, учения.

Поскольку полк выполнял боевую задачу, нам разрешили проводить тактико-строевые занятия побатарейно.

По графику снимали очередную батарею и ставили задачу занять запасную позицию, что находилась километрах в пяти севернее Рас-Гариба. Во время марша я давал вводные о внезапном нападении авиации, танков, о применении противником отравляющих веществ.

Помню, что батарея, которая первой была выведена на занятия, все делала правильно, но, как говорится все наоборот.

Так, при нападении танков, которые имитировал на ГАЗ-69 посланный мною переводчик, машины с пушками повернули навстречу и стали сближаться. В результате не успели привести орудия в боевое положение и «танки» их смяли. То же самое получилось при «налете авиации».

Для дегазации техники машины поставили радиаторами не против ветра, а по ветру и так далее.

Пришлось повторять. А ведь перед этим я провел с офицерами занятия. На большом листе бумаги составил схему действий батареи на различных этапах и был уверен, что меня поняли. В общем-то поняли, но ума не приложу, почему все делалось наоборот. Может, сказалось то, что я по схеме делал пояснения как бы справа налево, а мои друзья делали записи слева направо?

8 Зак. 67к

Трудно сказать. С другими батареями дело пошло лучше, потому что на занятиях присутствовали почти все офицеры и солдаты. Но если главные вопросы решались довольно усердно и настойчиво, то на «мелкие» почти не обращали внимания.

Месяца два я доказывал и убеждал, что машины-тягачи должны иметь шплинты, которыми стопорится крюк после сцепления с орудием. Со мной соглашались, обещали сделать, но то проволоки не было или хотя бы подходящего гвоздя, то еще чего-нибудь. Помог случай. На одном из занятий отцепилась пушка, подготовленная к стрельбе с хода. К счастью, ни солдаты, ни орудие не пострадали. Я, признаться, обрадовался этому случаю. Собрал всех офицеров и долго втолковывал о возможных последствиях, отцепись пушка на большой скорости. Дня через три все тягачи имели шплинты. Долго после этого, когда я, даже случайно, подходил к машине, водитель обязательно показывал шплинт.

Кюлю тамам, мистер Василий. Ана шлятер? Все в порядке, мистер Василий. Я молодец?

- Куаис, куаис. Инта шлятер. - Хорошо, хорошо. Ты молодец, - отвечал я.

Очень мешали работе сильные ветры. Точнее, не ветры, а пыль и песок.Словно градом, сечет лицо крупными песчинками, пыль забивает глаза, рот, уши. Дышать становится нечем, потное тело чешется, но помыться негде. Да и смысла в этом нет, так как спрятаться от пыли невозможно. В мэльге она висит, словно дым. Жизнь на батареях замирает. Только наблюдатели в капюшонах, как суслики из нор, торчат из своих окопов. Пища тоже обильно приправлена песком. Приходится жидкое есть только сверху, густое - снизу.

Однажды я предложил мистеру Усэме сделать на песке макет местности. Он охотно согласился, но спросил:

Кто будет делать?

-Я буду делать с мистером Юрием. Только выдели мне в помощь четырех солдат.

Можно. Солдат у нас много. Я приказ восемь солдат, один сержант и один офицер.

Отлично, - согласился я. Через два дня карта будет готова. Потом из жести вырежем условные знаки, будем проводить занятия по тактике.

- Это хороший идея, - одобрил мое предложение мистер Усэма, и работа закипела.

Макет местности мы сделали дней за десять, да еще столько же понадобилось, чтобы вырезать условные знаки пехоты, танков, авиации. Задержка получилась не из-за недостатка материала. Песок не нужно было искать.Просто я отошел метров на двадцать от мэльги мистера Усэмы и шагами отмерил нужный участок. По углам положил большие черные камни и палкой прочертил между

ними границы. Осталось собрать в изобилии валявшиеся кругом белые, черные и красные камни и уложить по контуру. Красные камни изображали канал, белые - города, черные - дороги. Карта получилась на славу, хотя и сделана была с большими потугами. Приезжали представители из Каира, крепко жали мне руку, но занятий на ней провести не удавалось - полк ушел в Каир. Осталось довольствоваться тем, что солдаты, работавшие со мной, изучали часть своей Родины, узнали города и дороги к востоку от канала. Да еще тем, что по инициативе командира первой батареи мистера Абдельазиза в батарее сделали подобный макет, только меньших размеров, и командир батареи проводил на нем занятия с сержантами. Остальные батареи ограничились горячей поддержкой и большим желанием сделать у себя то же самое.

В этот период в полку произошли важные изменения. Мистер Усэма получил звание «муккаддем» - подполковник, что повысило его авторитет не только в глазах подчиненных, но и в собственых. В другой полк ушел по неизвестным для меня причинам способный офицер накиб (капитан) Абдельазиз Гама. Перевели с повышением накиба Аделя Ширази, лучшего командира батареи. В 24 года он стал начальником штаба полка. Очень симпатичный, а главное грамотный и смелый офицер. Такие, как накиб Адель Ширази надежда и будущее египетской армии. Уехал еще один опытный командир батареи. Начальником штаба стал накыб Фавзи Саид, его на должности начальника тыла сменил командир батареи старший лейтенант Ибрагим Хоррас. Командирами батареи стали молодые лейтенанты, правда, успевшие повоевать, но не набравшиеся опыта в командовании батареями. А пополнения офицеров не было. В батареях осталось по одному-два офицера. В таких условиях нам стало известно, что на 2 июля намечены учебно-боевые стрельбы на полигоне в Гардэге. Оставалось примерно неделя, и полк стал готовиться к стрельбам. Проверялась техника, ремонтировали автотранспорт. По плану каждой батарее отводился один день на перемещение и один день на стрельбы. Наши батареи должны были стрелять по четным числам. Но вдруг поступил приказ: стрельбы переносились на 6 июля. Это всех обрадовало, так как отведенного времени на подготовку, как всегда, не хватало. Как показало будущее, не хватило и дополнительных дней. Накануне выезда мистер Усэма собрал командиров батарей и подробно изложил план марша в Гордэгу. Выезд наметили на пять часов утра 5 июля 1971 года.

В три часа ночи к моей мэльге подошел тягач, и мы с Юрой в полнейшей темноте быстро собрали подготовленные с вечера вещи и уселись в кабину. Через несколько минут мы были на батарее. Натуженно гудя моторами и ярко светя фарами, машины с пушками медленно выходили на асфальт и вытягивались в колонну.

Подсвечивая фонариком, я пошел проверять готовность батареи к маршу.

Бог мой, чему я научил офицеров и солдат! Ни один поезд не был готов к длинному пути. Все гремело, болталось и стучало. На крюках некоторых машин не было шплинтов. Прямо-таки печальное зрелище представляла кухня, которую на учения ни разу не выводили. Мало того, что она была грязной снаружи и внутри. Стучали крышки котлов и ящиков, гремели в котлах кастрюли, тарелки, бачки и половники. Пришлось водить вдоль колонны начальника штаба, начальника тыла и командира батареи.

- Сами не спите и противнику на том берегу залива не даете, выговаривал я им. - Там, наверное, тревогу объявили из-за нашей кухни.

Офицеры сердились, плевались и кричали на солдат. Колонна тронулась при ярком свете взошедшего солнца и сразу взяла хороший темп, превышающий нормативы примерно в два раза. Мне с Юрой пришлось ехать в середине колонны, скорее в роли пассажира, чем в роли советника. Мои попытки заставить хоть своего шофера ехать медленней ни к чему не привели. Он мотал головой и на мои доводы отвечал:

Мущ мумкен. Нельзя. Калабудж. Арест, тюрьма, - при этом бросал руль и складывал руки так, будто на них уже наручники.

Столь красноречивый жест охлаждал мой пыл и возмущение. Я оглянулся назад и не увидел второй половины батареи. Только пушка за нашей машиной виляла задом на всю ширину дороги. Примерно через час такой гонки головная машина остановилась.

Я пошел в голову колонны к мистеру Ибрагиму Хоррасу, назначенному старшим.

Ты назад оглядываешься? - спросил я его как можно спокойней. Половину батареи потерял.

- Ле? Почему? Сува аэриз тари, водители знают дорогу, - ответил он.

- Но ведь это же батарея. Она должна идти в одной колонне.

Действительно, не прошло и часа, как отсавшие машины подошли. Оказалось, что две машины заглохли вскоре после начала движения, а остальные стали помогать. Я напомнил мистеру Ибрагиму о порядке вождения колонн и предупредил, чтобы скорость не превышала 40 километров в час.

- Тамам, порядок, мистер Василий, - ответил мистер Ибрагим и начался второй этап гонки. Когда на горизонте показалась Гордага, головная машина остановилась снова. Я опять подошел к мистеру Ибрагиму.

Куда ты так спешишь? - спросил я его.

Мы поздно выехали. Это нехорошо.

Действительно нехорошо. Но если ты придешь на полигон один, тоже будет нехорошо.

Мы подождем все машины, и вся батарея будет вместе.

- Это будет правильно,- вздохнул я с облегчением.

На этот раз долго ждать не пришлось. Все машины на большой скорости подошли и пристроились в хвост колонны.

Я прошел вдоль колонны, проверил крепления, ступицы колес. Заставил слезть с кузовов командиров орудий и со мной осматривать технику.

- Можно ехать, - сказал я мистеру Ибрагиму, вернувшись в голову колонны.

- Нельзя, мистер Василий.

- Почему?

- Сейчас будем пить чай.

К нам с подносом шел солдат с горячим чаем в стаканах.

- Но мы поздно выехали. У нас нет времени, - напомнил я мистеру Ибрагиму. - Ехать осталось совсем немного. Вот она, Гордага!

Мы быстро ехали. Теперь у нас есть время пить чай. Рано приехать в Гордагу нехорошо.

Я посмотрел вокруг. Солдаты оживленно разговаривая, расстилали в тени машин одеяла, раскладывали лепешки, копались в сумках.

Солдат с подносом терпеливо ждал. Ждали и офицеры. Я молча взял стакан и сел в холодке под кузов машины.

После чая был перекур, после перекура снова чай. К двум часам дня батарея пришла на полигон. Было время обеда, но обедать не пришлось. Примерно в километре от полигона нам встретилась полоса сыпучего песка метров 300 шириной, и почти все машины забуксовали.

Только вечером батарея заняла свое место и подготовилась к стрельбе. Расстроенный, я с Юрой уехал ночевать в Гордагу. Там, на берегу Красного моря, в легких двухэтажных гостиницах жили наши советники.

Горячий ветер пустыни сменился не столь горячим морским ветром. Главное, не было духоты. Ветер к ночи стих, и я устроился ночевать на балконе второго этажа. В одних трусах я лежал на койке и смотрел в звездное небо. Только начал дремать, как вдруг над ухом нудно зазвенел москит, потом еще и еще. Пришлось укрыться простыней. Тело сразу покрылось потом. Сон пропал. Выкурив за ночь пачку сигарет, утром уехал на полигон. Там меня ожидала неприятность. Все пушки при вращении дергались и дрожали как в лихорадке. Первый признак неисправности ПУАЗО и ЦРЯ.

Молодой инженер в поте лица, в буквальном и переносном смысле, старался найти неисправность, но это ему удалось не скоро. Уже появились самолеты, когда батарея смогла начать тренировку.

На другой день утром на полигон приехал мистер Усэма. Я рассказал ему, как проходил марш.

- При такой скорости на марше не только приборы выйдут из строя, но и колеса у пушек отвалятся. Когда машина буксует на песке, она трясется так, словно ее специально поставили на виб-

ратор для испытания на прочность, - убеждал я мистера Усэму. Нельзя так с техникой обращаться.

Я накажу командира батареи, - успокоил меня мистер Усема.

Если другие батареи не будут после этого выполнять правила марша, то нужно наказать командира батареи. Толко я не уверен, что наказание поможет. Командиров батарей нужно учить, как совершать марш. Учить практически.

Я приказ. Другой батарея будет хорошо, перешел мистер Усэма на русский язык.

Но дело было не в наказании и не в приказе. Даже не в занятиях. И занятий, и технической литературы и наставлений всего этого было вполне достаточно.

Главная беда заключалась в недооценке технических требований по эксплуатации техники и присущей арабам беспечности. Они на технику смотрят, как на что-то вечное, и обращаются с ней соответственно. Если же техника ломается, значит, по их мнению, плохая техника.

Но нужно отдать должное арабам в одном. Если техника выходила из строя по халатности или небрежности, то виновный производил ремонт за свой счет. Это относится и к солдатам, и к офицерам в равной степени.

Если солдат разобьет стекло, сломает ключ и так далее, то ему приходилось порой отдавать последние пиастры. Но если изо дня в день медленно, но верно машина выводилась из строя из-за неправильного ухода и технического обслуживания, за это ни с кого не спрашивали. Низкая техническая культура - вот основная причина небрежного отношения к технике. А если брать шире, то отсталость страны. Но было бы несправедливо не сказать, что в последние годы много делается, чтобы вековую отсталость ликвидировать в короткие сроки.

Отстрелялась батарея хорошо и ушла. Другая батарея пришла в тот же день вечером. Не знаю, как она совершала марш, но ПУАЗО тоже оказалось неисправным. Неисправность устранить не удалось, и мистер Усэма принял решение срочно вызвать ПУАЗО первой батареи, уже проверенное стрельбой. Но и это ПУАЗО пришло неисправным. Видно, очень спешили. Провозились с двумя ПУАЗО несколько дней и вынуждены были вызвать третью батарею, которая и отстрелялась благополучно. Во время смен батарей у меня оказалось свободное время, которое я с Юрой проводил в основном на море и за шахматной доской. За многие месяцы жизни в пустыне это был словно подарок. Хотя бытовые условия были не очень хороши, пресная вода бывала только утром, пищу готовили сами. Были и другие неудобства. Но все это компенсировало море и морской свежий ветер. По ночам дул несильный ветер, отгонявший москитов. Разгоряченное тело так нежно овевалось со всех сторон, словно его окутывали легкой прохладной тканью.

А вскоре после стрельб у меня с мистером Усэмой произошел разговор, имевший хорошие последствия как для мистера Усэмы, так и для всего полка.

- Надо война, мистер Василий, - сказал мистер Усэма, просматривая газеты.

- Почему мистер Усэма вдруг заговорил об этом? - поинтересовался я.

- Если так будет долго, мы забудем, что Синай наша земля. Надо война, - повторил он.

- Значит, надо перейти канал? - спросил я.

- Да, надо наступать.

После некоторого раздумья я осторожно заметил:

Но вы не готовы наступать.

- Сколько можно говорить? Мы четыре год готовить? Это мало? - в голосе у мистера Усэмы явно слышалась досада.

- Я не говорю за всю египетскую армию. Я имею в виду наш полк. А полк не готов.

Почему не готов? Мой польк отличный, не без гордости ответил мистер Усэма. - Это лучший польк в округе.

- Хороший полк, не спорю, но к наступлению не готов, - гнул я свое.

- Нужны факты, мистер Василий.

- Пожалуйста, факты. Тягачей мало, а без них мы не двинемся с места.

- Машины дадут.

- Это будет хорошо. Но водители не подготовлены.

- Это правильно. Нужна тренировка.

Тренировка нужна всем солдатам. Сколько времени, например, нужно батарее для смены позиции?

- Два часа.

- К сожалению, это много, если учесть, что до запасной позиции всего пять километров. Я считаю, что позицию можно сменить за час и даже меньше.

- Это невозможно.

- Это возможно. Я могу доказать.

- Хорошо. Что для этого нужно делать? - не без труда согласился мистер Усэма.

- Лист бумаги и карандаш.

Мистер Усэма с недоверием посмотрел на меня и вынул из папки бумагу.

- Сделай, пожалуйста, расчет времени на перемещение батареи. Через несколько минут мистер Усэма с довольным видом протянул мне свои расчеты. Действительно, по его расчетам батарее на смену позиции нужно было два часа. Я без труда нашел уязвимые места, но мне хотелось, чтобы мистер Усэма понял свои ошибки, и я стал давать ему наводящие вопросы:

Водители далеко от машин живут?

Вместе с машинами.

- Сколько времени нужно на заводку машины?

- Одна минута.

До батареи два километра. Сколько времени нужно, чтобы машина пришла на батарею?

3-4 минуты.

- Зачем ты даешь 15 минут?

Водителям нужно отдать приказ, машины проверить.

- А ты отдай приказ и проверь машины сегодня, а действовать они будут завтра. И так каждый день. Это можно?

Можно.

Дальше. Время подготовки батареи к маршу ты прибавляешь к времени машин. Можно делать лучше. Телефон к машинам проведен?

- Да.

- Давай сигнал одновременно и машинам, и на батарею. Пока машины идут, батарея готовится к маршу. Это сбережет нам время. Это можно?

Можно.

Так пункт за пунктом выбрасывал я минуты, а когда сложил, осталось час пять минут.

- Согласен, мистер Усэма? - спросил я.

На бумаге согласен. Надо практик.

- Хорошо. Проведем учение с батареей. На одну батарею хороших машин хватит. Пригласи на учения офицеров штаба и батарей. Пусть видят, что будет хорошо и что плохо.

- Я приказ, - ответил мистер Усэма на мои предложения.

Надо отметить, что в разговоре с мистером Усэмой и другими арабами, хоть немного знавшими русский язык, приходилось сознательно упрощать свою речь, избегать синонимов, а порой искажать слова, так как некоторые из них в другом падеже или лице становились непонятными. Так «многовато» превратилось в « много ваты» и тому подобное.

Для первого учения выбрали первую батарею. Договорились, что я выеду на батарею и там проведу занятия на песке, то есть расскажу, в какой последовательности что делать, и на песке с помощью разноцветных камней изображу графически ход учения по этапам. А еще через день проведем показное учение.

Занятия, на мой взгляд, прошли успешно. Но мистер Усэма после занятий сказал, что учений проводить нельзя.

Мы прикрываем объект. Если налетит авиация, а батареи не будет. Это нехорошо.

А если не будем учить, то полк не сможет наступать. А ты говоришь, нада война, - в тон ответил я. - Сам-то ты понимаешь, что нужно провести учения?

- Понимай.

- Тогда звони командиру бригады. Я надеюсь, он тоже поймет.

Не знаю, звонил ли мистер Усэма или нет, но через несколько дней сообщил, что учения проводить можно.

Учения начались успешно. Расчет мой подтверждался на практике. Но с СПО вышла заминка. Подошедший ЗИЛ-157 не мог вытащить ее из глубокого окопа. Колеса буксовали в песке. А причина была простой. Во время работы СПО вибрация от мотора загоняла колеса в песок все глубже. Аппарель была крутой и тоже песчаной. ЗИЛ задними колесами находился в аппарели и тянул не только СПО, но и себя в гору, а троса для буксирования не оказалось. Подогнали второй тягач, но и это не помогло. Только когда принесли от орудия, уже стоявшего на шоссе, трос, СПО вытащили из окопа. Провозились с СПО ровно час, и все мои расчеты рухнули.

Мистер Усэма торжествовал.

- Это практик.

Да, это практик, - согласился я, - столько камней валяется кругом, а уложить их на дно окопа и на аппарель некому. Наверное, потому, что это нужно делать практически.

Я не стал напоминать мистеру Усэме, что и про окопы, и про тросы уже много раз говорил ему и командирам батарей. Я щадил его самолюбие и не хотел, чтобы он тут же наказал командира батареи. А самолюбия у мистера Усэмы было несколько больше нормы.

Он понял. Собрал командиров батарей и что-то быстро (чтобы я не понял) и сердито стал им говорить. Но я все понял несколько позже. Во всех батареях, там, где нужно, были уложены камни, появились тросы.

Вскоре мистер Усэма убедился, что все батареи могут за час сменить позицию и подготовиться к стрельбе.

- Я думал, что польк отличный. Это было неправильно. Теперь польк отличный. Это правильно? - говорил он мне.

- Хороший полк, - стоял я на своем. И видя, что это обижает мистера Усэму, добавлял: Вот если еще устраним недостатки, тогда будет отличный полк.

При этом я перечислил недостатки.

- Это невозможно. Ти хочешь, как у вас. У меня нет всего, что у вас.

Но к этому надо стремиться, убеждал я мистера Усэму. Надо еще много работать.

- Я много работай. Ти знаешь это.

Что и говорить, любит мистер Усэма прихвастнуть, любит быть впереди, любит чтобы его хвалили. Переживает за недостатки и упреки. Но мне это не мешало, а помогало. Только всегда нужно было быть настороже и не перейти невидимую грань, за которой начинаются обиды, недоверие и отчужденность. И при всем этом

говорить.не всегда приятную правду. Но если друг не скажет правду, то кто ее скажет?

Ради дела приходилось выбирать выражения, место и время, чтобы сохранить дружеские отношения и убедить офицеров в своей правоте. Учения с батареями проходили успешно. Меня радовало то, что и офицеры, и солдаты с большим желанием и интересом выполняли все мои советы и требования. Кроме того учения вносили разнообразие в монотонную окопную жизнь.

Иногда делали, как говорится, «все правильно, но наоборот». Живо выслушивали мои замечания и с готовностью повторяли неудавшийся маневр. Обычно подобные учения с остановками, вводными, повторениями занимали 3-4 часа. Это немного, но... жара. Жалко было смотреть на солдат в противогазах, в накидках, когда и так пот заливал глаза, пересыхало горло. Но так было нужно, и все понимали это.

Зато и я получил большое удовлетворение, когда полк совершал марши на несколько сот километров без происшествий и точно по рассчитанному графику. Я выразил по этому случаю свое одобрение, и мистер Усэма буквально расцвел в улыбке. Я напомнил ему марш батареи в Гордагу.

- Это был хороший урок, - ответил мистер Усэма. Ответ прозвучал искренне. Заслуги мистера Усэмы и двух командиров батарей были отмечены орденами «За храбрость» I-й степени. Ордена вручал президент Анвар Садат в Каире.

Но это приятное событие случилось несколько позднее, когда мы были в Порт-Саиде.

Хамду лиллах!

Написал письмо недавно
Я в родимые края,
Что живу здесь очень славно,
И вообще, хамду лиллах!
Что здесь солнце греет жарко
В темно-синих небесах,
Нет «Московской», нету «Старки»,
В остальном - хамду лиллах!
Что закуски нет в помине -
Не готовит их таббах. [2]
Скучновато жить в пустыне,
Впрочем, все хамду лиллах!
Что нас «Фантомы» бомбили,
Громко ахала земля.
Но мы это пережили.
Потому - хамду лиллах!
Что мечтаем поминутно
О родных своих краях.
Ветерок бы нам попутный
И домой! Ин-ша Аллах! [3]

---

[1] Хамду лиллах - слава Аллаху
[2] Таббах - повар
[3] Ин-ша Аллах - даст Бог

Глава 6. Автомобиль или вертолет?

Вечером 3 августа мы с Юрой, как обычно, до захода солнца слушали радио. Прослушав последние известия, вошли в мэльгу, разделись и стали ждать Ахмеда Фергали с ужином.

Уже больше года нахожусь в полку, но никак не могу привыкнуть к позднему ужину между 22 и 24 часами. Иногда вообще ожидание ужина было напрасным. То ли его не готовили, то ли забывали приносить, выяснить было трудно.

Вот и в этот вечер мы гадали:

- Будем ли ужинать?

Я решил позвонить в столовую. Как ни скуден ужин, а все же он нужен. К моему удивлению, у телефона оказался мистер Усэма.

- Мистер Васили? Польк тревога. Самолеты Израиль.

- Где ты находишься?

- Я КП.

Иду.

Через несколько минут мы с Юрой были на КП. На планшете я увидел изломанную линию - курс вертолета. След тянулся из пустыни через горный хребет к морю. Ближайшая точка от нашего КП находилась в девяти километрах. Другая, короткая линия обозначала курс самолета. Судя по отметке, самолет появился и исчез внезапно, находясь в поле видимости не более десятка километров. Я сел на низкое кресло, стоявшее между столом и планшетом. Это было обычное мое место на КП. Здесь было удобно наблюдать за работой планшетистов и в то же время я никому не мешал.

Какие распоряжения сделал мистер Усэма? - спросил я у переводчика, стоявшего за спиной командира полка.

- Я доложил в бригаду и командиру сектора. Командир сектора объявил тревогу и выслал бронетранспортеры сюда.

Мистер Усэма указкой показал точку, где оканчивался у самого берега курс вертолета.

Я думаю, продолжал мистер Усэма, что геликоптер сел здесь, чтобы высадить или забрать своих разведчиков.

- Есть ли сообщения из сектора или от пограничников? Видели они вертолет или самолет?

- Сообщения пока нет. Два офицера видели самолет.

Наши офицеры?

- Нет, офицеры сектора.

- На какой высоте летели вертолет или самолет?

- Очень маленькая высота. Не больше 100 метров.

Для самолета ночью в горной местности это очень опасная высота. Нет ли ошибки? - усомнился я.

- Офицеры подтверждают. Они сказали, что видели что-то блестящее, пролетало у них над головой.

Я задумался. Появление вертолета у меня не вызывало сомнений. Но вот самолет - дело другое. Вызывали сомнение не только малая высота, но и то, что самолет можно было увидеть. На этот счет у меня уже был опыт. Много раз в ночное время я слышал близкий гул «Фантома», но только один-единственный раз я видел его силуэт, мелькнувший над головой черной тенью. Это было недалеко от Суэца, где местность ровная, как степи Казахстана. «Фантом» действительно мелькнул, но не блестящий, а черный. Его видели десятки людей, находившихся рядом со мной. А тут из сотен людей видели что-то «блестящее» только двое, и никто не слышал гул моторов. Я напомнил мистеру Усэме, как мы с ним вместе ночами пытались увидеть самолет, и высказал ему свои сомнения.

Мистер Усэма согласился с моими доводами, но закончил неожиданно:

- Я верю офицерам.

Я не стал с ним спорить, но посоветовал искать новых подтверждений своего предположения.

К утру поступило сообщение от коменданта сектора. Ни бронетранспортеры, ни пограничники, ни посты наблюдения не обнаружили следов вертолета. Никаких данных о пролете вертолета нет.

Но это нисколько не поколебало уверенности мистера Усэмы в том, что вертолет был.

- Все радары видели вертолет, значит, вертолет пролетел, - убежденный в своей правоте, говорил мистер Усэма. Не могут все командиры батарей ошибаться.

Это был, конечно, веский довод в пользу мистера Усэмы, и я полностью согласился с ним.

Но червь сомнения все же шевельнулся. Как могло случиться, что десятки наблюдателей не услышали шума мотора вертолета, в тихую ночь пролетевшего полсотни километров на малой высоте? Вертолет своим шумом способен разбудить даже самого большого любителя поспать. Курс вертолета пролегал по тем самым местам, где постоянно на верблюдах курсируют пограничники, на вершинах холмов стоят посты наблюдения, день и ночь работают нефтя-

ные вышки под специальной охраной. У нас, кроме докладов командиров батарей, доказательств о пролете самолета и вертолета нет. Значит, нужно иметь эти доказательства или признать, что все это нам померещилось.

- Мистер Усэма, потребуй от командиров батарей схемы пролетов самолета и вертолета, - предложил я. - И все параметры высоту, азимут каждой точки засечки, угол места. Мы сравним их данные и уточним курс самолета или вертолета. Наложим этот курс на карту и днем посмотрим на местности. Может, найдем новые доказательства.

- Зачем? - недовольно отозвался мистер Усэма. - Я верю своим офицерам.

- Я тоже верю. Но нам нужны доказательства, так как их потребуют старшие начальники.

После некоторого раздумья мистер Усэма отдал необходимые распоряжения.

Перед рассветом мы с Юрой ушли в мэльгу спать. Подул предутренний прохладный ветерок, в мэльге стало легче дышать, и мы быстро уснули. Но поспать долго не пришлось.

Солнце только успело оторваться от земли и приобрести свой обычный цвет раскаленного добела металла, как в дверь постучал Региб, ординарец мистера Усэмы.

- Мистер Васили, мистер Усэма, - понял я из довольно длинного обращения Региба.

Фейн, где мистер Усэма?

Мэльга.

Куаис, хорошо.

В мэльге мистера Усэмы уже сидели несколько офицеров, знакомых мне по службе. Это был, если можно так выразиться, высший военный совет сектора Рас-Гариб. По лицам офицеров я понял, что решают они весьма важный вопрос, и мистер Усэма, едва мы уселись, подтвердил это:

Мистер Василий, переводил Юра. О вертолете Израиля доложили в Каир. Оттуда требуют новых подтверждений. Это очень серьезно. Если вертолет был, правительство сообщит в ООН. Израиль будет отказываться. Мы должны доказать, что вертолет был. Ты понимаешь, как это серьезно?

Взгляды всех присутствующих обратились ко мне. Под этими взглядами я, как никогда до этого, почувствовал всю ответственность за свои слова и действия. Речь идет не о моем личном авторитете, а о гораздо большем. Вряд ли офицеры в этот момент думали обо мне. Они видели перед собой «руси» - русского советского офицера и ждали ответа. Ошибки не должно быть.

Мистер Усэма воспользовался паузой и добавил:

Мистер Василий, ты имеешь большой опыт. Поэтому будет, как ты скажешь.

- Можно ли посмотреть, что принесли от командиров батарей? - спросил я.

Мистер Усэма молча протянул мне несколько листов бумаги. Сомнений не могло быть. Все радиолокаторы провели одну и ту же цель.

Господа офицеры, начал я. Кроме мистера Усэмы, здесь нет других специалистов, поэтому я постараюсь говорить так, чтобы понятно было всем. Эти схемы, я показал листы бумаги, подтверждают слова мистера Усэмы, что все батареи действительно обнаружили и сопровождали какой-то движущийся предмет. Нам нужно разобраться, был ли это вертолет, или что другое. Нужно иметь в виду, что операторы у нас хоть и хорошие, но недостаточно опытные, и в сложных случаях могут допустить ошибку. Вместо вертолета на экранах индикаторов может появиться отметка от стаи больших птиц, песчаного смерча, грозовых облаков, автомашин, катера или большой лодки. Подробно объяснив возможность ошибки операторов, я разобрал все возможные причины и закончил тем, что наиболее вероятной причиной тревоги является грузовой автомобиль с железным кузовом. Он может дать отметку на индикаторе не меньше, чем вертолет и при этом показать немалую скорость.

Чтобы убедиться в этом окончательно, я предложил немедленно выехать на грузовой автомашине по проложенному курсу, а всем радиолокаторам следить за автомашиной и к ее возвращению представить на КП полка результат наблюдения.

- Попутно нужно искать следы вертолета или тех, кто его видел. Часа через три соберемся снова.

С моим предложением согласились, и вскоре две машины пылили в сторону горного хребта. Впереди на ГАЗ-69 мистер Усэма за рулем, я, Юра и шофер Рефад. Сзади на тягаче типа «Наср» десяток солдат с автоматами. С десяток километров проехали прямо по пустыне без дорог. Когда подъехали к холмам, наткнулись на узкую, всю в трещинах асфальтированную дорогу. Дорога по лощине привела нас к нефтепромыслам. Скважина не работала, людей не оказалось, и мы поехали дальше. Извилистая дорога медленно поднималась вверх. Вскоре выехали на самый гребень и вышли осмотреться и сориентироваться. Мы оказались на гребне застывшей, если так можно выразиться, песчаной волны, протянувшейся от горизонта до горизонта с севера на юг. На востоке отлично просматривался Суэцкий залив и Синайский полуостров, на западе громоздились одна за другой такие же волны, как и та, что находилась под нашими ногами. Волны, как и полагается, разделялись такими же длинными лощинами, по которым кое-где виднелись дороги, нефтяные ручьи и запруды.

На отлогих местах дороги поднимались на гребне плоской волны и извивались, словно черная полоса по спине буланой лошади.

Определив направление, решили ехать по гребню до тех пор, пока это будет возможно.

Вскоре в одном месте дорога привела нас в лощину с буровыми вышками. Подъехали к шлагбауму. Нас встретил полицейский. После недолгой беседы выяснили, что охрана о вертолете данных не имеет. Мимо буровых снова поднялись на гребень и беспрепятственно подъехали почти к самому заливу по отлогому спуску. Сориентировались по карте, нашли свою точку стояния. Оказалось, что наше местонахождение почти совпадает с точкой, где обрывался на карте курс вертолета. Все стало ясно. Вечером по этому маршруту прошла неизвестная автомашина. Я облегченно вздохнул: не попал в орбиту международных отношений. Вздохнул и мистер Усэма, но совсем по другой причине. Обратную дорогу мы молчали. Уже подъезжая к позиции полка, мистер Усэма сказал по-русски:

Плохой я командир. Польк плохой. Оператор плохой.

Я понял его переживания. Да и как было не переживать? Шум поднялся большой, дошел до Каира, а теперь нужно объяснять ошибку. А так хотелось показать себя и свой действительно неплохой полк. Оставалась слабая надежда, что курсы, проложенные на радиолокаторах, не совпадут, но надежда эта лопнула с первым взглядом на кальки, доставленные с батарей. Курс «вертолета» полностью совпадал с нашим маршрутом.

Очень переживал мистер Усэма неудачу. Я, как мог, успокаивал его. Доказывал, что он действовал решительно и совершенно правильно, что операторы действовали отлично, что все батареи действовали согласованно и весь полк действовал (тут я не поскупился на оценку) отлично! Пообещал найти причину ошибки.

Найти ошибку оказалось несложным. Я выехал на батарею, которая первой обнаружила «вертолет». При беглом осмотре обнаружил разбитый уровень для горизонтирования радиолокатора. Вышел наружу и внимательно посмотрел на кабину. Даже на глаз было видно, что кабина имеет наклон, что и дало большую ошибку в определении угла места цели, а следовательно и в определении высоты. Эта ошибочная высота была принята за истинную, несмотря на то, что остальные станции давали точные данные. Так «мелочь» чуть не выросла до международных масштабов. А желание отличиться способствовало этому. Виновные получили бы серьезные наказания, но мне удалось без особого труда оградить их от гнева командира, так как и мы не получили никаких упреков за оплошность.

Глава 7. В Каир!

Прошел почти год как я прибыл на Красное море в район города Рас-Гариба. Нелегким оказался для меня этот год. Четыреста километров от Каира, где в то время жила моя жена, где можно было вволю пить пресную воду из холодильника, в любое время принять душ, спать в чистой постели без мух и мышей и целыми днями говорить по-русски.

Все это так тянуло к себе, что я начал подумывать, как бы переехать в другое место, если не с полком вместе, то хотя бы одному. Срок моего пребывания в АРЕ подходил к концу, а вместе с ним иссякала и моя выдержка.

Самым тяжелым испытанием оказалось испытание одиночеством, чувством заброшенности. Особенно остро это проявлялось в дни недомоганий и песчаных бурь, когда из мэльги не выходил по два-три дня. С прибытием Юры Бутенко стало, конечно, значительно легче. Можно было сколько угодно говорить на родном языке, играть в шахматы, вспоминать былое, поверять друг другу думы, обмениваться мнением и впечатлениями об увиденном и услышанном.

Я часто рассказывал о боевых действиях, они были еще свежи в моей памяти. То ли под впечатлением моих рассказов, то ли от юношеской романтики, только Юра сожалел, что приехал поздновато, не увидел ни взрывов бомб, ни стрельбы зениток по самолетам. Пришлось довольствоваться наблюдениями за стрельбой на полигонах.

Однажды, вернувшись после очередного отдыха в Каире, мы вошли в свою мэльгу, и Юра пластом повалился на койку. Длинная дорога через пустыню выматывала его так, что он потом два дня приходил в себя. У меня еще остались силы покурить и идти к мистеру Усэме узнавать новости.

Но на этот раз новости принес ординарец начальника тыла Сауди, самый веселый солдат в полку.

Несмотря на серьезное ранение в ногу осколком израильской бомбы Сауди всегда улыбался своим широким ртом с белоснеж-

ными зубами. Общительный, всегда готовый помочь любому, кто в этом нуждается, Сауди пользовался большим уважением офицеров и солдат.

Общий смех всегда вызывало его подвижное, выразительное лицо, когда он закрывал глаз двумя черными пальцами, одну сторону рта крепко сжимал, а другую сторону раскрывал так, что видны были зубы. Все узнавали Моше Даяна, каким его обычно изображают карикатуристы в газетах. Сияя улыбкой, словно полумесяц на темном небе, Сауди приложил черный палец к красным губам и сказал:

- Мистер Васили, секрет.

- Секрет?

- Айва, да секрет. Букра, завтра или послезавтра полк едет в Каир. Мистер Фавзи сказал. Вы не говорите, что я вам сказал секрет.

- Спасибо, Сауди. Никому не скажу.

Сауди довольный, что сообщил приятную новость, ушел. Я поспешил в мэльгу к мистеру Усэме. Новость действительно была приятной. Хотелось скорее получить подтверждение. Хотя идти мне нужно было не более 30 метров, несколько встречных солдат, в том числе часовой, охранявший наши мэльги, сообщили мне «секрет» Сауди.

Мистер Усэма встретил меня улыбаясь:

- Мистер Василий, мы едем Каир. Но это большой секрет.

- Мумтаз, отлично! - не удержался я от восклицания.

Нас сменит дивизион 37 мм. зенитных пушек, продолжал мистер Усэма. - Надо ждать 2-3 дня.

Эти два-три дня оставили сомнения. Но вот появился майор, командир дивизиона, и вскоре за ним запылила колонна машин. Только тогда я окончательно поверил, что мои испытания на одиночество в Аравийской пустыне закончились. Тут-то и оказалось, что большой секрет не только всем известен, но и многое сделано, чтобы не задержаться в Рас-Гарибе лишнего часа. Несмотря на некоторые льготы за отдаленность и офицеры, и солдаты были обрадованы новым перемещением. Да еще куда - в самый Каир! Полк поступал в распоряжение командира зенитной дивизии, прикрывавшей Каир.

Я тоже не скрывал своей радости. Но вот уже все готово. Произведен расчет времени, составлен график движения. Я намеривался на марше провести учения, проверить, как выполняются мои рекомендации, но мистер Усэма все мои планы поломал:

- Мистер Васили, - сказал он мне, - нада ехать вперед, в Кайро. Там надо много работать. Новый командир нада доклад! Смотреть помешени, смотреть позици. Нада.

Лязим, надо, согласился я. А что мне оставалось делать? Машины у меня не было, а на тягаче я, в лучшем случае, был бы привязан к одной батарее. Или, по опыту, превратился в простого

Справа налево:
майор Тревогин А.Н.; подполковник Новоземцев В.Г.;
майор Кислов И.А.; полковник Близнюк Г.Г.;
подполковник Стус Н.А; майор Минулин К.Ф.
Водитель Сабок ..
Январь 1972 г. Порт-Саид.

пассажира. Пришлось согласиться с командиром полка и ехать с ним.

Чуть порозовело небо над острыми вершинами Синайского полуострова, мы двинулись в путь, оставив полк на руках начальника штаба мистера Фавзи Хегаг. Это было 26 октября 1971 года.

В тот же день мы с Усэмой прибыли в Каир, а на следующий день с балкона гостиницы, где проживали советники и их семьи, мы с мистером Усэмой наблюдали движение полка, так как маршрут на окраину Каира «Алмаз» проходил рядом с «Мединат Наср» (городок Победы). Надо было видеть лицо мистера Усэмы в этот момент.

Взвод за взводом, размеренно и на одинаковых дистанциях, равномерно следовали мимо нас; не подозревая, что с 8-го этажа за ними наблюдают советник и его гость, командир полка.

Это действительно было внушительным зрелищем. Многие прохожие останавливались и приветливо махали руками воинам.

Возможно, что некоторые видели среди них своих знакомых или родственников. У меня возникло впечатление, что все египтяне знакомы между собой. То ли большая общительность арабов, то ли сознание, что Египет все-таки страна маленькая, но впечатле-

ние всеобщего знакомства египтян друг с другом не проходило.

А может, прохожих привлекала своеобразная красота воинской колонны и они простодушно радовались непредвиденному зрелищу?

Стоя на балконе рядом с Усэмой, я также радовался и невольно вспоминал, каким табором выглядел этот же полк полтора года назад.

Осколок

Осколок я нашел у самого канала*.
Кусочек рваного и ржавого металла.
В него был мирный труд когда-то вложен,
Но вырван для войны, как меч из ножен.
Его ковали где-то в Новом Свете.
В Египте без отца остались дети.

*Канал - имеется в виду Суэцкий.

Египетская застольная.

Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Редко мы ездим в Каир.
Но коль пришлось, то мы выпьем, как водится,
Первую чарку за мир.
Выпьем за тех, кто познал одиночество,
Но не стонал, не вздыхал,
Кто заслужил, чтоб по имени-отчеству
Каждый его называл.
Выпьем за тех, кто совместно с арабами
Был на канале убит,
Кто был отмечен чужими наградами,
Но был своими забыт.
Выпьем за тех, кто в пустыне египетской
Мэльгу назвали жильем.
Кто тосковал о березке под Липецком,
Выпьем и снова нальем.
Выпьем за нашу удачу солдатскую,
Выпьем за то, что живем.
Выпьем за то, чтоб вернуться со славою,
Выпьем и снова нальем.

Другу юности подполковнику в отставке В.В. Лебедеву - участнику войны во Вьетнаме посвящается.

Никто не знал.

А мы с тобой безвестными остались.
Такие были, братец, времена.
Никто не знал, куда мы подевались,
Никто не знал, что где-то шла война.

Никто не знал, не знают и поныне
Про жуткий зной и жгучие пески,
Как в Аравийской огненной пустыне
Страдали мы от жажды и тоски.

Мы защищали кров и жизнь феллаха,
Но не сказал никто спасибо нам.
Никто, за исключением аллаха,
Не знал, как было там, что было там.

А там в песках Суэцкого канала
Все было так, как было на войне.
Моих друзей судьба не миновала,
А помнить их она велела мне.

И помнить буду я до дней последних
О тех, кто жизнь отдал в борьбе.
И пусть «афганец», друг мой и наследник,
Споет об их и о своей судьбе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Служба моя продолжалась. В Каире мы были недолго. Был получен приказ, и 11 ноября 1971 года полк занял боевой порядок на восточной окраине пригорода Порт-Саида. В пригороде, который называется Порт-Фуад, сосредоточены основные портовые сооружения, рядом поселок из аккуратных английских коттеджей, которые занимали англичане, сотрудники компании, управлявшей Суэцким каналом... Это был единственный участок канала, к которому не смогли подойти израильские солдаты. Низкая заболоченная местность с мелкими топкими солеными озерами надежно прикрыла Порт-Фуад с востока от нападения крупных сил противника. Зато низкий песчаный берег Средиземного моря удобен для высадки морского десанта.

Высокий уровень грунтовых вод вынудил нас не копать, как обычно, а насыпать окопы вокруг пушек и приборов. Одна из батарей стояла так близко к морю, что во время шторма ее заливало водой. Окопы размывались, а орудия и приборы потом долго приходилось очищать от песка и сушить.

Штаб полка разместился в здании школы. На ее плоской крыше оборудовали наблюдательный пункт. Еще один НП установили на минарете соседней мечети. Гарнизон Порт-Саида насчитывал примерно 20 тысяч личного состава и большое количество боевой техники. Прибытие нашего полка усиливало противовоздушную оборону города.

Мы с Юрой Бутенко заняли один из домиков на пляже Порт-Саида. В таких же домиках жили еще одиннадцать советников со своими женами. В мирное время домики использовались туристами и отдыхающими. Вскоре и я привез сюда жену, и мы после пустыни и мэльги зажили, как на курорте. Каждое утро мы с переводчиком шли по пустынным улицам оставленного жителями города к каналу. Переправлялись через него на старинном французском пароме на восточный берег и шли в школу на КП полка. Вечером возвращались обратно.

Я уже рассчитывал закончить в этом райском уголке службу в Египте, но не тут-то было. В марте полк побатарейно приступил к

выполнению учебных стрельб на полигоне западнее Каира. Последние месяцы пребывания в стране пирамид запомнились многочисленными поездками из Порт-Саида через Каир на полигон и обратно. В личном плане: воспаление легких, малярия, цинга и присвоение воинского звания «полковник». В то же время мне дали второго переводчика, выпускника Каирского университета Самира. Примерно один месяц я имел двух переводчиков. Знания русского языка у Самира были очень малы, и я попросил Юру позаниматься с ним. У Юры заканчивалась годичная командировка, и он усердно готовил себе замену, но Самир в учебе не проявлял усердия. После отъезда Юры мне пришлось учить переводчика, но толку от этого было мало.

2 июня 1972 года окончился срок моей командировки, но сообщения о замене я не получал. Во время одной из поездок в Каир решился зайти в отдел кадров, в офис. Там мне сказали, что замена немного задерживается, но скоро будет. После этого я еще несколько раз навещал кадровиков, но положение с заменой не прояснялось. Я опасался, что дело затянется, а меня уже давило чемоданное настроение. Но события неожиданно развернулись так стремительно, что осмыслить их пришлось много позже. А произошло следующее. 19 июля я был в Каире. На следующий день рано утром собрался выехать в Порт-Саид. Но приход Яворского смешал все планы.

- Ты не знаешь, зачем всех советников в Каир собирают? - спросил он.

- Впервые слышу. Я завтра еду в Порт-Саид, - ответил я.

- Я тоже хотел уезжать, но говорят, что всех вызывают сюда.

Мы решили поискать кого-либо из начальников. Во всем доме чувствовалась какая-то напряженность. Соседи бегали друг к другу, но никто ничего толком не знал. Похоже, что это был большой секрет, о котором знали все, кроме тех, кого он непосредственно касался. Наткнулись на бывшего шефа - полковника А. И. Белышева. Он подтвердил, что действительно собирают на совещание всех советников, но подробностей или сам не знал, или не хотел рассказывать.

На совещании нам объявили приказ: через три дня быть готовыми к вылету на Родину. На наши недоуменные вопросы, как нам объяснять неожиданный отъезд своим подсоветным и друзьям, ответ был коротким:

Мы выполнили поставленную задачу. И никаких комментариев, а тем более предположений и домыслов.

Первым самолетом должны были вылететь те, у кого окончился срок пребывания в Египте. В тот же день у меня на квартире появился мистер Усэма. Вид у него был обеспокоенный и недоумевающий.

- Ле, почему, мистер Васили? - спрашивал он и повторял:- Ле?

Что я мог ему ответить? Я сам ставил перед собой этот вопрос и не находил ответа. Сумятицу в мысли вносили вновь прибывающие советники. Мы собирали чемоданы, а из Москвы кое-кому прилетела замена. Прибывшие уверяли, что им ничего неизвестно о выводе советников и войск. Да и сам факт их появления вызывал недоверие к происходящим событиям.

- Мистер Васили, - говорил мне мистер Усэма,- нада ехать Порт-Саид, нада кушать, нада сувенир.

По сложившейся традиции, убывающего советника приглашали к накрытому столу. Присутствующие офицеры выступали с добрыми пожеланиями, вручались памятные подарки. Я знал об этой хорошей традиции и подготовил ответное выступление. Но ехать в Порт-Саид было уже некогда. Точное время вылета было неизвестно, и с душевной болью я остался в Каире, не попрощался с боевыми друзьями. Я просил мистера Усэму передать офицерам и солдатам полка мои добрые пожелания.

Орудийный расчет в час молитвы.
Порт-Саид.

«Асдыкаи эль-аэзза! Дорогие друзья!- обращался я к ним,- локад амельту маакум саматээн каэна,- два года я провел с вами, деля трудности и радости, успехи и неудачи. Настал день моего отъезда на Родину. Вдали от вас я буду гордиться нашей дружбой, которая родилась и окрепла в общей борьбе с агрессором. Желаю вам всем хорошего здоровья, успехов в работе и скорейшего освобождения захваченной врагами территории».

Все это я записал русскими буквами и выучил наизусть. До сего дня я чувствую свою вину за тот внезапный и необъяснимый отъезд, хотя какая моя в этом вина? Думаю, что неожиданный вывод советников и войск из Египта был результатом личных амбиций и каприза двух самозванных маршалов, А. Садата и Л. Брежнева. Волевое решение даже наш Генеральный штаб захватило врасплох. Только этим можно объяснить прибытие в Египет новых советников, когда «старые» произносили прощальные тосты.

23 июля - День революции. Мы стоим в строю на аэродромном поле. Заместитель министра обороны Египта вручает нам ордена и благодарит за помощь. Я получил орден «За воинскую доблесть», I степени. После возвращения на Родину мне был вручен орден Красного Знамени.

Я не знаю, как сложилась судьба тех, с кем довелось прожить два непростых года. Возможно, я ошибся в оценке каких-то событий, в характеристике людей. При недостатке информации и языковом барьере это не исключено. Главное все же то, что в моем сердце и памяти сохранились самые добрые чувства к стране пирамид, ее народу.

Алейкум салям! Мир вам!

Вот что писали в те дни египетские газеты.

Воин Усэма Хусейни 33-х лет, женат. Служит на фронте с конца 1969 года. Участвовал во всех боях, которые вела наша ПВО. В течение двух дней подряд позиция воина Усэмы была под бомбежкой огромного количества самолетов «Фантом».

Бомбежка была очень сильной, тем не менее его часть сбила один «Фантом». Но были и некоторые потери. Однако на третий день все пушки на позиции были в полной боевой готовности и личный состав ждал авиацию противника для того, чтобы отомстить за погибших товарищей.

Когда прилетели самолеты противника, они не смогли остаться в небе над позицией, которая превратилась в море огня. Храбрецы смогли сбить еще один «Фантом» и взять летчиков в плен. Остальные самолеты улетели, не выполнив свою задачу.

Он, воин Усэма, рассказал еще о геройстве некоторых храбрецов. Рассказал про воина Исмаила, который стоял на своей позиции под сильной бомбежкой, от которой все вокруг горело. Но он вел огонь до самого последнего момента.

Фотхи, который обнаружил эскадрилью самолетов противника, и его подразделение удачно сбили один «Скайхок».

Если бы было время у воина Усэмы, он бы рассказал об остальных воинах... Они все храбрецы.

Воин Усэма носит на своей груди «Орден храбрости» первого класса.

Газета «Элькаут эль Муссолахи»(«Вооруженные силы»), 3.04.72 г.

* * *

Воин Мухаммед Бехгид Ибрагим. Молодой парень. Ему нет еще 24-х лет. Его история полна смелыми подвигами. С того момента, как он решил выбрать военную службу, и до сих пор, он занял первое место в училище по бегу и первое место в республике по

боксу. Кроме этого он еще представлен к «Ордену боевой подготовки». Я предложил ему рассказать о войне и он рассказал:

«До прекращения огня нам поставили задачу прикрывать одну позицию. В один день утром противник вел воздушную разведку и мы ожидали налет авиации. Не прошло и секунды, как над нами появились четыре самолета «Скайхок» и «Фантом». Мы немедленно открыли по ним огонь и смогли сорвать их задачу. Сбили один самолет и попали еще в два самолета, а четвертый улетел. У нас никаких потерь не было».

Воин Мухаммед Бехид прекратил рассказ. Пошел туда, где готовят обед для воинов, проверил пищу и пошел дальше, к орудиям. Проверял боевую готовность.

Корреспонденты:
Шариф ИССАМРА
Гамаль ИСМАИЛ

Газета «Элькуат эль Муссолахи» («Вооруженные Силы»), 1.05.72 г.

Часовые наших восточных границ

Они противостоят противнику на Красном море у Суэцкого залива. Там 1 000 км, 400 км из них удобны для высадки морского десанта.

Как они после боя в Зафаране защищали этот сектор?

Войска там состоят из:

I. Военно-морских сил,
2. Военно-воздушных сил,
3. Противовоздушной обороны,
4. Командос,
5. Пограничников,
6. Пехоты.

На наших западных границах, которые включают 1 000 км, стоят наши солдаты для защиты этих границ против врага, который хочет наступать на Египет. Этого не было до 1967 года.

До сентября 1969 года были только маленькие пункты, где живут пограничники. Когда противник наступал на Зафарану 9 сентября 1969 года - далеко от фронта канала, мы думали: «Почему противник наступал в этом районе?» Командование знало, почему! Противник хочет отвлечь много наших сил с фронта и захватить новую землю. Он дает нам знать, что он сильный и может стрелять в любом месте, которое выбрал. Противник хочет, чтобы народ Египта считал, что командование Египта не может защищать Родину.

Но наше командование узнало, что противник хочет! Там, где противник наступал, есть 400 км, удобных для высадки морских десантов. Командование решило поставить силы в этом районе для отражения налетов противника и его наступления.

Вода Адена

В результате этого названный район не будет столь удаленным, как был до этого. Сейчас там есть много дорог и вода пришла. Сейчас мы не возим воду из Адена. Мы ожидаем, что во всех районах здесь будут пить воду из Нила до конца 1970 года.

Наши солдаты стоят сейчас на берегу Красного моря. Там есть ПВО, ВВС, ВМС, сухопутные силы, парашютно-десантные войска и пограничники.

Люди Зафараны

В Зафаране я встретил солдат. Это район, который увидел первое наступление противника на Красном море. «Несколько наших солдат погибло на песке»,- сказал командир. Командир, который рассказывает, здоровый и у него смуглое лицо, он среднего роста.

Он участвовал в боях, которые произошли в 1952, 1953, 1954 и в 1956 годах, поэтому у него есть много воспоминаний.

Солдат Хуссейн - сын Асуана начал службу в армии в 1963 году и продолжал службу в этом районе до 1966 года. После этого его перевели в пограничные силы. Потом он уехал на фронт и увидел перестрелки в Расс Эль-эш, где перестрелка продолжалась 33 часа после начала войны. Когда он вернулся в Зафарану в 1969 году, то увидел бой в Зафаране и открыл огонь.

Солдат Абдуллах родился в 1947 году. Он находится здесь полтора года и хочет воевать с противником опять.

У зенитной пушки

Машина пришла на юг в пустыню и остановилась у позиции зенитных пушек. Командир подразделения знает и хорошо командует. Он думает, что египетский солдат лучше всех в мире. Командир и его солдаты смогли сбить первый самолет типа «Фантом» на фронте зенитной артиллерией 5 июля 1970 года.

Однажды противник послал 18 самолетов типа «Фантом» напасть на это подразделение.

Воин Дардирий, который родился в г. Сугаг, начинал службу в армии 12 июня 1965 года. Он участвовал в тридцати боях. Его батарея открыла сильный огонь по ней. Самолеты противника напали на нее со всех направлений, особенно со стороны солнца.

Когда один воин из расчета пушки был ранен, другой солдат занял его место на пушке, и батарея продолжала стрелять.

Дардирий начал молиться, когда ему было 12 лет. Когда я спросил его: «Ты хочешь окончить службу в армии сейчас?», он ответил: «Нет, я буду оставаться здесь до победы».

Воин Абдель-азиз окончил военный факультет в 1968 году. Он

много работает, но столько же много читает, потому что хочет знать: - как противник думает?

Он стрелял 40 раз по противнику, но у него не было больших потерь, были только маленькие потери.

Воскресная молитва

Воин Ламэий Бушра. Ему 23 года. Он начал службу в армии до войны 1967 года. Он христианин и верит в Бога, поэтому он молится до сна, до работы и до приема пищи. Он сидит с товарищами во время воскресной молитвы и слушает ее по радио. Он читает полчаса каждый день Евангелие. Он провел один год на фронте. Он хочет вскоре жениться и говорит, что получает два письма каждую неделю от невесты. Я спросил его: «У тебя есть ее портрет?» Он ответил: «Да, она недалеко от сердца».

Солдат Исмаил из Фоккуса был крестьянином до службы в армии в 1964 году. Рядом с ним падало много снарядов, когда была перестрелка, но он не оставил своего места. Я спросил его: «Ты не боялся?» Он ответил: «Нет, во время перестрелки ничего не боялся».

У Исмаила 24 феддана земли и он хочет жениться после победы. У него хороший друг - Гума. Гума работает на СОН-9. На фронте два года. Когда они завтракали, то пригласили нас кушать с ними и сказали командиру: «Мы имеем пищу как в Каире». И смеялись. Они говорят правду!

Под землей

По песку машина пришла на позицию, и вдруг командир спросил меня: «Что ты видишь впереди?» «Ничего я не вижу,- ответил я и подумал: - Зачем он спросил меня? Он видит то же, что вижу и я».

Командир счастливо засмеялся и сказал мне: «Это я и хотел знать. Этот район, который ты видишь впереди, включает много позиций. Мы построили эти позиции под землей, чтобы защитить наших солдат от средств разведки противника. Как ты видишь, мы построили позиции в этом районе. Конечно, есть позиции сверху над землей для стрельбы по противнику».

Командир, который рассказывает, - молод. Во время учебы он смог узнать, как 30 армий в мире работают!

Во время перестрелки

В убежище под землей мы завтракали и я спросил командира: «Они всегда так кушают?» Сказал мне командир: «Спрашивай их». Его мужчины ответили: «Да».

Воин Юсэф, который приехал из Десуха, работает поваром на позиции. Он родился в декабре 1944 года. Он полюбил работу повара и

сказал мне, что армия дает нам хороший солдатский паек. Стрельба не мешала ему готовить солдатам пищу. Его друг Кешк работает поваром тоже. Он работал в магазине рыбы до службы в армии.

Пограничник

Мы продолжали экскурсию на юг. Пограничник дал нам сигнал, чтобы мы остановили машину, и попросил нас подвезти его. Он сказал, что приехал сюда за бутылкой керосина из соседнего пункта. Он прошел три километра пешком, когда мы встретили его. Я спросил его: «Почему ты не воспользовался верблюдом?» «Потому что верблюд предназначен для разведки, а не для поиска керосина»,- ответил он.

Когда мы поехали в другой раз, встретили другого пограничника. Его зовут Хассабу. Хассабу родился в Судане и ему было теперь 40 лет. Он работает целый день. Только когда молится, то не работает.

Наши пограничники защищают нашу землю.

На Шадуане

Мы начали экскурсию в Гардаке через залив для осмотра острова Шадуана. Шадуан находится на пересечении в 35 км от Гардаки и в 25 км от Расс Мухаммеда на юге Синайского полуострова. Его длина 12 км. Командир сказал, что подготовка позиции производилась длительное время. По всей длине острова находятся позиции воинов. На южном рубеже есть маяк и некоторые постройки, которые противник разрушил. Там я встретил воина Гариба. Он родился в Суэце, но жил в Сугаге. Он командос. Я спросил его:

Ты любишь командос?

- Да, - он ответил.

- Почему, - я спросил.

- Потому что командос делают переправу и форсируют залив, ответил он.

Он начал службу, когда ему было 17 лет. Потом я спросил воина Габера, который пришел из Алабассия (район Каира) и начал службу в 1968 году: «Ты хочешь оставить Шадуан?» Он сказал: «Нет, я не оставлю Шадуан, потому что я жил здесь долго. Я полюбил командира и моих друзей, и они полюбили меня».

Я тоже полюбил этот остров.

Газета «Аль-Ахрам» от 8 декабря 1970 года
Корреспондент Абду МУБЭШИР
Перевел Гамаль Закария АШАМЛИ
8 января, 1971 год
г. Рос-Гариб

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Часть 1. На Суэцком Канале

Глава 1. Мистер Усэма и другие 6
Глава 2. День второй и последующие 15
Глава 3. Поездка в Александрию 22
Глава 4. Касура 32
Глава 5. Борьба с москитами 41
Глава 6. Контрасты и парадоксы 46
Глава 7. Вечер вопросов и ответов 54
Глава 8. Исмаилия. 30 августа 1970 г. 62
Глава 9. Суэц. 12 сентября 1970 г. 69
Глава 10. Траурные дни в Каире 79
Глава 11. Как я изучал арабский язык 83

Часть 2. К югу от Суэца (27 ноября 1970 г.)

Глава 1. Дороги 89
Глава 2. Рас-Гариб и Гордэга 98
Глава 3. Переводчик при переводчике 107
Глава 4. Встреча в пустыне 110
Глава 5. Дела военные 113
Глава 6. Автомобиль или вертолет 124
Глава 7. В Каир! 129
Послесловие 135
Вот что писали в те дни египетские газеты 139
Оглавление 144
Имеющиеся сокращения 144

Имеющиеся сокращения.

ЗЕНАП - зенитно-артиллерийский полк
ИТР - инженерно-технические работники
КП - командный пункт
КПП - контрольно-пропускной пункт
НП наблюдательный пункт
ОАР - Объединенная Арабская Республика
ПВО - противовоздушная оборона
ПУАЗО - прибор управления артиллерийско-зенитным огнем
СОН - станция орудийной наводки
СПО - станция питания орудий
ЦРЯ центральный распределительный ящик